

Рольф ВИНТЕР

КОШМАРЫ АМЕРИКИ

Рольф ВИНТЕР

КОШМАРЫ АМЕРИКИ

Сокращенный перевод с немецкого

А. Гутермана и А. Назаровой

Издательство
„Международные отношения“
Москва 1973

Rolf WINTER

ALPTRAUM AMERIKA

Franz Schneekluth Verlag KG

München. 1971

Автор книги — западногерманский буржуазный журналист Рольф Винтер длительное время пробыл в Соединенных Штатах в качестве корреспондента журнала «Штерн». За рекламно блестящим фасадом «американского образа жизни» он увидел столько политических и социальных кошмаров, что посчитал своим долгом, по его словам, «предостеречь от Америки» соотечественников и остальной мир. Картина больного общества, нарисованная Рольфом Винтером, впечатляюща. Читатель невольно приходит к мысли о том, что у США нет надежд на выздоровление, на освобождение от кошмаров, ежедневно и ежечасно порождаемых капиталистической системой.

Эта книга — субъективная, однако ее субъективность схожа с той, с какой инспектор плотины говорит о приближающемся урагане и о сопряженной с ним опасности для его страны.

О том, что я напишу эту книгу, я знал уже в тот страшно холодный день, когда прибыл в Рейли (Северная Каролина), чтобы подготовить для журнала «Штерн» серию репортажей о Соединенных Штатах.

Президент Никсон опубликовал в этот день в Вашингтоне свое послание о положении страны, нарисовав миру картину динамичного, могущественного и невероятно богатого государства.

В Рейли же в этот день голодали и страдали от холода многие люди, которые олицетворяют другую Америку — Америку бедности, отчаяния и безысходности.

Я знал, что газеты Западной Германии поместят на следующий день сообщения только о той Америке, о которой говорил президент, ибо о Рейли они не имеют обыкновения писать.

Итак, в моей книге вы прочтете о том, что я видел и пережил в Америке. Я хотел бы, чтобы эта книга стала вкладом в дело защиты Европы.

Аренсбург, 1971 год

Рольф Винтер

МИРОВАЯ ДЕРЖАВА: СЛАДКИЕ РЕЧИ И БОЛЬШАЯ ДУБИНКА

В огромном танцевальном зале фешенебельного вашингтонского отеля «Хилтон» на Коннектикут-авеню 2500 человек поднялись со своих мест; в почтительном молчании они устремили взоры к двери, через которую входил в зал президент.

Улыбаясь и по обыкновению слегка наклонив голову чуть-чуть влево, Ричард Милхауз Никсон поздоровался с присутствующими и сел; началась типично американская церемония: ежегодный завтрак у президента по случаю Дня молитвы.

Президент прибыл с супругой; в зале находились министр обороны, другие члены кабинета, многие члены сената и палаты представителей, высокопоставленные чиновники министерств, а также вашингтонский свет; в общем это было большое событие.

Произносились благочестивые речи, но в отличие от Европы, где о боге и вере говорят в елейно-риторических выражениях, тон этих речей был живой и бодрый, здесь не складывали руки для молитвы. Министр обороны, сын пресвитерианского священника, высказал в коротком выступлении ряд хороших идей, а затем подошла очередь президента.

Только что в Белом доме, рассказывал Никсон двум с половиной тысячам присутствующих, он подготавливал послание о положении страны, с которым президент выступает каждый январь, и при изучении посланий своих предшественников на этом самом высоком посту в Соединенных Штатах ему пришла в голову следующая мысль. Все без исключения американские президенты молились о том, чтобы ими руководил бог, а американский народ всегда считал себя народом, руководимым богом. Поэтому, сказал президент, «наша страна может дать миру

больше, чем другие народы. Мы можем обеспечить миру духовное руководство и осуществление его идеалов».

В тот день, когда состоялся завтрак у президента, ряд университетов в стране был временно закрыт из-за студенческих волнений. В некоторых школах учителя обнаружили, что и прошедшей ночью снова имели место случаи вандализма: выбиты стекла в окнах, поломана мебель, вымазаны стены, совершены поджоги.

Из крупных учебных военных лагерей американских вооруженных сил в этот день снова бежали солдаты; в общей же сложности дезертировало уже несколько дивизий.

Когда президент Никсон, закончив речь, сел на свое место в танцевальном зале отеля «Хилтон», в полицейских участках страны дежурные как раз дописывали рапорты о случившихся в прошедшую ночь кражах со взломом и нападениях с целью грабежа и констатировали, что «ничего нового» не произошло, хотя число уголовных преступлений, пожалуй, снова будет рекордным.

Миллионы американцев в тот день голодали, миллионы мерзли, а горстка американцев за те немногие секунды, которые понадобились Ричарду Никсону, чтобы пройти от трибуны к своему месту, стали богаче на несколько тысяч долларов, не пошевелив для этого даже пальцем.

Когда президент сел, повсюду в стране чиновники уголовной полиции и официальные судебно-медицинские эксперты склонялись над телами людей, убитых прошедшей ночью; причем жертв было столько, сколько в Англии не бывает за полгода. В крупных городах на восточном побережье и в Южной Калифорнии люди вдыхали отравленный промышленными предприятиями и автомобилями воздух, уже давно поражающий дыхательные пути и легкие.

Когда президент вновь встал, чтобы легким поклоном поблагодарить 2500 человек за дружеские аплодисменты, которыми была встречена его прочувствованная речь, в

США, по данным Управления просвещения, насчитывалось 24 миллиона взрослых, не умеющих ни читать, ни писать, а также 8—12 миллионов детей, которые, пожалуй, никогда и не будут обучены грамоте. В Чикаго в этот момент врачи отказались делать одной женщине операцию, от которой зависела ее жизнь, потому что она не могла оплатить счет за сделанное ей ранее переливание крови. В Соединенных Штатах на тот день насчитывалось больше жилых домов без воды, электричества и уборных, чем во всей Северной Европе. Там были более страшные трущобы, с еще более ужасающей нищетой, чем в какой-либо другой стране, не считая разве только колоний. И там была ненависть.

Белые ненавидели черных, черные — белых. Южане ненавидели янки с Севера, студенты — профессоров, горожане — бунтующих студентов. Страна была больна, и повсюду были видны симптомы болезни. По словам мэра Нью-Йорка, страна была столь серьезно больна, что над ее существованием нависла угроза.

И все же когда президент Никсон в сопровождении чиновников уголовной полиции покидал танцевальный зал отеля «Хилтон», проходя мимо стоявших шпалерами аплодировавших людей, чтобы сесть в свой удобный и пуленепробиваемый автомобиль, он верил, что Соединенные Штаты Америки в состоянии обеспечить миру духовное руководство и осуществление его идеалов.

Он всегда верил в это. В 1968 году, когда Никсон баллотировался на пост президента, он во всех речах обещал, что наступит, наконец, благословенное время и Соединенные Штаты возьмут на себя миссию по руководству миром, чего жаждут все люди на земле. Он постоянно уверял своих слушателей в том, что мир считает Соединенные Штаты страной, где действительно можно счастливо жить. Он взывал к национальной гордости, проповедовал порой откровенный шовинизм и, разумеется, «особую миссию» американцев на земном шаре.

Ричард Никсон не был оригинален: и до него об этом так или иначе говорили все президенты США. Любой американский президент считал себя миссионером, призванным руководить миром с целью его усовершенствования. Президент Теодор Рузвельт говорил об американизации мира как об обязанности, которую он считал не только неотвратимой, но приятной и необходимой. Президент Гарри Трумэн решил, что в хаосе, царившем в мире после второй мировой войны, Соединенным Штатам принадлежит руководящая роль, и, не задумываясь, объявил, что эту роль им доверил сам всемогущий бог. Роберт Кеннеди, отправляясь в путь, который должен был привести его на президентский пост, но закончился трагически в кухне отеля «Амбассадор» в Лос-Анджелесе, тоже обещал американскому народу, что будет вместе с ним осуществлять духовное руководство всей планетой.

— Мы убеждены, — говорил не без иронии видный американский теолог Рейнгольд Нибур, — что, за исключением периодов потрясений, мы являемся если не властями человечества, то по крайней мере его опекунами на пути к совершенству.

Однако Соединенные Штаты и в периоды потрясений считали себя опекунами всего человечества. Ведь по всем объективным данным, в то утро, когда Ричард Никсон давал завтрак по случаю Дня молитвы, Соединенные Штаты переживали потрясения и глубокий кризис, и еще более тяжелый кризис грозил им. Репутация Соединенных Штатов в мире была запятнана: мораль в стране упала; многие государства, которые прежде добровольно подчинялись американской опеке и считали Америку сказочной страной, стали сомневаться в ее способности руководить или наводить порядок.

Мир недоумевает. С одной стороны, он восхищается потрясающей способностью американского народа создавать и накапливать богатства, а с другой — безмерно удивлен тем, что американцам не удается покончить у

себя хотя бы с ужасающей бедностью и ликвидировать причины постоянной гражданской войны, коренящиеся в противоречии между живущими в Америке расами.

Сохранение бедности связано с одним из основных положений американской философии, которое гласит: «Занимайся каждый своим делом»,— и называется также «свободой».

Американская нация всегда считала себя преимущественно обществом деловых людей. Национализм, порой нелепый и намеренно раздувавшийся, нужен был ей лишь для того, чтобы внушить самой себе, насколько высоко-нравственно и правильно живет деловая свободная нация. В этом обществе всегда действовал принцип: бери все, что можно, а если получится, то и еще немного. Это правило суровых времен первых поселенцев, которым страна обязана своим сегодняшним могуществом, оставалось неизменным и не допускало хотя бы чуть более глубокого социального толкования роли народа. Чаше, чем это было в интересах страны, свобода оборачивалась жестокостью. Свобода означала возможность добиться успеха умом и мускулами, а в случае необходимости и насилием. Любому мойщику посуды или продавцу сосисок, чистильщику обуви или дворнику свобода сулила шанс стать мультимиллионером.

Чем стремительнее развивалась страна на основе принципов «дикого Запада», чем скорее обгоняла она другие страны по уровню производства и накоплению богатств, тем более обособленным становился Олимп, на котором жили многие американские граждане, убежденные в том, что их система не только свободна, но и служит образцом для остального мира, которому в конце концов придется приспособиться к американскому образу жизни, чтобы решить все проблемы нашей планеты.

В условиях американской свободы всегда были люди, которым мало что перепало в борьбе за существование. Раньше неудачники молчали, так как считали само собой

разумеющимся, что свобода вообще включает в себя и свободу потерпеть неудачу. Теперь — все не так. Нынешние волнения в американских гетто, бунты студентов и профессоров и брожение в народе — это попытка покончить с невероятным извращением понятия свободы в Америке. Обществу, где процветает нажива, противоборствует морализирующая молодежь, в среде которой две трети студентов, к удивлению своих отцов, отказываются участвовать в безудержной наживе. Для них и для мятежных негров в гетто 632 910 рекламных объявлений, обрушиваемых радио, телевидением и печатью на каждого американца за год, это не прекрасные символы свободы и благосостояния, а отличительные черты морали, которая ориентирует только на доллар и при этом даже позволяет шагать по трупам.

Промышленность и государство в Соединенных Штатах заключили исполненный согласия союз. Когда во времена президента Дуайта Д. Эйзенхауэра один из его ближайших сотрудников изрек, что то, что хорошо для «Дженерал моторз», хорошо и для Соединенных Штатов, в Европе выразили удивление по поводу столь явной наглости капитализма. А между тем сотрудник Эйзенхауэра произнес вслух лишь то, что в США уже давно считается прописной истиной.

Промышленность и правительство совместно и в постоянно тщательно координируемом взаимодействии построили гигантскую империю, с помощью которой Соединенные Штаты пытаются распространить свое господство на весь мир. «Дух предпринимательства, — пишет американский историк Макс Лернер, — оказывает влияние на внешнюю политику Соединенных Штатов, равно как и на политический аппарат страны, ее правосудие, на толкование конституции, на печать, церковь и даже на профсоюзы».

За пределами своей страны американцы прибирали к рукам все, что только могли; они никогда не были щепе-

тильными, поскольку, подобно своим президентам, верили, что правда на их стороне и что их активность способствует совершенствованию человечества.

Америка распоряжается в других странах бóльшим количеством нефтяных месторождений и медных рудников, залежей бокситов, хрома, никеля, вольфрама и марганца, чем весь остальной мир. Она создала там, в том числе в Федеративной Республике Германии, больше экономических колоний, чем какой-либо другой народ в истории человечества. Американцы добивались успеха, следуя девизу президента Теодора Рузвельта: «Произносите сладкие речи, но всегда носите при себе большую дубинку, и тогда вы добьетесь успеха».

Большая дубинка также была изготовлена в сотрудничестве между правительством и промышленностью и постоянно совершенствовалась. Вудро Вильсон, правивший Америкой с 1913 по 1921 год и непонятно почему вошедший в историю как «миротворец», посылал «для защиты американских интересов» в Мексику, Доминиканскую Республику, Гватемалу, Панаму, Никарагуа, на Кубу, в Гаити и Гондурас солдат, вооруженных винтовками и пушками, изготовленными на американских предприятиях.

Ныне правительство перекачивает две трети своего огромного военного бюджета в тесно связанную с ним промышленность, которая в обмен на это создала мощный военный потенциал, гарантирующий, в свою очередь, дальнейшее беспрепятственное развитие американской торговли и ее прибыли.

Америка всегда стремилась посредством сладких речей и большой дубинки обратить мир в «истинную веру», а со времени распространения коммунизма по всей планете американская миссионерская деятельность усилилась примерно так же, как усиливается религиозное рвение священнослужителя, когда по соседству с ним кто-то собирается основать атеистический кружок.

Под предлогом «защиты от коммунизма» Америка производила в ряде стран выгоднейшие капиталовложения. В некоторые из них американцы с показным дружелюбием доставляли через парадный подъезд жалкие подачи, а через черный ход проникали, чтобы «во имя свободы торговли и мира» свергать не угодные им правительства, при случае содействовать политическим убийствам. Латинская Америка стала для американцев не просто сферой интересов, но и «во имя свободы торговли и мира» как бы подвалом собственного дома, хотя они и не аннексировали страны этого континента, как поступили в свое время с Калифорнией, Техасом, Нью-Мексико и Аризонай. Теперь США лишь вели торговлю, иной раз вводили свои войска, если торговле, как им казалось, что-то угрожает, и заявляли, будто торговля выгодна партнерам так же, как и им.

Однако партнеры стали замечать, что Америка не просто торгует, но и диктует собственные законы торговли. Колумбии, которая в 1950 году платила 17 мешков кофе за один американский джип, в 1967 году пришлось платить уже 57 мешков кофе за такой же автомобиль. Бразилии американцы просто запретили строить фабрику по производству растворимого кофе. Народы Гватемалы, Коста-Рики, Гондураса и Панама постепенно обнаруживали, что их странами управляют не национальные правительства, а американская компания «Юнайтед фрут».

Капиталовложения «великого благодетеля» — Америки в странах «третьего мира» приносят вдвое больше прибылей, чем американские инвестиции в индустриальных странах.

Америка стала богаче, вернее, богаче стали те в Америке, кто в погоне за богатством оказался изворотливее и кто действовал без угрызений совести. В то время как европейские политики ломали головы над тем, следует ли допустить итальянские помидоры в ряд стран Евро-

пейского экономического сообщества без пошлин, на льготных условиях или не допускать совсем, Соединенные Штаты развили такую экономическую активность, что, кажется, уже недалеко время, когда сбудется пророчество Теодора Рузвельта о полной американизации Европы.

Европа все более становится американской провинцией, причем не только в результате динамичной американской политики в Старом Свете, но и вследствие утечки умов из Европы в Соединенные Штаты.

Сто лет тому назад любой американский школьник знал, что Америка — милостью божьей страна, призванная обратить мир в «правильную» веру. Однако нынешняя молодежь отличается от той, которая жила в прошлом веке. Каждый третий американский студент уже участвовал в демонстрациях протеста против интервенции США во Вьетнаме, хотя прежде американские правительства делали почти то же самое во многих других странах.

Миллионы средних американцев охвачены сомнениями. Они видят, что американское общество трещит по всем швам, что свобода и жажда наживы создали атмосферу, в которой трудно жить: они убеждены, что с Америкой что-то неладно.

Для многих в Латинской Америке, Азии и Европе надежда на Америку как на спасителя мира уступила место страху перед мрачной перспективой, что закон дубинки и свободы, символизирующий законы джунглей, может стать всемирным законом.

Америка сегодня больна, и, что самое страшное, ее болезнь — заразная.

ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ: ГОРОД С ГНИЛЫМ НУТРОМ

Ужасно жарко, а влажный воздух делает жару просто невыносимой. Ни малейшего дуновения освежающего ветра, ни намек на тень. Солнце, стоящее в зените, палит нещадно, несмотря на постоянно висящую над городом дымку. Каждый шаг дается с трудом. Столица Соединенных Штатов изнывает от жары, но вынуждена терпеть ее.

Летом в Вашингтоне — сущий ад. У кого есть деньги, тот имеет кондиционеры в конторе, в квартире и в автомобиле. И все же совсем спрятаться от изнуряющей жары невозможно, как невозможно предотвратить гораздо большую опасность, чем жара: с наступлением лета становится беспокойно на улицах столицы.

Прежде в пору цветения вишен в Вашингтон устремлялись первые группы туристов, фотографировались на фоне Белого дома или Капитолия. Гордо развевался звездный флаг. Вашингтон был красив, красив был Потомак, приятно было сознавать, что находишься в историческом месте.

Но туристов уже давно не так много, как прежде. Зато там все больше становится преступников. Столицу могущественного государства захлестывает волна уголовных преступлений. Каждую ночь город охвачен ужасом, но вынужден терпеть, так как нет возможности бороться с преступлениями.

Разумеется, полностью поток туристов не прекратился. На больших автомобильных стоянках возле городских достопримечательностей можно увидеть автобусы из Каролины и Мичигана, Массачусетса и Нью-Йорка. Длинные очереди туристов стоят у Белого дома, несмотря на жару и духоту, в ожидании экскурсии по резиденции президента. Они пройдут по комнатам Белого дома,

будут восхищаться его роскошью, затем купят сувениров, всяких нелепых безделушек из камня, ткани, бумаги и дерева, призванных воспитывать патриотизм, и снова поспешат к своим автобусам, чтобы успеть до наступления темноты выбраться из Вашингтона. Они просто боятся его.

Вечером Вашингтон пустеет. Десятки тысяч работающих здесь уезжают в пригороды, в штаты Мэриленд и Виргиния. Конечно, ежедневно пробираться на автомобиле по забитым транспортом улицам и дорогам — это мучение, но еще большее мучение — жить в столице. Поскорее вон из Вашингтона, ибо вечером город страшен. Он болен!

Когда прекращается поток автомобилей, вашингтонские улицы пустеют: в столице государства, претендующего на установление «порядка» во всем мире, по вечерам и они опасны, подобно змеинному гнезду.

Дела владельцев отелей в Вашингтоне становятся все хуже: люди просто избегают останавливаться в этом городе. Кинотеатры пустуют, ибо в округе небезопасно, как небезопасно во всем городе; не спасают ни тройной замок, ни злая сторожевая собака, ни электронная сигнальная аппаратура, установленная в богатых домах лучших кварталов города.

Флаги на правительственных зданиях по вечерам спускаются. Порядок, который они символизируют, отступает. Напрасно проносятся по городу автомобили полицейских патрулей, разрывая ревом своих сирен тишину душной ночи, напрасно спешат оперативные группы полиции к местам все новых ограблений и убийств. Наступающей ночью все равно произойдет примерно 60 ограблений, более 100 краж со взломом, но почти половина ограбленных и обкраденных не сообщит об этом полиции: какой смысл, ведь полиция уже давно бессильна.

Можно с абсолютной точностью предсказать, что этой ночью один человек будет убит, по меньшей мере

одну женщину, как бы она ни сопротивлялась, изнасилуют. Будут раненые, поступление которых в больницу никого не взволнует: персонал больниц к этому привык и вполне уверен, что раненых привезут. И этой ночью кое-кто из полицейских, несомненно, задумается, не сменить ли ему профессию.

Начальник вашингтонской полиции Джерри Уилсон знает, что моральное состояние его подчиненных плохое. Он делает все, что в его силах: добился повышения жалованья, позаботился о хорошей оплате сверхурочных часов. Однако это не улучшило настроение в участках. Полицейские убеждены, что они не могут победить в войне, на которую их отправляют каждую ночь.

Перевес по-прежнему остается на стороне противника. Вашингтону нужно как минимум 20 тысяч полицейских, чтобы справиться с положением, но на их содержание денег нет. Между тем ежегодный ущерб от уголовных преступлений по всей стране равен более 5 миллиардов долларов, а число преступлений неуклонно растет. Вашингтону нужны также решительные судьи, которые отправляли бы преступников в тюрьмы, а не выпускали их сразу же на свободу. Однако не будет ни 20 тысяч полицейских, ни решительных судей; полицейские это знают, а Вашингтон уподобляется аду.

Полицейские в Вашингтоне уже давно чувствуют себя не борцами против преступлений, а их регистраторами. Но и с регистрацией дело обстоит плохо, так как многие жертвы нападений и ограблений даже не звонят в полицию.

Из тех преступлений, которые становятся известны полиции, только 12 процентов влекут за собой аресты, только 6 процентам арестованных предъявляется обвинение и лишь 1 процент из них подвергается тюремному заключению. В Вашингтоне находятся на свободе тысячи людей, совершивших ограбления и даже убийства, потому что судьи не справляются с разбором все расту-

шего числа дел о преступлениях. А поскольку преступники находятся на свободе и к тому же не имеют работы и, следовательно, средств к существованию, они грабят снова, тем более что при такой слабой полиции риск для них в общем-то невелик.

Число уголовных преступлений в Вашингтоне увеличивается на 20 процентов в год. По мере роста преступности увеличивается и число вашингтонцев, покидающих свой город, разумеется, тех из них, кто в состоянии это себе позволить.

В Вашингтоне уже разорились десятки владельцев небольших торговых предприятий. Они столь часто подвергались ограблению, что страховые компании, в конце концов, отказались брать их и дальше под свою защиту. В отчаянии торговцы обращались за помощью к полиции; ведь многие из них всю жизнь трудились, чтобы приобрести себе предприятие. К тому же, чёрт побери, это столица, а не «дикий Запад», неужто такое возможно в самом центре Вашингтона!

Да, с сожалением заявляла полиция, в Вашингтоне все возможно.

В Вашингтоне, например, командование Корпуса морской пехоты — отборных войск американских вооруженных сил запретило личному составу появляться в районе Джорджтауна, где все время неспокойно. Два молодых офицера были застрелены там в одном из пивных баров, неподалеку от дома, в котором в начале 60-х годов Джон Ф. Кеннеди, только что избранный президентом США, формировал свое правительство. В казармах морской пехоты постоянно задают вопрос: что же это за страна, где солдатам запрещают свободно передвигаться по своей же столице.

И белых, и черных жителей Вашингтона охватывает страх, если они слышат ночью хотя бы малейший шум у дверей своих домов. — Вашингтон — терроризированный город, — говорят они. — Это ведь позор! Для чего

только мы платим налоги? Почему президент спокойно взирает на то, что творится в столице?

Президент же отделяется словами. Он обещает превратить столицу в витрину нации, где будут царить право и порядок. Для него пишутся красивые речи, он эффектно их зачитывает, а преступность растет. «Сколько же можно терпеть такое?» — спрашивают с горечью полицейские.

Ежегодно в Соединенных Штатах нападениям подвергаются 33 600 полицейских, из них около 80 погибают. Вашингтон вносит в это свою «лепту». В Вашингтоне все возможно, и те его жители, которые покинули этот душный город, знали, что делают.

Но жители Вайоминг-авеню не захотели сдаваться, хотя преступления их не миновали: в одном месте кого-то убили, в другом — произошла перестрелка, в нескольких домах — кражи со взломом. Полиция, конечно, помочь не могла, и жизнь стала невыносимой. Люди запирали свои квартиры как тюремные камеры, нервы у них начали сдавать. Да и можно ли долго выдержать, если любой шорох заставляет вздрагивать и думать о грабителях. И жители Вайоминг-авеню решили действовать. Они на собственные средства установили прожекторы, буквально залив светом свою улицу. Возможно, они на несколько лет раньше сделали то, что затем вынуждены будут предпринять весь Вашингтон и даже вся страна; во всяком случае прожекторы помогли, преступники перестали появляться в этом районе, а население обрело покой, хотя и тревожный, так как настоящего покоя сейчас нет ни у кого в Вашингтоне.

В Вашингтоне все возможно, ибо город, в котором принимают решения, оказывающие влияние на самые отдаленные уголки земного шара, стал «городом с гнилым нутром». Так назвал его в письме своим избирателям член конгресса от штата Арканзас Джон П. Хэммершмидт. «Вашингтон,— писал он,— страшный город, где

с наступлением темноты воцаряются анархия и хаос». Но вскоре ему довелось убедиться, что страх там испытывают люди и днем, даже в зданиях, где делается мировая политика: государственный департамент в ответ на жалобы сотрудников, которые становились жертвами нападений в коридорах своего же учреждения, принял более строгие меры безопасности и ввел строгую проверку всех посетителей.

Тот, кто вынужден жить или работать в Вашингтоне, должен считаться с тем, что преступность существует, и как-то приспособливаться. Водители такси, например, отсылают домой по почте выручку, как только она достигает 10 долларов. Если уж станешь жертвой нападения, так пусть хоть деньги будут целы, рассуждают шоферы. Когда в вечернее время такси вызывают в глухие районы города, водители просто отказываются ехать, так как слишком часто их коллег привозили оттуда с пробитой головой. В Вашингтоне не хватает шоферов такси, эта профессия стала опасной.

Приспособливаться приходится не только шоферам такси. Владельцы магазинов нанимают частных полицейских, домовладельцы заводят злых собак, квартиросъемщики приобретают все более совершенные и надежные замки. За покупками люди отправляются по возможности не с наличными деньгами, а с чеками. Но ведь деньги приходится иной раз перевозить, притом большие суммы, а это очень опасно. Известно, например, что не так давно в нескольких кварталах от Белого дома грабители напали на почтовый автомобиль и забрали 382 000 долларов, а несколько дней спустя трое мужчин вошли в здание министерства торговли и, угрожая вытасненными из-под пальто обрезам, изъяли из кассы 100 000 долларов.

В американской столице есть особенно опасные районы, но полностью безопасных нет ни одного. В районе, который находится в ведении первого полицейского уча-

стка и где расположены Белый дом и Капитолий, женщин охватывает ужас, когда они слышат шаги за собой. Этот район, олицетворяющий в глазах всего мира Соединенные Штаты, занимает по преступности третье место в Вашингтоне.

Один американский журналист, проживавший всего в километре от Капитолия, в течение одного года три раза подвергался ограблению. Трижды он обращался за помощью в полицию, и трижды полиция была бессильна ему помочь. Сейчас этот журналист переехал на другую квартиру и купил огнестрельное оружие, так как там, где не могут помочь власти, надо самому себе помогать; и если уж должна пролиться кровь, то пусть это будет по крайней мере чужая; коль скоро Вашингтон стал «диким Западом», то надо и стрелять.

Жители Вашингтона имеют 100 тысяч единиц огнестрельного оружия, не считая стилетов, кастетов, кистеней и дубинок. Огнестрельное оружие есть и у детей, у многих детей. Полиции приходилось задерживать 13-летних, нападавших на прохожих умело, с недетским коварством, с убийственным хладнокровием, как их учили по телевидению. Иной раз стреляли в своих жертв потому, что те имели при себе меньше денег, чем хотелось бы юным грабителям. Кто не имеет собственного оружия, тот может взять его напрокат, но за это должен заплатить частью награбленного.

Куда скатывается этот город, эта страна, которую он олицетворяет?

Десятки тысяч детей в Вашингтоне стали наркоманами, многих из них уже нельзя вылечить. Когда им нужна очередная порция наркотиков, они начинают безумствовать и в этот момент готовы на все.

В школах американской столицы постоянно дежурят полицейские и детективы, так как и там совершаются преступления. Почти всякий раз, когда полиции удастся поймать малолетнего преступника, оказывается, что к

преступлению его прямо или косвенно привело употребление наркотиков. Фотограф, который в одной из школ снимал выпускные классы, был дважды ограблен школьниками, отнявшими у него деньги. Местная газета посвятила этому три строчки. Экая важность, какой-то незначительный инцидент, стоит ли обращать на него внимание! Зато газеты подробно пишут о большой политике, рассказывают о дипломатических раутах и заседаниях комиссий конгресса в Капитолии. И создается впечатление, что в Вашингтоне все хорошо, хотя на самом деле город находится буквально на чрезвычайном положении.

«Мэрберри плаза» — одно из роскошных столичных зданий с меблированными квартирами. Здесь также царит чрезвычайное положение, и объявили его сами жильцы. Тот, кто хочет войти в дом, обязан иметь пропуск, подписанный тем, к кому направляется гость. Затем он должен зарегистрироваться у привратника, предъявить удостоверение личности и расписаться в специальной книге. И только после того, как привратник сравнит его подпись с подписью в удостоверении личности и спросит у жильца дома, действительно ли он ожидает именно данного гостя, последний получает разрешение войти в дом. Это — скандал, признают жильцы «Мэрберри плаза», но что поделаешь: Вашингтон болен — приходится оберегать себя.

Жильцы «Мэрберри плаза», насчитывающего 670 квартир, наняли четырех привратников: у двоих из них сторожевые собаки. Наружные двери дома всегда закрыты. В доме, превращенном буквально в крепость, жильцы, конечно, чувствуют себя в безопасности. И все же они хотели бы уехать из Вашингтона, ведь детей нельзя выпустить на улицу поиграть.

...По ночам безлюдно у памятника Линкольну, пустынные берега Потомака и улицы вокруг Белого дома. Влажная жара тяжело опускается на город, который жаждет обрести покой, но не может. Ночная тишина об-

манчива, на самом деле в столице Соединенных Штатов идет война.

На этой войне, разумеется, также кто-то зарабатывает. Преуспевают агентства, предоставляющие вооруженные ночные эскорты. Зарабатывают ловкие дельцы, специализирующиеся на дрессировке злых немецких овчарок; цены на этих собак подскочили в последние годы на 250 процентов. Наживаются те, кто производит железные решетки, сигнализационные устройства, всякие новые приспособления для защиты от грабителей. Наживаются и торговцы оружием.

Национальная ассоциация промышленников издала справочник по безопасности, который чем-то напоминает наставление, разработанное в свое время Клаузевицем. «В мирное время враг готовится к новым нападениям», — говорится в справочнике, а под «врагом» имеется в виду вор и бандит.

Запуганные предприниматели израсходовали целые состояния, чтобы повысить безопасность своих предприятий. Быстро созданные «фирмы по обеспечению безопасности» получают огромные прибыли. Один журналист бросил свою профессию и основал такую фирму; сейчас он зарабатывает так много, что сможет когда-нибудь купить газету, для которой раньше писал. Прибыли частного сыскного бюро «Пинкертон» увеличиваются пропорционально росту преступности — на 20 процентов в год.

Однако «продавцы безопасности» бессильны что-либо сделать в Вашингтоне, если они вообще не мошенники. Борьбу с преступлениями, хотя и безуспешную, приходится вести все же полиции.

Полицейские не трусы, они лишь разочарованы и устали. Взять, к примеру, полицейских из 4-го участка американской столицы. Они несут службу в зависимости от числа уголовных преступлений района, однако в течение одной ночи у них гораздо больше дел, чем у полицей-

ских Гамбурга и Мюнхена. Им не раз приходилось задерживать преступников, но не успевали они заполнить бесконечные формуляры, как судебные власти отпускали задержанных под залог. В Вашингтоне много дельцов, которые готовы предоставить залоговые ссуды, и получить такую ссуду может любой; дельцам же безразлично, каким способом уголовник добудет деньги, чтобы возвратить долг.

Более трети преступников, которые были задержаны чиновниками 4-го полицейского участка и затем отпущены под залог, тут же совершили новые преступления. При этом они еще насмехались над полицейскими, оскорбляли их, благо это не возбраняется.

Неудивительно поэтому, что полицейские озлоблены. Настало время, говорят чиновники из 4-го участка, чтобы страну возглавил сильный человек, иначе все полетит в тартарары. На последних президентских выборах полицейские поддерживали крайне правого Уоллеса; во время очередных выборов они снова будут голосовать за него. Джордж Уоллес должен стать президентом, заявляют полицейские, он-то уж наведет порядок, вот увидите!

Итак, больной Вашингтон живет в ожидании «великого исцелителя», сильного человека, который восстановит «старые добрые времена», и городская полиция охотно предоставит в его распоряжение свои дубинки. Его будут приветствовать и белые и черные, потому что именно черные еще больше, чем белые, страдают в условиях террора и преступлений. «День сильного человека» придет — такова мрачная уверенность вашингтонских полицейских, и если бы они не верили в это, они немедленно покинули бы свою службу.

Автоматическая мойка для автомашин в нью-йоркском районе Квинс процветает. Сегодня — воскресенье, у клиентов есть время. Автомобили выстроились на улице в длинную очередь, и, хотя работа идет быстро, очередь не уменьшается.

С промежутками в полчаса мимо медленно проезжает полицейский автомобиль. Чиновники полиции бросают беглый взгляд на очередь, на то, что делается в моечном цеху, на конторку хозяина, следящего за работой и взимающего плату с клиентов.

Владелец мойки знает, что полицейские вернутся. Они приедут за взяткой, как всегда, в конце месяца, а возможно и раньше, чтобы бесплатно заправить личные автомобили, произвести кое-какой ремонт или, может быть, сменить масло.

И ничего ведь не поделаешь! По воскресеньям мойка должна быть закрыта. Но клиенты приезжают именно в воскресенье, и тогда приходится ее открывать, работа в этот день кипит, и тут уж надо готовить взятку полицейским.

Так делают все по соседству — в любом гараже, в любой ремонтной мастерской, в любой автомойке. Хозяин автомойки с заправочной колонкой приобрел свое предприятие недавно и поначалу не имел представления об установившихся здесь порядках. Но коллеги из расположенных по соседству предприятий и полицейские быстро «просветили» его, и теперь он делает то же, что и другие: платит каждый месяц, а в декабре платит трижды, потому что на этот месяц приходится рождество, в общей сложности платит 2 тысячи долларов в год, но зато он может быть спокоен.

Неподалеку от автомойки находится бар. Собственно, это не настоящий бар, а пивная с плохо освещенным и не

очень чистым залом; рабочие, которые приходят сюда пить пиво, оставляют здесь не много денег. По соседству много баров, поэтому доходы их владельцев невелики, их хватает лишь на то, чтобы прожить, потому что постоянно растут налоги, квартирная плата и разные другие издержки. А тут еще и полицейские.

Хозяин пивной уже привык к тому, что время от времени к нему приходят полицейские и требуют «шляпу», то есть 20 долларов, «костюм» — 100 долларов или только «пачку сигарет» — 5 долларов. Он платил им беспрекословно уже много лет: полицейским возражать нельзя, они с любым могут расправиться. К рождеству он давал крупную сумму; он был щедр даже тогда, когда полицейские приходили к нему в гражданском платье, чтобы взять себе недельный запас пива, разумеется, бесплатно. Порой они благодарили его.

Но те «добрые» времена прошли. Теперь владелец пивной вынужден платить полицейским 4 тысячи долларов в год. Это — огромная сумма, а полицейские становятся все более нахальными.

Недавно зашли четверо. Хозяин дал им 15 долларов, но они с бранью швырнули деньги ему в лицо: 15 долларов, мол, на четверых не разделишь. Хозяин добавил 5 долларов. Они ушли, явно недовольные, потому что ожидали большего.

Затем полицейские вернулись, ведя с собой девушку лет шестнадцати. Они утверждали, что девушка пила в баре пиво, а это запрещено, можно поплатиться правом содержать питейное заведение. Один из полицейских предложил «уладить дело» за 1200 долларов, и хозяину бара пришлось, конечно, выложить деньги.

Однажды в баре произошла драка. Хозяин безуспешно пытался разнять дравшихся и выставить: он знал, что драки обходятся дорого, если полиция узнает о них. И, конечно, полицейские не заставили себя ждать.

— Очень сожалею,— сказал старший чин,— но бар

придется закрыть; заведения, где происходят драки, терпеть никак нельзя.

Пришлось хозяину раскошелиться: за 250 долларов инцидент был исчерпан.

Платят полиции и владельцы похоронных бюро, а за это их автомобили могут стоять во время траурных церемоний в два ряда на улицах, где стоянка запрещена. Платят притоны, в которых встречаются гомосексуалисты, но зато полиция делает вид, что не замечает их. И так было всегда. Многие помнят еще Гарри Гросса, короля игорных домов в Бруклине, который заплатил полиции миллион долларов за негласное разрешение устраивать запрещенные азартные игры. Это было десять лет назад, но сейчас положение лучше не стало, скорее наоборот. Во всех районах Нью-Йорка насчитываются десятки ночных клубов, ресторанов и баров, где играют в такие игры, а от полиции отделиваются взятками.

Никто не знает, какие масштабы приняла коррупция в Нью-Йорке и тем более по всей стране. Всем известно, однако, что коррупция процветает, притом не только в среде полиции. Когда осенью 1970 года новый полицейский комиссар Нью-Йорка Патрик Мэрфи объявил войну взяточничеству среди 32 тысяч своих чиновников, в полицейских участках стали смеяться.

— Кто такой Мэрфи?— спрашивал один полицейский.— Что он, с неба свалился?

Коррупция стала частью американского образа жизни. Люди уже не удивляются, когда сталкиваются с нею. Коррупция есть в спорте и на всех уровнях политической жизни: в юстиции и в экономике, в печати и в крупных телевизионных компаниях,— она стала таким же типично американским явлением, как насилие и яблочный пирог.

В Новом Орлеане особенно отличились одиннадцать полицейских во главе с капитаном. Они не довольствовались сравнительно небольшими каждодневными взятками, а нахватали целые состояния. Неудивительно поэто-

му, что комиссар полиции Джозеф Джаируссо и начальник уголовной полиции Генри Моррис в течение многих лет безуспешно охотились за бандой преступников; она всякий раз успевала улизнуть еще до появления полиции.

В Лексингтоне (штат Нью-Йорк) в коррупции был уличен судья Уильямс Романс. В общей сложности он получил шестнадцать взяток на сумму 138 890 долларов. Неудача, однако, постигла судью Верховного суда штата Нью-Йорк Джеймса Роя. Он вроде бы хорошо знал нравы американской полиции, и поэтому, когда двое полицейских задержали его за превышение скорости езды на автомобиле, Рой ничтоже сумняшеся попытался откупиться от них двадцатью долларами. Но полицейские доложили об этом начальству, чего судья никак не ожидал.

В ряде штатов США судьи назначаются губернаторами, в других избираются народом. Адвокат Стенли Розенблат писал по этому поводу в книге «Коррупция при бракоразводных процессах»: «Судья зарабатывает намного меньше, чем хороший адвокат. Поэтому должности судей у нас очень часто занимают не сливки юриспруденции, а рабочие лошади политических партий». И дальше: «Политическая система выборов судей прямо-таки способствует коррупции, поскольку она держится на взаимных услугах. Кто хочет добиться чего-либо в политике, неизбежно оказывается у кого-то в долгу. Представьте себе, что процесс ведет судья, которому выступающий на процессе адвокат помог занять этот пост. Если адвокат А. выступает против адвоката Б. на процессе, на котором председательствует судья Смит, а адвокат Б. в свое время оказал большую финансовую поддержку избирательной кампании судьи, тогда как адвокат А. не только не помогал судье, но, больше того, содействовал конкурентам Смита, кто в таком случае выиграет процесс?»

Ответ на этот вопрос вряд ли вызовет сенсацию в Америке, как не вызвало даже удивления признание члена законодательного собрания штата Миссисипи Страйде-

ра. Он присутствовал при обсуждении в сенате штата вопроса о системе выборов по почте. Сенатор Фол Джонс заявил о том, что во время выборов по почте в ряде случаев имели место злоупотребления, поскольку избиратели брали бюллетени и незаполненными продавали их кандидатам. Страйдер признал, что лично он покупал не только отдельные голоса, но в свое время за 30 тысяч долларов купил все голоса в округе Таллахачи и стал его шерифом.

Теодор Уайт, один из самых искушенных наблюдателей политической жизни в Соединенных Штатах, заявил однажды в телевизионной передаче, что в Америке голоса избирателей всегда можно скупать оптом. Еще не было ни одних президентских выборов, сказал он, когда бы дело обошлось без мошенничества.

Ральф Салерно, один из старейших чиновников управления нью-йоркской полиции, убежден, что деньги, которые жертвуют на избирательную кампанию разного рода закулисные деятели, являются главным средством коррумпирования американской политики. Вначале дают деньги, затем шантажируют и оказывается, что расчет оправдался, говорит Салерно.

Однако не всегда. Когда негр Ричард Хатчер баллотировался на пост мэра промышленного города Гэри в штате Индиана и испытывал нужду в деньгах для ведения своей избирательной кампании, владельцы местных игорных заведений дали ему знать, что он может рассчитывать на их помощь в размере 100 тысяч долларов. Хатчер отверг их предложение, хотя ему нужны были эти 100 тысяч долларов, и, несмотря ни на что, победил на выборах.

Председатель комиссии палаты представителей по вопросам валюты и банков Райт Патмен утверждал, что «банки предлагают депутатам крупные суммы денег, акций, посты директоров, ссуды и деньги на ведение избирательных кампаний», если за это «народные представители» голосуют в интересах банков.

«С первых дней республики голоса депутатов покупались и продавались за большие и малые милости,— писал Дрю Пирсон и Джек Андерсон в книге «Факты против конгресса». Много было таких членов конгресса, как Виктор Уикерсхэм. Когда в 1940 году его избрали депутатом от Оклахомы, он жаловался: «Я бедный человек». В 1966 году он сообщал финансовым органам, что его состояние исчисляется уже 1 579 789 долларами. Уикерсхэм сумел сколотить такое богатство в конгрессе и вне его».

Необыкновенной ловкостью отличается в этом плане и сенатор от Луизианы Рассел Лонг, возглавляющий сенатскую комиссию по вопросам финансов. В Луизиане он активно участвует в приносящих крупные доходы нефтяных сделках и одновременно в Вашингтоне следит за тем, чтобы никто не посягнул на выгодные для нефтяных концернов условия отчисления прибылей, которые позволяют даже мультимиллионерам уклоняться от уплаты налогов. Никто в сенате и в Луизиане не удивится, если Лонг в результате такой двойной игры сколотит себе первый миллион и станет членом закрытого кружка в сенате, в который входят почти исключительно миллионеры.

У бывшего сенатора от штата Коннектикут Томаса Додда на пути к его первому миллиону не все шло гладко. Додд получил от своих сторонников приблизительно полмиллиона долларов для своей политической деятельности в качестве «народного представителя». Однако Додд иначе распорядился этими деньгами: часть из них он израсходовал на капитальный ремонт своей виллы и уплату подоходного налога, другая часть ушла на развлечения во время отпуска. Это не понравилось некоторым из жертвователей и коллег в сенате, и последний вынес ему порицание.

Между тем ко времени, когда Додду были предоставлены эти полмиллиона долларов, он кроме «жалкого»

бонуса сенатора в сумме 33 тысяч долларов в год получал еще 160 тысяч долларов за свою «разнообразную службу народу», особенно за речи.

Роберт Керр, сенатор от штата Оклахома, исключительно богатый человек, не раз говорил, что находится в конгрессе лишь для того, чтобы защищать собственные финансовые интересы. Едва ли кто-нибудь в родной Оклахоме ставил Керру в вину столь откровенное признание: Керр до самой смерти неизменно избирался в сенат. Вероятно, по-прежнему будут избираться в сенат и те его 28 членов, которые, как стало известно в конце 1970 года, получали взятки от организаций сомнительной репутации.

— Голос в сенате США имеет такое влияние,— констатирует сенатор Альберт Гор,— что всякий, кто захочет продать свою душу, может получить уйму денег. При этом не все сенаторы способны противостоять соблазну.

— Народ не питает больше доверия к парламенту,— жалуется сенатор Трастен Мортон из Кентукки.— Насколько я помню, еще никогда авторитет народного представительства не падал так низко, как сейчас.

Возможно, это и так. Но ведь простой народ всегда знал, что тот, кто посвящал себя политической деятельности, мечтал о богатстве: мэр, шериф, судья, губернатор, сенатор, президент, если только он и без того не владел миллионами, как, например, Джон Ф. Кеннеди, Герберт Гувер и Франклин Делано Рузвельт.

— Существуют три вида политики,— говорил Губерт Горацио Хэмфри, когда в 1960 году баллотировался в штате Западная Виргиния на промежуточных президентских выборах против Джона Ф. Кеннеди,— политика Большого Бизнеса, политика Большого Босса и политика Больших Денег. Я же не представляю ни одну из них, я представляю народ.

И он, конечно, проиграл, так как его противником был

кандидат, отцу которого ничего не стоило пожертвовать одному газетному издателю 500 тысяч долларов, чтобы облегчить агитацию в печати за сына.

Линдон Б. Джонсон пришел в политику без денег. Правда, жена его получила в приданое небольшую сумму, на которую они купили маломощную радиостанцию в Остине, в штате Техас. И Линдон Джонсон развернул политическую деятельность. Он стал членом конгресса, затем лидером демократов в сенате, вице-президентом, а после убийства в Далласе — президентом. Когда же он холодным январским днем 1969 года вернулся в свой Техас, он уже владел не только роскошным ранчо на берегу реки Педерналес, но и 30 миллионами долларов.

Никто в Америке не поставил ему в упрек такое головокружительное превращение из рядового члена партии, не пользовавшегося никаким влиянием «заднескамеечника» в парламенте, в настоящего набоба. В лучшем случае кое-кто с ухмылкой говорил о «ловком малом из Техаса» или же ссылаясь на этот случай как еще на один пример нравов, царящих среди политиков. Американцы следили за удивительной метаморфозой, происходившей с Линдоном Б. Джонсоном, так же как они следят за карьерой какого-либо спортсмена, на месте которого они с удовольствием оказались бы сами. Вполне естественно, что он брал только то, что можно было брать; можно было спорить по поводу вьетнамской политики Джонсона, но отнюдь не по поводу того, что он сумел извлечь личную выгоду из политики.

Аналогично американцы реагировали, когда после смерти Рузвельта Гарри С. Трумэн по недоразумению попал в Белый дом.

До того как он посвятил себя государственной деятельности и в конце концов отдал приказ об атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки, Трумэн тщетно пытался добиться успеха в неполитической сфере. Нефтяная концессия, на которой он надеялся сколотить состоя-

ние, ничего ему не дала. Магазин по продаже галстуков, открытый им на 12-й улице в Канзас-Сити, в течение двух лет влачил жалкое существование и в конце концов был продан с молотка за 25 тысяч долларов. Трумэну было уже 35 лет, пора было найти свое место в жизни, и он подался в политику.

В то время политической жизнью в Канзас-Сити управлял Том Пендергаст, подлинный властитель города. Он внушал страх всем окружающим не только своим внешним видом. Том Пендергаст был похож на боксера, который всегда дерется с более сильным противником, и поэтому лицо его постоянно изуродовано. Но в действительности победителем всегда выходил он. Если кто-либо покушался на его трон, то к очередным выборам претендента не оказывалось в живых; большинством голосов, которое он сам определял, Пендергаст снова избирался боссом города. Том Пендергаст, тесные связи которого с крупными гангстерами были столь же общеизвестны, как и его сомнительные сделки, заключавшиеся им как предпринимателем с самим собой как политическим боссом города, позаботился о неудачливом до тех пор новичке в политике Гарри Трумэне. Он назначил Трумэна судьей, и с этого началась политическая карьера последнего.

Поскольку Трумэн вел дела в угоду своему покровителю, он вскоре получил новый шанс и стал членом конгресса США. При этом он никогда не забывал своего благодетеля. Со слезами на глазах шел вице-президент Соединенных Штатов Трумэн в 1945 году за гробом Тома Пендергаста, оказывая ему честь не по рангу. То обстоятельство, что Трумэн в начале своей карьеры был кратурой политического гангстера, в дальнейшем ничуть не мешало ему.

Дуайт Д. Эйзенхауэр не был богатым человеком, да и за время своего президентства не нажил большого состояния. Он не был и интеллектуалом, его любимыми

книгами всегда были детективные романы и «вестерны». Ему была свойственна доверчивая наивность мальчишки-провинциала, но он был честным человеком, неподкупным, свято выполнявшим свой долг генералом и президентом, дедушкой нации и очень любил свою ферму в Геттисберге. Однако на ее содержание в надлежащем порядке нужно было много денег. То ли их не было у Эйзенхауэра, то ли он жадничал, во всяком случае нашлись благодетели, которые безвозмездно превратили ее в образцовую ферму с отличными породистыми коровами, красивыми лошадьми и пони, с современными тракторами, ухоженными угодьями, новыми амбарами, отремонтированным домом; в общем, ни в чем недостатка не было, и Эйзенхауэр чувствовал себя счастливым.

Обновление фермы обошлось в полмиллиона долларов. Расходы взяли на себя три очень богатых человека из нефтяной промышленности, для процветания и защиты которой со стороны государства честный и наивный Дуайт Д. Эйзенхауэр сделал за свое восьмилетнее пребывание на посту президента больше, чем какой-либо другой президент до и после него.

Ричард Милхауз Никсон также родился небогатым, и он охотно рассказывает, как в детстве по ночам прислушивался к шуму проходивших поездов и мечтал отправиться в далекий мир, чтобы кем-либо стать. Никсон не может ни на что пожаловаться: его политическая карьера, хотя и изобиловавшая тяжелыми поражениями, сложилась для него удачно. Человек, приехавший в Вашингтон без средств, сейчас в состоянии израсходовать несколько сот тысяч долларов на покупку домов на красивейшем побережье своей страны.

Одному дотошному журналисту удалось установить, что 17 членов палаты представителей в Вашингтоне получили взятку в размере 40 тысяч долларов за то, что протащили в конгрессе закон, в котором были крайне заинтересованы компании по грузовым перевозкам. Ра-

зоблачение не смутило конгрессменов, они передали полученные деньги в фонды своих избирательных кампаний; дело приняло законную окраску, и никому из них не нужно было опасаться, что их могут не переизбрать, во всяком случае получение взятки их не скомпрометировало.

Ни один из членов конгресса, кто, подобно сенатору Керру из Оклахомы, находится в Вашингтоне, чтобы защищать собственные финансовые интересы, может не бояться за свой мандат. Собственно, никто и не ждет от них ничего другого. Ведь Вашингтон — не жертвенник, и сенатор Истленд из Миссисипи был бы глупцом, если бы отказался от 156 тысяч долларов, которые ему выплатили за то, что он перестал выращивать хлопок на своей ферме. А член конгресса Лэндрам, который имеет птицеферму в родной Джорджии, оказался бы не умнее, если бы не протестовал в палате представителей против предоставления ссуд на строительство новых птицеферм.

И все же в болоте американской коррупции продажные парламентарии выглядят еще более или менее прилично, ибо они создали определенную «культуру» коррупции, соблюдают кое-какой декорум, и если они не настолько глупы, как Томас Додд, то не выходят за рамки того, что стало привычным и не вызывает протеста общественности.

В провинции все делается гораздо грубее. В Батон-Руж, столице штата Луизиана, одном из центров нефтехимической промышленности, коррупция, подкреплявшаяся силой, настолько затрудняла строительство новых предприятий, что его вообще временно прекращали из-за того, что слишком многие хотели погреть руки на строительстве; его стоимость невероятно подскочила.

Шериф, например, закрывал доступ на строительную площадку, так как ему не давали того, что он считал вправе получить. Местные политические деятели вынуждали строительных подрядчиков арендовать у полиции грузовики за очень высокую плату. Американский эконо-

мический журнал «Форчун» с возмущением писал, что коррупция в Батон-Руже является «следствием безнадежно низкой морали политических деятелей, а также готовности крупных промышленных объединений продолжать подкуп этих деятелей».

Промышленность, по словам сенатора Рассела Лонга, оплачивает 95 процентов расходов политических деятелей на их избирательную кампанию; это ее доля в большой игре, ставкой в которой являются прибыли и власть. У нефтяной промышленности — крупнейшей отрасли, финансирующей американский государственный аппарат, эти расходы всегда оправдывали себя: она пользуется налоговыми льготами, предоставляемыми ей благодарными политическими деятелями, и получает огромные прибыли. Промышленный гигант «Интернэшнл телефон энд телеграф корпорейшн», как рассказывал один из его бывших сотрудников, всегда старался «давать взятки в равной мере деятелям обеих крупных партий, так что нам, собственно, было безразлично, кто побеждал на выборах».

Сенатор от штата Пенсильвания Джозеф Кларк не брал взятки. Он был честнее некоторых его вечно нуждавшихся в деньгах коллег. Кларк говорил: «Я убежден, что в нашей стране парламентарии на любом уровне — на местном, на уровне штатов и национальном — представляют наибольшую опасность для демократии».

Однако что бы ни говорил Кларк, он ничего не может изменить. Слишком уж многие замешаны в коррупции и слишком многим это нравится.

В Топеке (штат Канзас) владелец аптеки Джекоб Миллер признавался:

— Любой хозяин аптеки дает взятки администрации больниц или служащим органов социального обеспечения с тем, чтобы они производили закупки медикаментов именно в его аптеке или же направляли к нему своих пациентов. Так принято в любом штате, в любом городе.

Разумеется, лекарства от этого становятся дороже, но поскольку так поступают все, нет никакого смысла протестовать.

Не проходит и дня, чтобы где-либо в Соединенных Штатах газеты, журналы, радио или телевидение не сообщили о новом случае коррупции. Дикторам радио, ведущим программы, составленные из звукозаписи, дают взятки, чтобы они по возможности чаще включали в передачи определенные грампластинки и таким образом способствовали их сбыту. Некоторые лидеры профсоюзов берут взятки у предпринимателей, прежде чем подписывают соглашения о тарифах заработной платы. Чиновники городских коммунальных органов получают взятки, а за это немного «ошибаются» при выписке счетов за израсходованную электроэнергию. Муниципальные советники в Нью-Йорке берут взятки и за это дают соответствующим фирмам выгодные крупные подряды. Берут взятки судьи и выносят приговоры по заказу. Даже судьи Верховного суда США оказываются иногда замешанными в скандалах, как это случилось, например, с судьей Эйбом Фортасом, которому пришлось уйти в отставку, потому что он оказался взяточником, хотя ему, миллионеру, такие деньги вряд ли были нужны.

Не гнушаются взятки и журналисты. Гарри Крэфин был в течение многих лет репортером «Филадельфия инкуайрер». Он хорошо знал город, знал в нем всех и вся. Это был его «большой шанс», и он воспользовался им. Крэфин сообщил сорока известным филладельфийским дельцам, что располагает информацией, опубликование которой в «Филадельфия инкуайрер» вряд ли пошло бы им на пользу. Дельцы, у которых было «рыльце в пушку», предпочли дать Крэфину взятку в размере 200 тысяч долларов, чтобы он молчал. Однако афера получила огласку, и Крэфин угодил за решетку.

Коррупция в Соединенных Штатах имеет столь давние традиции, что страна не воспринимает ее как скан-

дал. С коррупцией мирятся, как с насморком. Когда газеты или радио сообщают об очередном скандале, в котором замешаны видные люди, это воспринимается как возможность заглянуть в спальню соседа или в его банковский счет, но не дискредитирует этих людей.

Более 300 из 535 членов американского конгресса — адвокаты. Некоторые из них на период пребывания в парламенте прекратили или ограничили свою профессиональную деятельность и избегают даже намека на то, что представляют чьи-то интересы. Но часть их коллег не столь щепетильна. Среди конгрессменов есть адвокаты, чьи конторы представляют интересы крупных концернов, которые, в свою очередь, имеют большие интересы в Вашингтоне.

Сенатор Томас Макинтайр произносил в конгрессе впечатляющие речи в защиту американской обувной промышленности. Он сетовал на судьбу рабочих обувных фабрик и умолял своих коллег защитить их от импорта обуви, поскольку этот импорт, дескать, может привести к безработице в собственной стране. Оказывается, сенатор был совладельцем адвокатской фирмы, среди клиентов которой числилась также обувная фабрика.

Иногда сенатор менял предмет своих эффектных речей и посвящал их нуждам отечественной текстильной промышленности, призывая парламент оказать ей помощь. Среди клиентуры его адвокатской фирмы было и текстильное предприятие.

Сенатор Алан Байбл из штата Невада имел обыкновение в очень трогательных выражениях обращать внимание своих коллег на то, что в его родном штате есть не только города с увеселительными заведениями, такие как Рино и Лас-Вегас, но и угольные шахты. Он призывал оказывать поддержку угольной промышленности для обеспечения полной занятости и не забывать о шахтерах, труд которых очень тяжел. Иной раз риторические потуги сенатора венчал успех, и тогда он бывал вдвойне

рад, так как, во-первых, в число клиентов его адвокатской фирмы в Неваде входил ряд шахт, а, во-вторых, сам конгрессмен владел акциями некоторых из них.

В число сенаторов, ведущих столь же трудную, сколь и безуспешную борьбу против всеохватывающей коррупции, входит Абрахам Рибиков, тот самый Рибиков, которого его товарищи по демократической партии назвали «нацистом» за то, что он протестовал против грубой расправы полицейских с молодыми демонстрантами во время съезда демократов в Чикаго. Однако его попытки положить конец темным махинациям, кумовству и взяточничеству в военной промышленности так же не имели успеха, как и протест против насилия в Чикаго.

Сенатору удалось вскрыть факты чудовищного разбазаривания и использования не по назначению государственных средств. Он доказал, что количество заказов на вооружение, которые размещаются в соответствии с установленным порядком, постоянно уменьшается, тогда как доля заказов, размещаемых без конкурса, непрерывно растет. Военные концерны нажили за счет государства многие миллионы долларов.

Стекольщики, которых пригласили в одну из школ Балтимора вставить стекла, разбитые учениками, с негодованием отказались выполнять полученный заказ. Не успели они вытащить свой инструмент и распаковать принесенные новые стекла, как дети обрушили на них град камней.

Почтовые чиновники, один раз в месяц доставляющие пенсии жителям нью-йоркских районов Бронкс и Бруклин, категорически заявили, что в одиночку делать этого не будут. Они уже десятки раз подвергались нападениям, причем большей частью со стороны подростков и даже детей. Почтовое ведомство решило дать им сопровождающих.

Пожарная команда Уоттса, одного из районов Лос-Анджелеса, прибыла, чтобы погасить опасный пожар, но как только пожарники начали разматывать шланги, на них посыпались камни. Дети не только совершили поджог, но и сами вызвали пожарников, предвкушая веселье.

В Нью-Йорке последнее рекордное число ложных вызовов пожарных команд составило за год 61 024, а число пожарников, раненных детьми и подростками, достигло 3414.

Когда в пожарных частях раздается сигнал тревоги, пожарники почти не сомневаются, что это ложный вызов. Однажды команда выехала по ложному вызову, а в это время в другом месте обслуживаемого ею района вспыхнул очень большой пожар, в результате которого погибло много людей. На месте же ложного вызова пожарников встретили хохочущие дети, набросившиеся на них с камнями.

В Пикскилле, небольшом городке в штате Нью-Йорк, дети во внеурочное время проникли в школу, разбили 200 разных музыкальных инструментов, причинив ущерб

на сумму 55 тысяч долларов. В Сан-Франциско во время забастовки учителей четырех школ оставшиеся без присмотра дети словно саранча пронесли по школьным зданиям, круша все, что попадалось им на пути. В Нью-Джерси подростки угнали несколько автомашин, а затем нарочно таранили ими 250 других автомобилей, находившихся на стоянке. Никто из взрослых, наблюдавших эту картину, не осмелился вмешаться. Когда появилась полиция, дети уже разбежались.

В городе Элизабет (штат Нью-Джерси) школьники забросали самодельными зажигательными бомбами среднюю школу имени Лафайета. В одном из предместий Вашингтона их сверстники ворвались в свою школу и учинили там погром. Привратник, попытавшийся было удержать разбушевавшихся юнцов, еле унес ноги. А в Гринвиче, богатом местечке в штате Коннектикут, которое всегда было далеко от происходивших в стране волнений и не знало ни социальных конфликтов, ни проблем, связанных с расовым антагонизмом, учителя однажды утром обнаружили школу разоренной; причиненный ущерб составил 10 тысяч долларов.

В Нью-Йорке вандализм детей в школах обходится более чем в 6 миллионов долларов в год. В течение одного года в 932 нью-йоркских школах было разбито 274 506 оконных стекол, 143 школьных здания были подожжены, и тенденция разрушительства прогрессирует. Правительственное Управление просвещения полагает, что по всей стране ущерб, причиненный школам юными насильниками, достиг 100 миллионов долларов.

Однако дети давно уже не довольствуются битьем оконных стекол, поломкой пианино и шкафов и порчей стен. В Чикаго около 1000 учителей в год подвергаются нападениям со стороны учеников. В Филадельфии более 100 учителей ежегодно вынуждены прибегать к врачебной помощи, так как дети избивают их, бросаются на них с ножами либо даже стреляют в своих учителей. В Сан-

Франциско ежегодно около 200 учителей расплачиваются телесными повреждениями за доброе намерение научить детей грамоте и привить им хотя бы минимум дисциплины и умения жить в обществе.

Все больше американских детей, воспитываемых в традиционной уверенности, что родительский авторитет ничего не значит, что вообще любые авторитеты ни к чему и против них следует бороться, разбойничают в школах. В Ист-Сент-Луисе (штат Иллинойс) каждые трое из четырех педагогов признавались школьному советнику Чарлзу Мерритсу, что из страха перед своими учениками они уже давно имеют при себе какое-нибудь холодное оружие.

— И кто может осудить их за это? — спрашивает Мерритс.

— Когда я по утрам иду в школу, — рассказывал один молодой учитель в Сиэтле, — я чувствую себя порой солдатом, который отправляется в разведку на вражескую территорию.

Этот учитель хорошо относился к детям, был в некотором роде либералом, идеалистом, добровольно вызвавшимся работать в бедном районе города. Он считал, что бедные дети тоже имеют право на хорошего учителя, на хорошее воспитание, но дети не выражали ему благодарности за это. Что же происходит с ними?

В средней школе имени Франклина К. Лейна в Нью-Йорке три школьника облили своего учителя бензином и подожгли. Весь класс криками подбадривал троих насильников, и никто не вступился за учителя. Это было четырнадцатое за три недели нападение учеников на учителей с угрозой для жизни последних.

А между тем во время нападения на учителя в школе имени Франклина К. Лейна в здании школы дежурил полицейский в форме и семь полицейских чинов в гражданской одежде. Такая же солидная охрана была установлена и в других школах, но безопаснее там не стало.

В уголовной статистике, потрясающей страну, нет более ужасных, чем данные о постоянно растущем числе детей и подростков, совершающих злостные преступления. Возраст почти каждого четвертого пойманного преступника — около 15 лет, а ведь многих преступников поймать не удастся. В ряде крупных городов полиция не в состоянии больше держать улицы под своим контролем. Там хозяева — дети и подростки, которые с хладнокровием законченных преступников вытаскивают ножи и, не колеблясь ни секунды, пускают их в ход.

В Соединенных Штатах есть полицейские участки, где чиновники уже не удивляются, когда к ним доставляют преступников, не достигших 15-летнего возраста и арестованных за грабеж или изнасилование. Только в нью-йоркском районе Бруклин в течение одного года было арестовано 220 детей и подростков за попытку или уже совершенное изнасилование.

В Нью-Йорке полиция фиксирует в год более 17 тысяч уличных нападений. По словам примерно трети пострадавших, нападали на них дети или подростки. Полиция считает, что приблизительно такое же число подвергшихся нападению не сообщает о случившемся. А большая часть тех, на кого было совершено нападение с ножом или пистолетом и кто должен затем давать показания в суде, уклоняются от этого из страха перед местью со стороны юных обвиняемых. Свидетели знают, что в городе много молодых людей, отданных под суд за разбой. Однако перегруженные суды вынуждены выпускать их на свободу, и юные преступники мстят, если кто-либо изобличает их перед судьей.

Банды несовершеннолетних терроризируют целые кварталы во многих американских городах, и никто не осмеливается показываться там, когда они собираются. В Филадельфии полиция инкриминирует молодым бандитам 30 убийств в течение одного года, но доказать это невозможно, так как едва ли кто-либо станет давать пока-

зания: только самоубийцы выступают свидетелями против бандитов.

В одном из участков чиновники уголовной полиции установили, что в течение нескольких лет в обслуживаемом ими районе города было совершено на 5000 преступлений больше, чем было сообщено. Жертвы этих преступлений молчали из страха перед бандитами.

— Если бы кто-либо сказал мне, как можно прекратить бессмысленные убийства, я был бы самым счастливым человеком на свете, — заявил полицейский комиссар Филадельфии Риццо.

Каждую минуту в Соединенных Штатах совершается одно злостное преступление, каждые две с половиной минуты — нападение с целью грабежа, каждые девятнадцать минут — изнасилование. В 1969 году было зарегистрировано 5 миллионов преступлений — на 12 процентов больше, чем в предыдущем году. Только в городе Нью-Йорке в 1969 году было совершено 60 тысяч нападений с целью грабежа и 1043 убийства; это был новый рекорд, но никто в Нью-Йорке не верил, что он не будет перекрыт в 1970 году. 420 тысяч чиновников американской полиции, направленных на борьбу с этой волной насилия, сами понесли тяжелые потери: 33 604 из них подверглись в течение 1969 года нападениям, 73 были убиты.

20 тысяч убитых в год, свыше 100 тысяч получивших пулевые и ножевые раны, массовый грабеж — таковы факты. В крупных городах по вечерам почти невозможно выйти на улицы. На этих улицах воруют столько автомашин, сколько производит за год целый автомобильный завод: спортивный автомобиль марки «Корвет», до того как его украдут, стоит на улице в среднем не более полутора часов.

Машину можно купить новую, человека не купишь, но людей убивают с таким же хладнокровием, с каким крадут автомобили. С начала столетия от рук преступников погибло 800 тысяч американцев — на 250 тысяч больше,

чем потеряли Соединенные Штаты Америки во всех войнах, в которых они участвовали со времени своей гражданской войны.

Насильственной смертью в собственных квартирах или на улицах умерло гораздо больше жителей Вашингтона, чем погибло за все время вьетнамской войны. Но подобное положение сложилось не только в федеральной столице, и одна из причин этого заключается в том, что политические деятели, служители церкви и родители противопоставляют колыту лишь пустопорожние увещевания.

Что стало с Соединенными Штатами? То же, что было всегда. Для Соединенных Штатов насилие столь же типично, как широкополая шляпа для тейаса. «Ведь это факт,— пишет в своей книге «История насилия в Америке» профессор Ричард М. Браун,— что со времен колонизации наши города были в большей или меньшей степени охвачены волнениями».

И не только города. В истории человечества едва ли можно найти более жестокую войну, чем та, которая началась в 1607 году, продолжалась в течение 300 лет и закончилась порабощением коренного населения страны — индейцев и отчуждением их собственности. В 1864 году произошла резня в Санд Крике, где белые беспощадно уничтожали подряд всех краснокожих мужчин, женщин и детей.

Бесчисленные акты насилия совершались в легендарную эпоху первых поселенцев и за пределами городов; «дикий Запад» — явление, которое было свойственно отнюдь не только городам. В течение двух с половиной столетий, пока продолжалось переселение на Запад, в прериях стреляли и управляли по закону грубой силы, подобно тому, как стреляют и живут по закону джунглей в американских городах в наше время. Нынешний хаос не случаен, он издавна был в этой стране.

С 1882 по 1930 год в Америке подверглись суду Линча по меньшей мере 4500 человек. Не будет искажением уве-

личить это число в десять раз, чтобы представить, сколько негров было линчевано на самом деле. Линчевали не только в крупных городах, но везде, где негр с вожделем посмотрел на белую женщину, проявил непослушание во время работы на хлопковой плантации или тем более пытался сбежать. Насилие считалось нормальным в обращении с рабами-неграми. Оно было даже «необходимым», так как негры должны были чувствовать «твердый кулак» порядка.

Насилие всегда царило в Америке. Это — одно из самых устойчивых наследий нации, а поэтому американцам не следует упрекать своих детей в том, что сами же им и привили.

«Насилие, — утверждает Р. М. Браун, — связано не только с негативными явлениями нашей истории, с уголовными преступлениями, например с линчеванием или враждой между семьями. Напротив, насилие неразрывно связано с некоторыми благородными и конструктивными главами американской истории: с возникновением нации (жестокости революционной войны), с завоеванием страны (войны против индейцев), с освобождением рабов и сохранением союза (насилие периода гражданской войны), со стабилизацией в районах, занятых первыми поселенцами (действия отрядов самообороны поселенцев), с улучшением положения фермеров и рабочих (насилие во время трудовых конфликтов), с сохранением права и порядка (насилие со стороны полиции). Патриоты, гуманисты, националисты, землевладельцы, фермеры, рабочие и капиталисты — все прибегали к насилию в высших интересах».

Нация, которая без насилия не могла бы обрести своего нынешнего могущества, не откажется от насилия. Страна, которая почитает свободу насилия «дикого Запада», не станет миролюбивой. Путь народа, который с приятным волнением смотрит по телевидению, как «добрые белые» убивают «злых краснокожих», ведет в конце кон-

цов от 20 тысяч убитых в год прямо к Сонгми во Вьетнаме.

С 1947 года во время забастовок и других выступлений трудящихся в Соединенных Штатах было убито более 40 человек. В среднем там вспыхивает от 600 до 800 забастовок в год, и дело почти никогда не обходится без насилия вплоть до применения огнестрельного оружия. На каждую тысячу рабочих в Америке приходится гораздо больше забастовочных дней, чем даже в Италии, которая держит в Европе рекорд по числу забастовок, и, конечно, в США на забастовочную борьбу трудящихся отвечают большим насилием, чем где бы то ни было в Европе.

«У Соединенных Штатов, — писал профессор нью-йоркского университета в Буффало Филип Тафт, — самая кровавая и самая насыщенная насилием история из всех развитых стран мира».

Кровавые события последнего десятилетия в негритянских гетто Америки, где погибло 200 и ранено 9000 человек, где горели дома и до зубов вооруженные солдаты стреляли в людей, — также не новость для США, это тоже наследие.

Насилие стало составной частью американской политики с тех пор, как в Америке пекут яблочный пирог. Американских политических деятелей было убито гораздо больше, чем западногерманский бундестаг насчитывает депутатов, а в штате Нью-Мексико вплоть до нынешнего столетия убийство считалось таким же естественным элементом политической борьбы, как и мошенничество во время выборов.

Когда был убит Джон Ф. Кеннеди, только телевидение, получившее к тому времени широкое распространение, помогло понять весь размах происшедшей трагедии. Но ведь до этого от рук убийц погибли президенты Линкольн, Гарфилд и Маккинли, покушения совершались на президентов Джексона, Теодора Рузвельта, Франклина Д. Рузвельта и Гарри Трумэна.

Убийства и насилия, мужчина, способный, не дрогнув, стрелять в человека, меткий глаз и скорострельный кольт — все это вызывало восхищение в Америке еще до американского телевидения, самого жестокого института в мире.

Известен такой случай. В 1872 году, во время традиционной ежегодной ярмарки в Канзас-Сити, трое верховых подъехали к кассе ярмарки, на глазах не менее чем 10-тысячной толпы застрелили кассира, забрали у него всю выручку и спокойно уехали. На следующий день сотрудник газеты «Канзас-Сити таймс» Джон Эдвардс с восхищением писал: «Они явили нам пример того, как вершатся дела, воспеваемые поэтами». Никто не осудил этого борзописца, напротив, люди восхищались хладнокровием «настоящих» парней и отдавали должное Джону Эдвардсу, который с гордостью заметил: «Такого не могло случиться нигде в мире».

Восхищение вызывали не только три разбойника из Канзас-Сити, но и, например, такие гангстеры, как Малышка Билл, Джесси и Фрэнк Джеймсы, «Красавчик» Флloyd, Джон Диллинджер или Бэт Мастерсон, которые делали «дикий Запад» еще более диким, а кассы в банках и инкассаторов, перевозящих деньги, еще более беззащитными. Они и поныне остаются «национальными героями», их имена будут помнить даже тогда, когда уже забудут имя американца, первым высадившегося на Луну.

Если бы этого восхищения и не было, американское телевидение создало бы его. Телевидение учит американцев, которые проводят перед его экранами больше времени, чем на работе, что насилие — нормальное явление, что настоящий герой никогда не испытывает угрызений совести. Дети-дошкольники с жадностью впитывают эти наставления в течение 54 часов в неделю.

Когда после президента Джона Кеннеди был убит его брат Роберт и страну охватил испуг, когда некоторые граждане сразу же решили сдать имевшееся у них ору-

жие и повсюду раздавались призывы к «национальному самоконтролю», телевидение в Лос-Анджелесе в течение одной недели, в часы, когда передачи смотрят и маленькие дети, показало 452 убийства, 390 покушений на убийство, сотни других преступлений; 20 часов было отведено показу войны и еще 30 часов — всякого рода насилия.

Изучение программ телепередач в Бостоне, предназначенных специально для детей или транслировавшихся в те часы, когда их могут смотреть дети, показало, что за 85 часов вещания на экранах телевизоров 84 человека умерли и 372 стали жертвами тяжелого насилия.

В предвечернее время, когда дети чаще всего сидят у телевизоров, очередной труп появляется на телеэкранах каждые 16,3 минуты. А в канун рождества 1970 года демонстрировался телефильм, в котором было убито 13 человек.

Американский социолог Герберт Отто подсчитал, что «в Соединенных Штатах в среднем каждый ребенок в возрасте от 6 до 15 лет видит, как лишают жизни 13 тысяч человек». Его коллега д-р Клара Эппель пришла к выводу, что «в 78 из 100 американских семей телевизор используется вместо няньки, присматривающей за детьми», хотя родители знают, что их дети наверняка включают именно ту программу, по которой показывается наибольшее число убийств, драк и перестрелок.

Д-р Альфред Блумстайн, входивший в состав назначенной президентом США комиссии по вопросам преступности, говорит, что в жестокой стране под влиянием жестокого телевидения растет поколение, в котором каждый второй десятилетний мальчик имеет шанс минимум один раз предстать перед судьей, причем не только за нарушение правил уличного движения.

Семена дали всходы. Учителя и полицейские, родители и пожарники не должны удивляться детям; дети делают лишь то, что в этой стране делалось всегда и что прославляется с общего одобрения по телевидению, в комик-

сах и кино. Дети столь же жестоки, как и их отцы, а те, в свою очередь, были такими же жестокими, как деды, которым они часами жадно внимали, слушая рассказы о расправах с индейцами.

В Америке всегда убивали, когда случались столкновения на политической и, конечно же, личной почве. Кольт калибра 45 мм длительное время определял степень свободы и авторитета. Традиции тех времен еще живы, например, в Техасе. По словам окружного прокурора города Далласа Генри Уэйда, который в течение года один поддерживает обвинение против гораздо большего числа убийц, чем вся прокуратура какой-нибудь западногерманской федеральной земли, обвиняемые, с которыми ему приходится иметь дело, уверены, что они вправе стрелять, если кто-либо назовет их, скажем, лжецами. В Парклендский госпиталь в Далласе, куда был доставлен в свое время умирающий Джон Ф. Кеннеди, ежегодно поступает более тысячи человек с пулевыми ранениями. Врачи и медицинские сестры уже привыкли к этому и шутливо называют свое заведение «Далласским обществом ножа и винтовки».

В Техасе за год убивают больше людей, чем в штате Нью-Йорк, хотя последний насчитывает вдвое больше жителей. Пистолет во все времена пользовался в Техасе большим уважением, а мужчина без пистолета не считался мужчиной. Если муж заставлял у своей жены постороннего мужчину, он имел право застрелить его.

В Хьюстоне (Техас) убивают в среднем одного человека в день. Пистолеты пускаются в ход, даже когда возникает спор из-за стоянки для автомобиля. Выстрел — это аргумент, в том числе политический.

Фред Брод является председателем Хьюстонского комитета за прекращение войны во Вьетнаме. Его дом был дважды обстрелян неизвестными преступниками в масках. Маргарет Дрейер, художница в Хьюстоне, предоставляла свою студию в распоряжение женских организаций,

выступающих за мир во всем мире. Однажды стена ее студии была разрушена крупнокалиберным снарядом. Когда Маргарет Дрейер решила ради собственной безопасности переехать к друзьям, она обнаружила, что ее автомобиль также разбит.

Д-р Эдгар Крейн, профессор университета в Хьюстоне, выступал за гражданские права негров и лиц, отказывающихся от военной службы. Как-то вечером его дом был подожжен.

Насилие во всех его проявлениях присуще Америке издавна, все его разновидности имеют глубокие корни, в том числе насилие со стороны полиции. В среде американских полицейских сторонники насилия имелись еще задолго до тех печальных дней, когда во время съезда демократической партии в Чикаго полиция открыла огонь по участникам молодежной демонстрации.

Один из них — Уайет Эрп из Томбстоуна (штат Аризона) был национальным героем Америки. В Томбстоуне всегда много туристов, ими полны и ковбойские харчевни, где «великий» Уайет Эрп, полушериф и полугангстер, убивал своих противников. Туристы покупают сувениры в память о Томбстоуне и Уайете Эрпе, как католики покупают сувениры, когда бывают в Риме.

У самого въезда в Томбстоун со стороны Тусона расположено кладбище, неизменно привлекающее туристов. Они от души смеются, читая такие, например, надписи на могильных плитах: «Здесь поконится Билл Смит. Он называл Джима Дженкинса лжецом». Или: «Тут похоронен Том Миллер. Повешен по ошибке». Такое стоит запечатлеть на фотографии. А родственники погребенных здесь стоят у могил, улыбаются и с готовностью позируют. «Ну и отчаянные же ребята жили некогда в этих краях», — думают туристы.

Многие туристы, направляющиеся в Томбстоун, делают по пути остановку в Тусоне. Не для того, конечно, чтобы нанести визит боссам американской мафии, из-

бравшим этот город в пустыне с сухим теплым климатом местом для отдыха. Тусон — киногород «дикого Запада», где артисты по несколько раз в день демонстрируют восторженной публике то, что она хочет увидеть.

Один из героев снимающегося фильма — Джим. Он могуч и великолепен в ковбойской одежде и широкополой шляпе, из-под которой выбиваются светлые кудри. Джим, как никто другой, владеет своим кольтом, и все же его жестоко избивают, а затем расстреливают. Особенно здорово удается артисту сцена смерти. Он молниеносно хватывает свой кольт, но его противник успевает сделать то же самое на какую-то долю секунды быстрее. Раздается выстрел, Джим со стоном прижимает руки к груди и, падая, переворачивается, закатывает глаза, с его уст срывается последнее проклятие, и, наконец, он тяжело плюхается на пыльную мостовую и вытягивает ноги.

На фоне кулис киногорода происходит шумная битва, публика в восторге, дети зачарованы, отцы щелкают затворами фотоаппаратов, и даже матерям все это нравится.

Но Джим не последний убитый. В то время когда он лежит в уличной пыли, перестрелка и драка только разворачиваются; стреляют из окон и с крыш, какие-то мрачные типы набрасываются на своих противников и убивают их. Зрители не успевают следить за происходящим, чей-то ребенок кричит:

— Давай, бей, там один еще жив!

Оставшиеся в живых дуют в дымящиеся стволы своих кольтов, кривыми ногами кавалеристов переступают через трупы, отвязывают лошадей, быстро вскакивают на них и под аплодисменты, восторженные возгласы и свист скачут дальше.

Довольные отцы прячут фотоаппараты, дети тут же затевают игру со стрельбой и «убийствами», а заодно в шутку «убивают» и нескольких отцов. Потом они начинают умолять родителей остаться на следующее пред-

ставление, а те и сами рады еще раз посмотреть на то, что «воспевают поэты».

В Соединенных Штатах есть много мест, где культивируются традиции «дикого Запада», и, чем страшнее это делается, тем охотнее посещают эти места. Построить город в стиле «дикого Запада» и привлечь туда туристов — выгодное дело. Почти столь же выгодное, как торговля оружием.

Население Соединенных Штатов владеет 100 миллионами единиц огнестрельного оружия, по одной на каждого из двух жителей, включая старух, малых детей и 17 миллионов душевнобольных. Ежегодно продается 3 миллиона новых единиц такого оружия: по мере роста преступности усиливается мнение в народе, что нужно самим себя защищать «по старым американским обычаям», коль скоро полиция не в состоянии это сделать. Любой американец может купить себе оружие — это не проблема. Кто хочет, тот может приобрести даже тяжелую гаубицу или скорострельную автоматическую винтовку, какими вооружены солдаты американской армии. Все попытки установить по крайней мере контроль над оружием, имеющимся в частном владении, заставив американцев зарегистрировать его, оказались безуспешными. Один сенатор, выступивший с предложением установить эффективный контроль над оружием, получил угрожающие письма. Влиятельные организации, особенно Национальная стрелковая ассоциация с резиденцией в Вашингтоне, стоят на страже сомнительного права любого свободного гражданина иметь оружие.

В ряде районов Соединенных Штатов нет буквально ни одного мужчины, который не умел бы обращаться с револьвером и винтовкой и не носил бы широкополую шляпу и ковбойские сапоги. Не отстают от них и женщины, и горе тому политическому деятелю, который осмелится посягнуть на их оружие. Тот, кто хочет ввести контроль над оружием, говорят в этих районах, — не насто-

ящий американец. Правительство должно позаботиться, чтобы не было преступлений, а не контролировать оружие. Американцы — свободный народ, их отцы и деды тоже владели оружием и умели с ним обращаться.

Ежегодно 5000 человек погибает в Америке по недоразумению: то кто-то принял кого-то за преступника, другой нечаянно нажал на спусковой крючок при чистке оружия, а там, смотришь, дети просто копировали не раз виденное по телевидению.

— Эта страна, — говорит адвокат-негр Милтон Генри из Понтиака близ Детройта, — всегда сеяла семена насилия. Несколько урожаев она уже сняла. Но день самого большого урожая еще только придет.

А пока что вооруженный народ стреляет в Понтиаке и в Ньюарке, от одного побережья до другого, и на родине насилия проливается кровь.

Америка — страна, которая, казалось, достигла полного триумфа капитализма, однако теперь серьезно, возможно, даже окончательно, дискредитировала его. Это страна, которая своими успехами обязана принципу «экономической свободы», но теперь начинает задумываться, не следует ли заменить его регулированием. Ведь многие, очень многие всегда понимали эту свободу лишь как свободу не считаться ни с чем в борьбе за доллар.

Если и существует «честный» капитализм, то он может означать лишь предоставление свободному предпринимателю шанса проявить себя, а рабочим и потребителям — права использовать эффективные средства в борьбе против злоупотреблений, эксплуатации и обмана. С этой точки зрения в Соединенных Штатах честного капитализма нет, там — капиталистические джунгли. В Соединенных Штатах нет и демократии, там — плутократия. Поэтому миллионы людей, живущих в Европе, должны быть благодарны своим предкам за то, что они не эмигрировали в Америку.

Пожалуй, нигде в мире так не обирают трудовой народ, как в Америке. Нигде столь бесстыдно не добиваются прибылей и нигде предприниматели более беззастенчиво не извлекают выгоды из заведомой недолговечности производимых ими товаров, разве только в странах, где американские промышленники прочно обосновались, чтобы приобщить их к «благодати» американских экономических принципов.

Молодой адвокат Ральф Нейдер, который выступил в Соединенных Штатах в защиту интересов потребителей, поскольку никто другой этим заниматься не хотел, обнаружил в стране «свободной экономики» бесчисленное множество преступных махинаций и откровенно наглой погони за прибылью. Заправила промышленности по-

пытались заткнуть рот чересчур любопытному адвокату: когда Нейдер, ознакомившись детально с гигантом автомобильной и военной промышленности «Дженерал моторз», объявил, что производимый на предприятиях этого концерна автомобиль марки «Корвэйр» ненадежен и даже опасен, адвокатская контора, представлявшая интересы «Дженерал моторз», не придумала ничего лучшего, как поручить частному сыскному бюро скомпрометировать молодого адвоката, уличив его в каких-либо неблагоприятных проступках. Однако попытка заставить Нейдера замолчать провалилась. Частные детективы не только не смогли найти ничего компрометирующего его, но и сами себя демаскировали, и президенту «Дженерал моторз» пришлось извиниться перед Нейдером, а позднее и приостановить производство «Корвэйров».

Американские автомобили всегда слыли одним из символов этой богатейшей страны. Они вызывали зависть у миллионов людей, были наглядным свидетельством американского благосостояния, олицетворением «превосходства» американской экономической системы. В действительности же качество американских автомобилей всегда было сомнительным, а цены на них абсолютно не соответствовали себестоимости.

Сенатор Гейлорд Нельсон раскрыл один из самых строго сохранявшихся секретов Соединенных Штатов, сообщив изумленной общественности, какова себестоимость автомобилей у Форда и сколько зарабатывает этот концерн при их продаже.

По данным сенатора, один автомобиль среднего класса марки «Галакси» обходится Форду в 1360,38 доллара, причем, разумеется, ряд деталей Форд покупает у других фирм, являющихся дочерними предприятиями его же концерна. У торгующих предприятий Форд берет за этот автомобиль 1872,37 доллара, а продажная цена его равна уже 2676,82 доллара. Но и эта цена еще далеко не та, которую покупатель автомобиля в действительности за-

платит, ибо за 2676,82 доллара он получает лишь каркас автомобиля, правда, на ходу, но без необходимого оборудования. Поскольку производители знают, что спрос на оборудование всегда большой, они при установлении цен на него действуют еще более произвольно. По словам Нельсона, цена оборудования превышает его себестоимость от 57,8 до 293 процентов.

Министерство транспорта в Вашингтоне опубликовало в октябре 1970 года предостережение, что у четырех миллионов автомобилей «Форд» при сильной нагрузке может сломаться передняя ось. Вскоре после этого министерство возбудило судебное дело против компании «Дженерал моторз», обвиняя ее в том, что она не сообщила 200 тысячам водителей выпущенных ею автомобилей, что последние, по мнению властей, ненадежны.

Нейдер установил, что некоторые виды тормозной жидкости, применяемые тремя автомобильными гигантами — «Дженерал моторз», «Форд» и «Крайслер», — не отвечают требованиям абсолютной надежности. Бамперы, по словам Нейдера, сконструированы так, что они выходят из строя при столкновении на скорости всего 5 километров. Автопокрышки, выпускаемые фирмой «Б. Ф. Гудрич, Гудьер, Файрстон, Юни-ройял энд Дженерал тайр», не выдержали испытаний на надежность и, тем не менее, продолжают поступать в продажу.

Национальному бюро по контролю за качеством продукции пришлось подтвердить обвинения, выдвинутые Нейдером. Оно обнаружило, что каждая десятая деталь для автомобилей не отвечает предъявляемым требованиям. Особенно некачественными оказались при проверке бензобаки: из 7644 проверенных новых бензобаков более четверти были с дефектами.

Газета «Уолл-стрит джорнэл», которую никак нельзя заподозрить в антипатиях к капитализму, признала, что проверка, проведенная в американской автомобильной промышленности в 1970 году, выявила мрачную картину.

Газета констатировала, что, когда американец покупает новый автомобиль, последний уже имеет дефекты, которые в лучшем случае вызывают раздражение, но большей частью опасны.

Любой в Америке знает, что купленный им автомобиль недолго проживет. Ничего вечного, конечно, нет, но никогда еще автомобили не были столь недолговечными, как теперь. Раньше покупали автомобиль как таковой, теперь покупают модный. Моду определяет Детройт, а поскольку мода меняется, то и долговечность автомобиля, дескать, не обязательна. Если же это кому-либо не нравится, то на него следует воздействовать с помощью рекламы.

Реклама не заставляет себя ждать. Она обрушивает на страну лавину вульгарной риторики. На каждого американца приходится 1734 рекламных объявления в день, или 632 910 — в год. Реклама непрестанно взывает к потребителям в передачах 6000 радиостанций и примерно 700 телевизионных станций, со страниц журналов, с огромных щитов, с фасадов домов, автобусов и с гигантских экранов, уродующих вместе с автомобильными дорогами вид местности.

Никто в Соединенных Штатах не может укрыться от шумного потока рекламы. Но и она не в состоянии превратить американские автомобили в сказочные экипажи, какими их еще считают кое-где в мире. С автомобилями в Америке дело обстоит так же, как и со многим другим в этой стране, — у них всего лишь красивый внешний вид.

Американская коммерческая реклама превратила миллионы людей в рабов потребления, поэтому они были удивлены, когда Ральф Нейдер призвал к наступлению на эту святыню. Нейдер использовал всем понятные аргументы. Он доказал, что промышленность, производящая средства гигиены и косметики и имеющая оборот в 2,5 миллиона долларов в год, продает полоскание, которое, по свидетельству зубных врачей, может вызывать бо-

лезни полости рта. Нейдер установил, что моющие средства содержат в себе вещества, раздражающие кожу. В зубных пастах и в некоторых популярных напитках имеются вредные примеси, могущие быть причиной заболеваний внутренних органов.

Однако разоблачения, с которыми выступил Нейдер, не подействовали на гигантов рекламы. Они с еще большим остервенением стали уверять потребителей в том, насколько необходимы для них сухие подмышки и белоснежная рубашка. Запах изо рта — все равно что проказа, старый автомобиль — признак экономической несостоятельности, приготовление пищи самому себе — признак старения, пятно от пота на рубашке или блузке — непростительный позор.

Некоторые виды моющих средств и косметики, навязанные потребителям отвратительной, но, несомненно, эффективной рекламой, сбываются по ценам, в 5—20 раз превышающим их себестоимость. Ежедневно у касс, залитых неоновым светом гигантских магазинов самообслуживания (супермаркетов), совершается заведомый обсчет потребителей на миллиарды долларов. Зато в Америке «свободная» экономика, которая свободна также обирать всех, кого можно, в том числе и особенно обитателей негритянского гетто, если у них еще водятся несколько центов.

Реклама шумит, и, чем она назойливее, тем выгоднее для рекламодателей.

Ряд изделий продается с помощью мошеннической рекламы, стоимость которой составляет половину цены изделий. Некоторые изделия имеют такое низкое качество, что даже «Уолл-стрит джорнэл» однажды начала статью о проведенной проверке качества товаров следующими словами: «Крыши протекают, рубашки садятся, игрушки ранят детей, тостеры не поджаривают хлеб, сенокосилки не косят, бумажные змеи не взлетают, радиоприемники молчат, телевизоры и кинопроекторы не дают

изображения. Неужели в Америке ничто больше не работает?»

Неисправные нагревательные приборы ранят ежегодно более 125 тысяч американцев. Сенокосилки и стиральные машины, выпускаемые с дефектами, причиняют травмы 100 тысячам американцев. 30 тысяч американцев получили ранения, потому что купили изготовленные с дефектом электрические соединительные шнуры. Из каждых 100 продаваемых цветных телевизоров 74 требуют более или менее дорогостоящего ремонта уже в первые три года после покупки. По мнению Национального бюро по контролю за качеством продукции, в США выпускается 122 марки цветных телевизоров, которые могут в любой момент загореться. Фирма «Электродайн» навязала врачам и больным приборы, стимулирующие работу сердца, которые оказались весьма несовершенными. Вживленные в тело сердечных больных они вместо обещанных минимум 18 месяцев, проработали не более трех. В ряде случаев потребовалась срочная операция для замены стимулятора, но и второй вживленный прибор сразу же выходил из строя. И снова больному приходилось ложиться на операцию, платить еще 4 тысячи долларов и со страхом непрерывно прислушиваться к биению своего сердца.

Д-р Жан Мейер, занимающий пост советника президента США по вопросам продовольствия, считает, что консервы, выпускаемые пищевой промышленностью для собак, по своему качеству значительно лучше консервов, предназначенных для людей. Проверив содержимое красочно оформленных банок с дорогими консервами, Мейер пришел к выводу, что лучше бы уж люди ели жареных червей, в них есть, по крайней мере, хоть немного белка. Мейер установил также, что некоторые овощи специально выращиваются с толстой кожурой, чтобы их легче было упаковывать и перевозить, хотя питательность овощей при этом резко уменьшается. На фоне таких фактов нет

ничего удивительного в том, что Соединенные Штаты еще в 1949 году находились на одиннадцатом месте в мире по продолжительности жизни людей и с тех пор спустились еще ниже.

У американцев никогда не было шансов изменить что-либо в этом отношении, ибо они отданы на произвол акулам экономики. Американцы позволили гигантам промышленности убедить себя, что тот, кто не употребляет постоянно полоскание для рта, оскорбляет человеческое общество. Не помогло и то, что правительственное Управление по вопросам качества продовольствия и медикаментов вынуждено было признать правоту Ральфа Нейдера и констатировать, что находящееся в продаже полоскание для рта непригодно для устранения несвежего запаха: бизнес с полосканием процветает, доходы от него составляют 212 миллионов долларов в год, так как симпатичные люди уверяют с экрана телевизоров, что они пользуются полосканием и их рот источает только аромат.

Хотя многие врачи и химики поддержали разоблачения Ральфа Нейдера, касавшиеся и других непомерно дорогих изделий промышленности гигиенических средств, торговля ими продолжается, реклама становится все более шумной, все более назойливой, и все менее уязвимыми становятся крупные фирмы, господствующие на рынке и манипулирующие образом мыслей людей.

Нейдер — мужественный, сведущий и энергичный человек, но его голос слишком слаб по сравнению с мощным хором тех, кому подчиняется рынок. Ни одна американская газета не рискнула напечатать статьи с разоблачением гигантов промышленности моющих средств. На подобных рекламодателей не нападают; там, где это равносильно самоубийству, желание воспользоваться свободой печати отпадает.

По сообщению Управления по вопросам качества продовольствия и медикаментов, более 300 продаваемых

в Соединенных Штатах различных видов таблеток от всевозможных недугов и болезней, от ожирения и похудания, дурных снов и изжоги, абсолютно неэффективны. Тем не менее они в красивой упаковке громоздятся на прилавках супермаркетов и аптек, их продают и покупают, так как реклама оказалась громче, нежели предостережения, торговля процветает, людям нужно продавать то, что они хотят, а они хотят таблеток.

Американцы, приезжая за океан, не устают сетовать на тамошние «скандальные» санитарные условия. Они твердо уверены, что живут в самой опрятной стране мира, и никто не в состоянии убедить их в том, что это неправда. Этого не может сделать даже Союз потребителей, который при проведенной им проверке обнаружил в каждой восьмой банке мясных консервов насекомых и их личинки, волосы крыс и мышей и другие инородные предметы. В американских городах есть бойни и мясоперерабатывающие предприятия, которые в любой европейской стране были бы закрыты из-за антисанитарного состояния. Хотя там повсюду грязь, предприятия эти не закрываются: в необходимых случаях дается взятка инспектору, и все остается по-старому, прибыль не уменьшается. В результате в стране ежегодно регистрируется два миллиона случаев кишечных заболеваний.

На острове Лонг-Айленд, своего рода спальне Нью-Йорка, на котором проживает больше людей, чем в Гамбурге, Мюнхене, Западном Берлине и Франкфурте-на-Майне, вместе взятых, Союз потребителей обнаружил, что в 34 из 40 проверенных магазинов расфасованное мясо продавалось по завышенной цене. Этот обман обошелся каждой семье в среднем 6 долларов в неделю.

В последние 25 лет высший орган в Соединенных Штатах по контролю за экономикой — Федеральная торговая комиссия закрыла примерно 5 тысяч предприятий, которые систематически обманывали потребителей, продавали недоброкачественные товары, нарушали поста-

новления о монопольной торговле. Однако серьезно это никого не затронуло.

Три крупнейших фармацевтических предприятия Америки — «Америкэн цианамид компани», «Бристоль-Майерс энд компани» и «Чарльз Пфайзер энд компани» договорились между собой о цене на антибиотик петрациклин. Сто ампул этого медикамента фирмы производили в среднем за 2,5 доллара, а с больных, крайне нуждавшихся в петрациклине, они брали 51 доллар; и так продолжалось в течение восьми лет, пока афера не раскрылась.

По словам прокурора Гарри Скларски, три указанные компании заработали на продаже петрациклина со времени своей договоренности о цене на него свыше миллиарда долларов. Однако суд не мог взыскать более чем по 150 тысяч долларов с каждой компании, поскольку это — высшая в США сумма штрафа. А фармацевтические гиганты безо всякого уплатили штраф, так как «овчинка стоила выделки».

Сговоры подобного рода обнаруживаются редко, ибо их участники так же искусны, как беспомощны их жертвы. Федеральная торговая комиссия призвана следить за рынком, за соблюдением на нем правил честной торговли. Но чиновники комиссии стоят перед невыполнимой задачей; они находятся в таком же положении, как рота солдат, которой приказано прочесать джунгли на берегах Амазонки.

По словам бывшего вице-президента концерна «Дженерал электрик» Куинна, примерно треть всех американских компаний договаривается между собой о ценах; так называемый «акт Клейтона», запрещающий ограничивать свободную конкуренцию, превратился в клочок бумаги. Нарушения законов стали рассматриваться как мелкие проступки, штрафы — как орден, которые добывают в боях, а безупречное поведение — как проявление слабости.

По словам Ральфа Нейдера, в Соединенных Штатах лезвия для бритвы умышленно изготавливаются так, чтобы они моментально тупились и надо было покупать новые. У дамских чулок петли спускаются при первом же надевании. Дорогой костюм, который один покупатель приобрел в магазине лучшей американской фирмы «Брукс бразерс», порвался ровно через две недели. Дама в Лос-Анджелесе, купившая юбку в магазине «Мэджин», одним из лучших торговых предприятий для снобов, радовалась своей дорогой покупке еще меньше: юбка по таинственной причине превратилась в тряпку через два часа после того, как она ее надела.

В негритянских кварталах все: мебель, одежда, продовольствие,—дороже, чем в районах, где живут белые американцы. То, что в предместьях Нью-Йорка для белых продается за 1 доллар, в Гарлеме стоит минимум 1,2 доллара. То, что в аристократическом районе Бостона стоит 5 долларов, в населенном неграми Роксбери — 6 долларов. А то, что в предместьях Вашингтона обходится в 100 долларов, в негритянских кварталах столицы стоит 150 долларов или больше. Негры, бедные белые в Кентукки, индейцы в городах, расположенных вокруг их резерваций, и мексиканцы с апельсиновых плантаций в Калифорнии платят таким образом «налог на бедность».

Роберт Мейнард, репортер газеты «Вашингтон пост», посетивший негритянские кварталы Вашингтона, был потрясен огромными размерами этого «налога на бедность». Супруги Лоурн, например, рассказали, что они купили в торговом доме «Уолтер энд Томас» подержанный комбинированный радиотелевизионный приемник за 400 долларов. Фирме «Уолтер энд Томас» этот приемник обошелся в 90 долларов. Гуэндолайн Селмэн, муж которой зарабатывал 80 долларов в неделю, приобрела в мебельном магазине «Топс фэрниче» диван и кресло за 313 долларов, тогда как в Джорджтауне — районе Ва-

шингтона, населенном белыми, эта мебель стоила 199 долларов.

Мейнард был возмущен, но для Федеральной торговой комиссии это не было новостью, так как она и прежде при многочисленных проверках обнаруживала, что беднякам за товары такого же и даже худшего качества приходится платить дороже. Если они задерживают взносы за товары, купленные в кредит, эти товары отбираются. Если они купили в кредит одновременно несколько предметов, часть из них уже оплатили, а остальные еще не успели, то отбираются и уже оплаченные. Либо торговец предоставляет им такую возможность: если клиент купит еще кое-что, то срок выплаты на пару месяцев удлинится.

В результате растет задолженность. И ненависть тоже. Когда после убийства Мартина Лютера Кинга начались волнения в негритянских районах, в первую очередь были подожжены те магазины, владельцы которых особенно нагло обращались с черными покупателями. Студенты, помогавшие Нейдеру в его расследованиях, установили во время опросов в негритянских кварталах, что белые торговцы самым бесчестным образом обирают по меньшей мере каждую четвертую негритянскую семью. Это — типичные мародеры, одно из гнуснейших явлений в Америке.

Не отстают от торговцев и некоторые врачи в Америке. 50 миллионов долларов затратили профессиональные организации врачей на гигантскую пропагандистскую акцию, чтобы предотвратить то, что они называли «социализацией медицины», но в действительности было лишь минимумом финансируемого государством здравоохранения. В богатейшей стране мира смертность среди немущих в возрасте до тридцати пяти лет в четыре раза выше, чем среди состоятельных американцев, поскольку для бедных не хватает врачей. У негритянской женщины в Миссисипи в шесть раз больше шансов умереть во вре-

мя родов, чем у любой белой американской женщины. Во многих негритянских трущобах Америки каждый десятый ребенок умирает еще в грудном возрасте; он может кричать сколько угодно, все равно ни один врач к нему не придет — невыгодно. Д-р Джек Гейгер из медицинского центра имени Тафта в Новой Англии называет медицинское обслуживание бедных в стране «национальной катастрофой».

Д-р Майкл Дебейки, один из известнейших в мире специалистов в области сердечно-сосудистой хирургии, говорит, что «квалифицированное медицинское обслуживание доступно лишь людям, имеющим деньги». Дебейки не совсем точен: многие люди, у которых нет денег, вообще не пользуются никаким медицинским обслуживанием.

Обследование, проведенное среди 11 600 бедных семей в Северной Каролине, показало, что 64 процента из них никогда не обращались в медицинские учреждения. В 15 округах штата насчитывалось максимум по три врача, в 5 округах — по одному, а один округ вообще вынужден был обходиться без врача.

Северная Каролина — бедный штат, но в Америке много бедных штатов, где медицинское обслуживание находится на уровне слаборазвитой страны и даже в еще худшем состоянии, в то время как в крупных городах десятки тысяч врачей сколачивают себе большие состояния.

Рентгенолог в Нью-Йорке зарабатывает с помощью оплачиваемого государством вспомогательного медицинского персонала более 100 тысяч долларов в год, а своему старшему технику он платит всего 185 долларов в неделю.

На одном медицинском конгрессе некий доктор, еще не отрешившийся от веры в призвание врачей помогать человечеству, сетовал по поводу того, что все большее число его коллег по профессии в стремлении заработать

как можно больше заставляют своих пациентов проходить все новые и новые обследования. Пациенты же не ведают о тайных намерениях врачей, они доверяют им и платят крупные гонорары. Несмотря на то что существует поддерживаемое государством медицинское обслуживание, любой средний американец знает, что он окажется на продолжительное время в тяжелейшем материальном положении, если у него самого или у члена его семьи обнаружится болезнь, требующая длительного лечения или операции. Поскольку государство покрывает лишь незначительную долю расходов на лечение, а врачи требуют непомерно высоких гонораров, самым больным приходится много доплачивать. Так эти люди, погрязнув в долгах и испытывая горечь безвыходного положения, вдруг начинают видеть американское общество наживы снизу; они отнюдь не предполагали, что это общество может обходиться с ними столь жестоко.

Две трети всех расходов на лечение в Соединенных Штатах оплачивают сами больные. Органы социального обеспечения покрывают лишь 40 процентов стоимости лечения пожилых людей. Это очень мало. Когда пожилые люди заболевают, их сбережения быстро иссякают, они залезают в долги, и скоро наступает нищета; а врачи, многие из которых являются владельцами большого количества акций, миллионерами или просто состоятельными людьми, равнодушно выписывают счета. Конъюнктура благоприятная и нет смысла ею пренебрегать.

Один врач в нью-йоркском районе Бруклин сколотил солидное состояние, работая в «Медикэйр» — организации, занимающейся попечительством над престарелыми. Затем он переселился в Майами во Флориде, где устроился в аналогичную организацию и там утроил свое состояние.

Его коллега по профессии «заработал» столько денег, что построил собственную клинику. За полтора года он получил из кассы органов социального обеспечения

приблизительно 300 тысяч долларов, не говоря уже о сумме, которую уплатили ему сами больные и которая минимум на две трети больше.

Другой врач сумел получить от органов социального обеспечения 42 тысячи долларов за 8275 инъекций, сделанных им 149 больным; еще один врач получил за визиты на дом к 48 пациентам 58 тысяч долларов, а его коллега в течение года аналогичным образом положил себе в карман 146 тысяч долларов.

В области здравоохранения в Соединенных Штатах сейчас происходит нечто подобное тому, что имело место, когда первые поселенцы на западе страны обнаружили золото: найденное месторождение надо освоить, пока не появился кто-либо, кто может отнять его. При этом надо внимательно смотреть, нельзя ли найти более солидный источник.

Около 500 американских врачей полностью, а десятки тысяч — наряду со своей обычной практикой специализируются на лечении от тучности. Быть «стройными» — очень важно. Это сотни раз в день повторяется по телевидению и радио. «Стройность» — признак юношеской свежести, жизненной силы, активности, здоровой динамичности.

По мнению проповедников стройности, лишний вес имеют 40 миллионов американцев. Это — отличный рынок. Полнеющие американцы расходуют приблизительно 400 миллионов долларов в год, чтобы соответствовать демонстрируемым по телевидению идеальным габаритам, и врачи охотно помогают им.

Управление по вопросам качества продовольствия и медикаментов в ходе лишь одной операции конфисковало 20 миллионов таблеток и пилюль, которые якобы делают принимающих их «стройными», но в действительности представляют собой чистейший суррогат. Все эти таблетки и пилюли шли к потребителям также через руки врачей.

Специальная комиссия по расследованию, созданная сенатом США, занималась проблемой мошенничества при производстве лекарств от тучности. Председатель комиссии Филип Харт, подводя итоги ее работы, заявил, что, по всей вероятности, со стороны фармацевтической промышленности и врачей имеет место «нарушение этики». Однако что этично и неэтично, определяет не сенатор, а реклама. Реклама же твердит, что народ должен быть «стройным», а врачи вторят ей, тем более что главное в этом деле — выгодный бизнес, безразлично какими методами.

Американская медицинская ассоциация, во многом способствовавшая саботажу даже минимума государственного медицинского обслуживания, не устает твердить о «святости отношений между врачом и пациентом», но эта «святость» уже давно в бесчисленных случаях исчерпывается выпиской чека на имя врача. Кто не может писать — сам виноват, у кого вообще нет чековой книжки — тем более.

Ежегодно 100 тысяч врачей оказываются уличенными в нечестной практике. Однако в Америке медицина — не социальное дело, а бизнес; бизнес же не терпит сентиментальности. В том числе в горной промышленности, которая тоже хочет получать прибыли.

В Соединенных Штатах, где рождается современная технология во многих областях, большинство угольных шахт подобно душегубкам. Каждый двенадцатый американский горняк умирает в шахте. С 1930 года полтора миллиона горняков стали инвалидами в результате несчастных случаев или болезней, опустившись на самую низкую ступеньку в иерархии общества наживы; всеми забытые, они прозябают где-то в унылых районах Теннесси, Кентукки или Монтаны. Кто их видел, говорил с ними, понял всю безнадежность их положения, тот не может больше относиться с уважением к людям, несущим ответственность за долларовую мораль этой страны.

Примерно за сто лет в американских шахтах в результате взрывов, обвалов и наводнений погибло 120 тысяч горняков. В среднем 100 в месяц. Никто не знает, сколько шахтеров умерло за это время от последствий несчастных случаев и болезней, особенно распространенных среди людей этой профессии. Известно лишь, что каждый американский горняк, если он остается жив, за годы своей работы получает 3—4 более или менее тяжелые травмы. Известно также, что каждый восьмой шахтер умирает от болезни легких. Пневмокониоз постоянно находится рядом с шахтером, как вода — с моряком.

Дирекция «Консолидейшн коул компани», на чьей шахте № 9 в Фармингтоне (Западная Виргиния) только за несколько месяцев 1969 года погибло 78 человек, получила с 1963 года 25 порицаний от правительственных органов за отсутствие элементарной охраны труда. Но порицания — одно дело, а прибыль — другое. В конце концов барыши — это главное, а что касается жертв, то они неизбежны; в шахтах они всегда, дескать, были и будут, и нечего разводить сантименты.

Стремление к большим барышам руководит также боссами и акционерами частных железнодорожных компаний. Они хотят извлекать прибыли. Но на трудном пути к прибылям 30 тысяч раз в год случаются катастрофы с поездами, погибают в среднем 2300 человек, получают ранения около 24 600 человек; ежедневно сходят с рельсов 15 поездов.

В Лауреле, маленьком городке в штате Миссисипи, это происходило так.

Товарный состав № 159, насчитывавший 139 вагонов, входил в город, разрывая своим протяжным гудком тишину раннего утра. Для жителей Лауреля этот противный звук был так же привычен, как жара летом или нищета в дощатых лачугах негров. На границе города машинист уменьшил скорость до 30 миль в час, и поезд, грохоча, проходил через негритянский квартал. Вдруг

у одной из цистерн, в которой помещалось 30 тысяч фунтов газа пропана, вдребезги разлетелось колесо. Цистерна завалилась набок и потащила за собой четырнадцать других. Сильный взрыв потряс всю округу, за ним последовало несколько еще более мощных взрывов. Лавина огня в одно мгновение захватила в свои ужасные объятия дощатые бараки еще спавших черных жителей городка. Взрывы продолжались в течение целого часа, обломки цистерн и вагонов разлетались в радиусе полкилометра и больше. Когда все стихло, Лаурель был похож на город, опустошенный войной: повсюду плачущие и стонущие люди, 33 раненых, двое убитых (просто чудо, что пострадало так мало людей!), 54 дома полностью разрушены, 1350 домов повреждены, от двух заводов остались одни руины, сильно пострадало шесть школ и пять церквей.

Для жителей Лауреля это была катастрофа, для газет — информация, для владельцев железнодорожной компании — лишь один из многих несчастных случаев, которые «неизбежны».

Спустя 20 дней после лаурельской катастрофы в Крите (штат Небраска) поезд врезался в стоявшие на путях две цистерны с жидким аммиаком, и они взорвались. В результате восемь человек погибли, 35 получили ранения.

Ни в одной развитой в техническом отношении стране железнодорожное хозяйство не находится в таком катастрофическом состоянии, как в Соединенных Штатах. Там есть железнодорожные пути, на которых сходят с рельсов даже стоящие поезда, они оседают, ломая шпалы, вагонные оси гнутся. В Ист-Джерментауне, где сошел с рельсов железнодорожный состав с цистернами, наполненными бутаном, комиссия по расследованию обнаружила, что рельсы на месте катастрофы были изготовлены и уложены еще в 1907 году. Порой по этим рельсам движутся составы, груженные отравляющими

веществами или азотом. По мнению начальника отдела обеспечения безопасности движения министерства транспорта США Уильяма Дженнинга, если при неблагоприятном стечении обстоятельств один из таких составов сойдет с рельсов, это может стоить жизни минимум 100 тысячам человек.

Уильям Блэк из Федерального управления железных дорог в Вашингтоне рассказывает, что ежедневно в пути находятся тысячи железнодорожных составов, груженных ядовитыми или радиоактивными веществами, не менее тысячи вагонов с боеприпасами. По его словам, в любой день может случиться очень большое несчастье, поскольку значительная часть эксплуатируемого подвижного состава находится в плохом состоянии, за исправностью путей следят неудовлетворительно. Однако Блэк мало что может сделать, так как железные дороги принадлежат частным компаниям, а у них «дела обстоят неважно». Кроме того, говорит он, распоряжения федеральных властей, касающиеся безопасности на железных дорогах, явно несовершенны, так что пусть уж компании делают, что хотят.

Между тем ущерб, ежегодно причиняемый этими компаниями, составляет половину их чистых доходов. Принадлежащие им составы создают гораздо большую угрозу общественной безопасности, чем, скажем, автомобиль, управляемый подростком, не обучавшимся его вождению. По словам служащего Среднезападной железнодорожной компании, однажды целый город будет сметен с лица земли взлетевшим на воздух поездом, и, тем не менее, поезда этой компании продолжают двигаться по стране, наполняя своими гудками и гулом города, в которых люди замирают в это время от страха.

Изредка в США раздаются голоса с призывом национализировать железные дороги: так было, когда в 1970 году обанкротилась компания «Пенсильвания сен-трал компани», однако хор частной экономики заглу-

шил их. Боссы железнодорожных компаний кладут в свои карманы баснословные барыши и посылают машинистов в рейсы, которые уже давно стали более опасными, чем полеты на самолетах. Но что делать машинистам, это ведь их работа; они должны радоваться, когда у них есть работа, так как в стране и без того много безработных. Такова «свободная» экономика, в условиях которой нужно бороться за свое существование.

Погоня за долларом сделала Америку могущественной, но теперь морально разлагает ее, и, возможно, недалек тот день, когда эта страна погибнет и физически. Ибо в результате битвы за доллар, в которой нет места ни терпимости к конкуренту, ни угрызениям совести, ни жалости к павшим в этой битве, а есть лишь стремление к наживе и надежда на некий «большой шанс», США в значительной мере превратились в карикатуру на страну людей, в опасную родину.

Американские женщины восседают на тронах. Их власть распространяется не только на мужчин Америки; они владеют более чем 70 процентами народного достояния, 70 процентами полисов страхования жизни, 60 процентами сберегательных вкладов, 50 процентами акций и 50 процентами всех домов. И они не только владеют, но и лучше мужчин разбираются во всем этом. Исследования показали, что женщины гораздо больше, чем мужчины, читают сложные отчеты о состоянии дел акционерных обществ.

Продолжительность жизни американского мужчины составляет 66,7 года, менее чем в 24 других странах, хотя в Америке наблюдается значительный прогресс в области медицины. Продолжительность жизни американской женщины равна 74 годам.

Относительно меньшая продолжительность жизни мужчин в Соединенных Штатах объясняется, несомненно, тем, что американский мужчина — самый неустанный труженик в мире. Но, несомненно, пишет в своей очень умной книге «Американцы» антрополог и социолог Джоффри Горер, она связана и с тем, что лишь в немногих странах отец играет в семье еще более незначительную роль, чем в такой стране, как Соединенные Штаты Америки.

Чак, которого, собственно, зовут Чарльз, женат, у него двое детей, ему сорок четыре года. Это симпатичный, спортивного вида мужчина со здоровым цветом лица, который в любом ковбойском фильме мог бы сыграть роль «хорошего парня» в белой широкополой шляпе. Неподалеку от Лос-Анджелеса, в Сан-Фернандо-Велли, у него собственный дом с плавательным бассейном и двумя машинами в гараже, в бухте Марина дель Рей — своя яхта.

шил их. Боссы железнодорожных компаний кладут в свои карманы баснословные барыши и посылают машинистов в рейсы, которые уже давно стали более опасными, чем полеты на самолетах. Но что делать машинистам, это ведь их работа; они должны радоваться, когда у них есть работа, так как в стране и без того много безработных. Такова «свободная» экономика, в условиях которой нужно бороться за свое существование.

Погоня за долларом сделала Америку могущественной, но теперь морально разлагает ее, и, возможно, недалек тот день, когда эта страна погибнет и физически. Ибо в результате битвы за доллар, в которой нет места ни терпимости к конкуренту, ни угрызениям совести, ни жалости к павшим в этой битве, а есть лишь стремление к наживе и надежда на некий «большой шанс», США в значительной мере превратились в карикатуру на страну людей, в опасную родину.

Американские женщины восседают на тронах. Их власть распространяется не только на мужчин Америки; они владеют более чем 70 процентами народного достояния, 70 процентами полисов страхования жизни, 60 процентами сберегательных вкладов, 50 процентами акций и 50 процентами всех домов. И они не только владеют, но и лучше мужчин разбираются во всем этом. Исследования показали, что женщины гораздо больше, чем мужчины, читают сложные отчеты о состоянии дел акционерных обществ.

Продолжительность жизни американского мужчины составляет 66,7 года, менее чем в 24 других странах, хотя в Америке наблюдается значительный прогресс в области медицины. Продолжительность жизни американской женщины равна 74 годам.

Относительно меньшая продолжительность жизни мужчин в Соединенных Штатах объясняется, несомненно, тем, что американский мужчина — самый неустанный труженик в мире. Но, несомненно, пишет в своей очень умной книге «Американцы» антрополог и социолог Джоффри Горер, она связана и с тем, что лишь в немногих странах отец играет в семье еще более незначительную роль, чем в такой стране, как Соединенные Штаты Америки.

Чак, которого, собственно, зовут Чарльз, женат, у него двое детей, ему сорок четыре года. Это симпатичный, спортивного вида мужчина со здоровым цветом лица, который в любом ковбойском фильме мог бы сыграть роль «хорошего парня» в белой широкополой шляпе. Неподалеку от Лос-Анджелеса, в Сан-Фернандо-Велли, у него собственный дом с плавательным бассейном и двумя машинами в гараже, в бухте Марина дель Рей — своя яхта.

Каждое утро Чак садится в свой «Файерберд». Он ездит на таком автомобиле, потому что это придает ему спортивный и молодежавый вид. Он едет по шоссе мимо Голливуда, Санта-Моники и лос-анджелесского аэропорта на предприятие, где работает инженером-конструктором. Оно производит искусственные спутники, электронно-вычислительные машины, а также разнообразную электронную аппаратуру для вооруженных сил.

Чак — трудолюбивый инженер. Он зачастую засиживается до позднего вечера, а иногда и ночь напролет, если в проектном бюро, которое он возглавляет, возникают какие-нибудь затруднения; очень важно всегда быть на высоте, нельзя допустить, чтобы кто-нибудь из сотрудников его группы мог его в чем-то упрекнуть.

Но Чак по-настоящему любит свою работу и не променял бы ее ни на какую другую. Даже дома он не может забыть о ней: читает технические журналы, ведь всегда появляется что-то новое, и нужно быть по возможности осведомленным о всех новинках. Ему нравятся постоянные споры, связанные с его работой, ему нравятся смелые новшества его фирмы. Помимо всего прочего работа хорошо оплачивается: он получает 36 000 долларов в год; ему не на что жаловаться, он преуспел в жизни.

Чак — в отличной форме. Каждое утро он плавает 20 минут в своем бассейне, затем завтракает, соблюдая строгую диету. По субботам и воскресеньям Чак играет в гольф; в отведенном для хобби подвале он иногда мучает себя упражнениями со снарядами, которые укрепляют мускулатуру и улучшают кровообращение. Он подумывает, не построить ли собственную финскую баню, ведь нужно всегда быть в форме, нужно что-то предпринимать для этого, особенно если тебе уже 44 года. Ведь в университетах, мимо которых Чак проезжает по утрам, учатся молодые люди, готовится ему смена.

Ему такая опасность пока еще не грозит. Он не стар и еще не скоро станет стариком. Пока еще он мало чем

отличается от молодых людей, которые работают в его проектном бюро: в волосах его не видно седины, он делает 50 упражнений с упором лежа, у него нет ни грамма лишнего веса.

Он может быть спокоен, может даже гордиться собой. Он — выходец из захолустья Среднего Запада. Конечно, колледж дает не совсем то, чему можно было бы научиться в знаменитых университетах; тем не менее он добился успеха.

Однажды утром, как всегда, Чак поехал на «Файерберде» на работу. И тут события стали разворачиваться с такой быстротой, что он сразу даже не смог все осознать. Его уволили, выбросили на улицу, объясняя это необходимостью объединения нескольких проектных бюро и экономии средств: правительство отменило некоторые заказы, на которые рассчитывала фирма. Ему выразили сожаление и пожелали счастья.

Историю Чака рассказал психиатр из Лос-Анджелеса, который отметил, что таких историй много. Чак в конце концов оказался у психиатра, потому что во время этого стремительного падения он помимо всего прочего понял, как мало значил для семьи! Жена с презрением назвала его неудачником, дочь потребовала обеспечить ей возможность ездить и дальше на собственной машине, чего она теперь уже не могла себе больше позволить, сын холодно посоветовал ему подыскать новую работу и тут же ушел — где-то неподалеку от дома его ждала приятельница.

Беда сломила Чака. Жена потащила его к психиатру, опасаясь, как бы он не покончил с собой. Но он не покончил с собой, ведь еще нужно расплатиться за дом. И теперь он бежит от одной фирмы к другой, безуспешно добиваясь работы, а в Лос-Анджелесе безработных инженеров-конструкторов полным-полно. Теперь у Чака седина на висках, потому что он уже не закрашивает седые пряди, как прежде, когда он, еще моложавый и

преуспевающий, отправлялся по утрам на машине на работу.

Чак проиграл сражение — борьбу «дикого Запада» на современный лад. То, что прежде было схваткой за земельный участок, стало борьбой за выгодное место, в которой хотя и не стреляют, но все же убивают.

Никому не приходится столь упорно бороться за хорошую работу и так дорожить ею, никто не страдает так от постоянной необходимости показывать высокую производительность труда, как американский мужчина. Никто так часто не достигает пределов своих физических возможностей и никогда еще никто не расплачивался так жестоко за то, что целиком отдавался работе.

Чем больше американский мужчина был вынужден не отставать на «диком Западе» от других в борьбе за приличную работу и положение в обществе, тем больше падала его роль супруга и отца, его престиж в семье, тем сильнее возрастала роль женщины в доме. Мужчина только зарабатывал деньги. Чтобы не потерпеть полное фиаско, ему нужно было хотя бы хорошо зарабатывать, он должен был преуспевать по крайней мере за пределами дома, если уж он не мог утвердить свое положение в семье.

Но сделать это очень трудно и становится все труднее. Стремительное развитие техники делает ненужными ряд профессий. В ближайшие десятилетия это коснется 60 миллионов американцев.

Настойчивые и способные конкуренты ждут любого более или менее выгодного рабочего места, равно как и невыгодного, например негры, мексиканцы или белые из огромной армии безработных. Надо идти в ногу с прогрессом, надо упорно работать, так как уверенности в завтрашнем дне нет, даже если шеф похлопывает тебя сегодня по плечу и разрешает называть себя по имени. Чак тоже называл своего шефа по имени, и все же он был уволен.

Соединенные Штаты всегда учили своих молодых граждан, что они должны не только добиваться успеха, но и сами быть его олицетворением; кто добился успеха — тот стоящий человек, и только он. Кто же не сумел этого сделать — с тем что-то неладно. Конкуренция слишком жестока, многие мужчины не выдержали ее и сложились. В больницах гораздо больше мужчин с истощенной нервной системой, чем женщин; все больше мужчин вынуждено обращаться за помощью к психиатрам; гораздо больше мужчин, чем женщин, ищут выход в самоубийстве.

Психиатр Джон Макайвер, которому один крупный металлургический концерн поручил наблюдение за рядом сотрудников административного аппарата, проявлявших чрезмерную жесткость, пришел к выводу, что примерно половина этих людей скрывает за жесткостью страх за свою работу, страх перед возможностью упустить благоприятный шанс, успех. Коллега Макайвера — Оскар Рабинович, практикующий в Нью-Йорке, сообщил, что три четверти его пациентов составляют мужчины. Одни из них больше не могут работать, а другие просто не хотят. У психиатра они плачут, проклинают жестокую борьбу за успех, в которой потерпели поражение.

Д-р Л. Томпсон, врач одной техасской страховой компании, видит столько морально и физически истощенных людей, что ему пришла в голову аналогия с войной. На медицинских конгрессах врачи предостерегают от убийственной нагрузки мужчин, которые к 55 годам становятся развалинами. Но предостережения врачей успеха не имеют, жизнь требует добиваться успеха.

В этих условиях мужчины не в состоянии выполнять обязанности отцов. Когда они возвращаются вечером с работы домой, они валятся с ног от усталости, и тут уже не до игры с детьми, не до разговоров с ними о школе, нет сил, чтобы помочь им решить математическую зада-

ку. К тому же дети знают, что отец, собственно, живет лишь для того, чтобы рано или поздно уступить место молодежи. Америка — страна, боготворящая молодежь, отец является в ней символом прошлого, отец не может научить ничему умному, ибо все, чему он учит, — устарело. Во время одного из опросов в штате Луизиана подавляющее большинство юношей и девушек выразило мнение, что отец не может считаться главой семьи.

Американский мужчина трудится изо дня в день, не разгибая спины, в погоне за долларом. Он постоянно надеется на новое, лучшее место работы и терзается страхом перед действительными или даже только предполагаемыми конкурентами в борьбе за место. Все дороже стоимость жизни, все больше растут долги, все более стремительным становится жизненный ритм, все выше гора, с которой можно упасть. В среднем 14 переездов совершает американец за время своей профессиональной карьеры, ибо эти переезды необходимы в борьбе за успех. Наполовину выплатив стоимость своего дома, он покидает его, приобретает другой, берет новый заем в банке, ведь нельзя отставать от соседей. Этого требует жена. Кто не может предоставить жене того, что дает своей жене сосед, тот — неудачник, и это вскоре становится известно всем соседям.

Восемь миллионов американцев, не желающих быть неудачниками, подыскивали к своей основной работе вторую; теперь они работают полицейскими и дополнительно таксистами, служащими учреждений и дополнительно вахтерами, продавцами автомобилей и дополнительно агентами по подписке.

— У меня нет никаких сомнений, — говорит врач — д-р Перси Мейсон, — что такая нагрузка стоит американцу нескольких лет жизни.

Это, конечно, правда, но американский мужчина не имеет права преждевременно покидать белый свет, по крайней мере, пока не выплатил свои долги, пока он еще

нужен, чтобы зарабатывать деньги. И поэтому выходящий миллионным тиражом журнал «Фэмили серкл» опубликовал поучительную статью под заголовком «Как сделать, чтобы папа протянул подольше». В статье, в частности, говорится: «Как автомобиль, который еще не полностью оплачен, папа нуждается в постоянном и внимательном уходе, чтобы он мог работать».

Уход во всяком случае ему обеспечен: диета, наблюдение за весом, как у младенца, набор стимулирующих пилуль, но главное — словесные подстегивания, поскольку американская женщина неумолимо следит за тем, чтобы мужчина, по крайней мере материально, выполнял то, что она считает его долгом, если уж он оказывается несостоятельным как отец и супруг и превращается дома в жалкое посмешище.

Психолог д-р Дэвид Мейс объясняет «все беды американских семей подрывом роли мужчин». Поскольку мужчина не может порой выйти победителем в борьбе за успех, он бежит от брака, от жены-мегеры, которую он непонятно почему, но, кажется, когда-то любил.

Каждый четвертый брак в Америке расторгается в судебном порядке, и число разводов неуклонно растет. По мнению социолога Гарольда Кристенсена, по меньшей мере еще столько же браков распадается без официального оформления развода. Уже, кажется, недалеко то время, когда брак, считавшийся союзом на всю жизнь, будет принесен в Соединенных Штатах на губительный алтарь бизнеса.

В стране господствует доллар, он — бог страны, все зависит от заработка, он все определяет. Американцы сделали свою страну могучим экономическим гигантом не благодаря тесному сотрудничеству, дружественному кооперированию и готовности помочь друг другу, а исключительно с помощью воинствующего соревнования, жестокой конкуренции и насилия. Вне своего дома американский мужчина всегда был борцом, твердым, муже-

ственным, деятельным, а сейчас он платит за свою продолжающуюся всю жизнь борьбу за успех колоссальную цену; он, как говорит антрополог д-р Г. Хиас, превратился в результате этих усилий в слабого человека с расшатанной нервной системой. А над таким слабым человеком не грех посмеяться, и поэтому Америка потешается над своими мужчинами.

Очень выгодное дело — открыть хотя бы маленький бар в Флагстаффе (Аризона), в Блаффе (Юта), в Кортесе (Колорадо) или Галлапе (Нью-Мексико). Вполне достаточно, если в его ассортименте будет дешевая водка-сивуха, дешевый портвейн и горький вермут. И, конечно, пиво, много пива.

Посетителей будет хоть отбавляй, даже если у входа в это заведение появится лишь скромная дощечка с надписью «Бар». Клиенты здесь несколько боязливые, они не любят баров, залитых неоновым светом, и не доверяют роскоши. Они хотят просто посидеть в полумраке и выпить. К сожалению, они очень быстро пьянеют. Выпив две-три порции самой дешевой водки, они засыпают тут же за столом. Однако нельзя позволять им спать, нужно поскорее получить с них деньги и выпроводить; здесь же не ночлежка, а бар.

И они уйдут, потому что не строптивы. Они улягутся где-либо в Флагстаффе или Блаффе, в Кортесе или Галлапе на обочине дороги, на насыпи или у порога какого-либо дома и будут мирно спать. А выспавшись, уберутся восвояси. Вместо них завтра придут другие, а послезавтра снова другие; маленький бар — действительно хорошая вещь.

Ведь Флагстафф, Блафф, Кортес и Галлап расположены в непосредственной близости от крупнейших резерваций для индейцев в Соединенных Штатах, а в резервациях продажа алкогольных напитков запрещена.

Американские индейцы — люди тихие, скромные и очень бедные. Некоторые из них отдают последний цент за порцию самой дешевой сивухи; выпив ее, они могут забыться хотя бы на несколько часов.

Коренное население Америки, которому некогда принадлежала вся эта огромная страна, живет в такой ни-

ште и безысходности, что среди них распространен не только алкоголизм — естественный спутник бедности, но и самоубийства. Число индейцев, кончающих жизнь самоубийством, относительно в десять раз больше числа самоубийц среди других народностей, населяющих Америку. На севере страны, в резервации племени сик-сики («черноногие индейцы») около Браунинга (Монтана), где проживают теперь всего 6 тысяч индейцев, в течение одного года добровольно ушли из жизни 50 человек; это были все молодые люди, потомки некогда славившегося своей храбростью племени, мастерски охотившегося на буйволов. Но затем белые истребили буйволов, которые были для сик-сиков все равно что вода для растений, индейцы попали в зависимость от белых и были согнаны в резервацию. Там они и живут уже около 120 лет, почти не имея работы, кое-как перебиваясь на подачки благотворительных организаций; большинство индейцев неграмотны, многие пропивают получаемое пособие, некоторые кончают жизнь самоубийством. Такой выход не хуже, чем жизнь в резервации, где почти все, что может обеспечить заработок, находится в руках белых.

В резервации в штате Аризона самоубийства случаются реже, чем в Монтане, но бедность здесь такая же, как и повсюду, где живут индейцы. Пожалуй, бедность индейцев еще более страшная, чем в негритянских гетто крупных городов.

Бывают случаи, когда отдельные индейцы, особенно молодые, выступают с протестом; у индейцев старших возрастов на это уже нет сил. Из 650 тысяч индейцев, оставшихся еще в США, протестуют приблизительно 3 тысячи объединившихся в различные организации. Однако их никто не принимает всерьез, ибо среди 200-миллионного народа они незаметны и в политическом отношении опасности не представляют.

300 индейских резерваций, в которых проживают

440 тысяч человек, находятся в такой глуши, что большинство белых никогда не слышали о них. По данным органов здравоохранения в Вашингтоне, индейцы не только самая бедная, но и самая больная расовая группа среди населения США.

Белые выделили им территорию в 200 тысяч квадратных километров. Но большая часть этой земли неплодородна или неосвоена; лишь 7 процентов ее составляет обрабатываемая пашня, а на освоение бóльшей площади никогда не было денег: США всегда имели дела поважнее, чем заботиться о «до смешного малом меньшинстве» — индейцах, которые даже не жалуются.

Нет, конечно, правительство заботилось об индейцах. Существует Управление по делам индейцев, которое имеет подведомственные местные бюро почти во всех резервациях. В этих бюро работают белые чиновники, стремящиеся «приобщить» индейцев к прогрессу страны. Но Вашингтон выделял для резерваций так мало средств, что на эти деньги ничего нельзя было сделать. В результате в большинстве резерваций все еще царит XVII век, с той лишь разницей, что земля не принадлежит больше индейцам, а сами они находятся под опекой белых чиновников. Нет у них и былой гордости, равно как нет и надежды на то, что их судьба может когда-либо измениться.

В огромной резервации в штате Аризона не имеют работы 40 процентов ее населения, хотя Бюро трудового устройства индейцев и удалось уговорить некоторые концерны построить здесь филиалы своих предприятий. Однако большая часть хорошей работы на этих предприятиях недоступна индейцам; для ее выполнения нужна подготовка, которой у них нет, а поэтому хорошую работу забрали себе белые. Индейцы же заняты на неквалифицированной работе и должны еще быть рады, что имеют и такую, ведь за воротами предприятий всегда много соплеменников, готовых заменить недовольных.

Из 60 процентов индейцев, имеющих работу, большинство занято неполный рабочий день; их заработка не хватает на то, чтобы вылезти из нищеты. Но они рады и такому заработку, потому что другие безработные вынуждены перебиваться кое-как. Хорошо, если удастся получить какую-нибудь помощь от благотворительных организаций. Для многих, однако, до этих организаций столь же далеко, как и до ближайшего доктора или ближайшей школы — не меньше 20—30 миль; ведь они живут в резервации, лишённые многого из того, что для остального населения страны представляется само собой разумеющимся.

Собственно говоря, резервация в Аризоне — это участок пустыни и дикой гористой местности, где невыносимо жарко летом и очень холодно зимой. Несколько лет тому назад на нее обрушились сильные снегопады. Это была ужасная зима, и если бы обитателям резервации не сбрасывали с вертолетов самое необходимое, погибло бы множество людей.

В пустыне люди не успевают постареть. У индейцев самая низкая продолжительность жизни в Америке. По данным статистики, мужчина-индеец живет в среднем 43 года. Сами индейцы знают, что они живут недолго, ибо край, где их поселили, суров к людям, а правительство белых не намного мягче.

В резервациях очень высока детская смертность, распространены туберкулез и кишечные заболевания; повсюду кишат насекомые. Водопровода нет, и лишь кое-где, иной раз за несколько миль, имеется колодец, вода в котором не всегда чистая, многие колодцы загрязнены пасущимися поблизости овцами.

Индейцы племени навахи, насчитывающие 120 тысяч человек вместе с небольшим числом индейцев племени хопи, живут очень бедно в резервации в маленьких полупустынных землянках, именуемых «хоганами». Белые туристы находят их «забавными».

Название племени навахи употребляется только в общении с белыми, на местном же наречии навахи зовутся «дене», что означает «люди». Некогда они, как и сик-сикки, занимались охотой и земледелием. Это был гордый, храбрый и жизнеспособный народ. А сегодняшние навахи — жалкое подобие своих предков, безнадежно отброшенные историей далеко назад, рудименты народа, который в длительной борьбе за принадлежавшую ему землю оказался побежденным белыми, был лишен права на родину, подобно сик-сикам — в Монтане, шошонам — в Вайоминге, пауни — в Оклахоме, сиу — в Дакоте, апачам — в Нью-Мексико и многим другим племенам, и сейчас находится в зависимости от оккупантов.

У индейцев остались лишь их боги: добрая богиня Луна, «изменчивая женщина», как они ее называют, и ее муж — бог Солнце. Во время ночных ритуалов и таинственных танцев на фигурах, нарисованных на песке в пустыне, они славят своих богов и приобщают к вере своих детей, по крайней мере хоть этого у них не отняли.

Хоганы, в которых живут индейцы, построены из глины; окон у них нет, вход в хоган смотрит строго на восток. Мужчина спит в южной части хогана, женщина — в северной, а когда кто-либо умирает, то в стене, обращенной на север, прорубается дыра и через нее выносят покойника. Обычай требует, чтобы захоронение состоялось как можно скорее.

Индеец никогда не убьет змею и не станет есть рыбу; он не переступит через спящего и не будет причесываться на ночь — этого не любят злые духи, а их много, и они страшнее даже белых людей с их вечными издевками.

Дорога № 64, проходящая от Большого каньона мимо плато Коконино к резервации, и дорога № 1, пересекающая всю резервацию с запада на восток, — излюбленные туристские маршруты. Белые попадают в совсем другой мир, из окон автомобилей фотографируют

хоганы, маленькую индейскую девочку с животом, распухшим от ненормального питания, вершины фантастически красивых каньонов. Затем они быстро закрывают окна, так как снаружи невыносимая жара, а в автомобиле с кондиционером приятная прохлада, и едут дальше, вспоминая живущих здесь «странных» людей с изрытыми морщинами лицами, со смешными предрассудками и таких отсталых.

В горы, окружающие Каньон дель морте, туристы не ездят, там плохие дороги. И едва ли кто-либо из белых туристов увидит нищету, царящую в хоганах. Они не увидят и той лачуги неподалеку от Грейсвуда, из которой недавно исчез мужчина, бросив на произвол судьбы свою многочисленную семью. Тщетно ждали жена и дети своего кормильца, его нашли на дне каньона, куда он, видимо, сам бросился.

Туристы видят лишь то, что расположено вдоль благоустроенных дорог; возможно, они и не хотят видеть больше; возможно, что, когда они рассматривают «забавных» индейцев, их немножко мучает совесть, и вряд ли стоит усугублять это чувство.

Туристы не знают, что девочка, стоящая на перекрестке дорог № 64 и 89,—единственная кормилица семьи. Она позирует фотографирующим ее туристам, а затем протягивает ручонку, прося милостыню. Отец ее умер, на руках у матери еще несколько маленьких детей. Порой этой девочке, простоявшей целый день на солнцепеке в ожидании туристов, удастся принести домой два, а то и три доллара. Это много денег, с ними можно идти к лавочнику и купить муки и крупы.

Лавочник — белый, как и все лавочники в резервации. Лавочник — это не только магазин, но и ломбард, и банк, и меняла, и тот, кто пишет письма. У лавочников в их деревянных факториях стоят сейфы, где они хранят украшения, оставленные индейцами, у которых не было денег, чтобы рассчитаться за полученные продукты.

Это — старые самодельные украшения, и у некоторых владельцев факторий их накапливается на сотни тысяч долларов.

Иной раз лавочники продают украшения, так как в резервации действует правило, по которому украшения, не выкупленные в течение полугода, переходят в собственность лавочника. А если индейцы пытаются предъявлять претензии, им хладнокровно указывают на отпечаток большого пальца, оставленный в знак согласия на полугодовой срок выкупа. Право есть право, договоренность есть договоренность. Не сдержал слово — не жалуйся.

Индейцы несут в лавку красивые ковры ручной работы, изготовленные индейскими женщинами и девушками. Лавочник, у которого они постоянно в долгу, платит за ковер, потребовавший целой недели труда, всего 10 долларов. Сам же он продает этот ковер перекупщику в одном из городов вне резервации за 20, а то и за все 30 долларов, а перекупщик повышает цену еще на 10—20 долларов и сбывает ковер туристам. Туристам нравятся индейские ковры, они готовы заплатить и больше.

Индейцы производят также изделия из керамики и украшения из серебра и бирюзы, которые они добывают на территории резервации. Серьги, кольца, колье, запонки — все, что они изготовляют, они тоже продают лавочнику, который и на этом делает хороший бизнес. Хотя навахи образовали собственную гильдию художественных ремесел, многие из них не могут сдавать туда свои изделия, так как задолжали лавочнику, а с ним в конфликт вступать нельзя. Поэтому индейцы продолжают относить плоды своего труда в факторию, а ее хозяин отлично зарабатывает на перепродаже.

Дети, конечно, тоже работают. В некоторых семьях помощь детей настолько необходима, что родители прячут их, когда чиновники местного Бюро по делам индей-

цев приезжают на автобусах, чтобы забрать детей в школы. Школы находятся далеко, кое-где даже за пределами резервации или в другом штате; в некоторых школах учебный год продолжается 9 месяцев, но ни у кого нет денег, чтобы дети могли по праздникам приезжать домой. Поэтому многие родители прячут своих детей; неважно, что они останутся неграмотными; жить-то надо, а для этого надо работать.

— Навахи — все равно что дети, — сетуют чиновники Бюро по делам индейцев, — с ними просто беда. До них все так трудно доходит и к тому же они крайне недоверчивы.

Последнее больше всего возмущает чиновников. Но недоверчивость пришла к навахам лишь после встречи с первыми белыми. Белые всегда обманывали их. Белые нарушали договоры, не выполняли торжественно данных обещаний. Разумеется, белые обманывают и сейчас, в этом они не меняются. Следовательно, доверять им нельзя, даже если дружественно настроенный белый приходит, чтобы отвезти детей в школу.

Особенно нельзя доверять белым миссионерам, которых здесь постоянно бесчисленное множество, как насекомых в хоганах, и избавиться от них невозможно. Миссионеры приходят с «добрыми» намерениями, они говорят о спасении души, но навахи всегда верили только в свою добрую богиню Луну и в ее мужа — бога Солнце. Чтобы изгнать дурные сны и злых духов, они танцуют танец ндаа. Зимой они танцуют танец эйбичи, прославляющий их богов, для самоочищения бьют друг друга горящими ветками, и это делает богов покладистыми. Во время этих танцев растения вырастают и зацветают за несколько минут — это боги творят чудо, и каждый может убедиться в этом. Так зачем же им бог белых, ему не следует доверять, потому что он не может быть намного лучше, чем сами белые, а они всегда были плохими.

При господстве белых дети навахов умирают с голоду; не от заболеваний, сопутствующих хроническому недоеданию или неправильному питанию, а именно с голоду. Врачи, прибывшие в резервацию, чтобы проверить слухи о голоде среди навахов, установили, что только в Туба-Сити, расположенном непосредственно у дороги № 1 — излюбленного маршрута туристов, в течение одного года с голоду умерло 16 детей.

В других районах резервации положение не лучше, чем в Туба-Сити, хотя точных данных нет, ибо медицинское обслуживание там никуда не годное; резервация большая, населенные пункты находятся далеко друг от друга, а на всю резервацию приходится только один врач-навах. Да и откуда им взяться, врачам-навахам, если большое число детей раньше времени бросают школу и лишь единицы попадают в колледжи?

В случае болезни вся надежда не на белого врача, а на знахаря. Ибо подобно тому, как христианским миссионерам не удалось обратить навахов в свою веру, так и белые врачи не могут убедить их в том, что с помощью белой медицины можно выздороветь; отсюда и недоверие к белым врачам.

Врачи запрещают больным индейцам обращаться к знахарям, равно как христианские миссионеры под угрозой страшных мук в аду запрещали индейским детям участвовать в ритуалах родителей в честь их богини. Но как тут быть? Ведь очень трудно выбирать между богиней Луной и страшными муками в аду, а от насмешек белых лучше не становится.

В конце концов, от белых вообще добра ждать не приходится; с тех пор как они в 1924 году навязали навахам американское гражданство, положение в резервации не улучшилось. Всю свою недолгую жизнь навахи безуспешно пытаются выбраться из нищеты; всю жизнь они ткут ковры, но никак не могут освободиться от долгов лавочнику.

Увидев наваха, который гонит овец через пустыню в поисках хоть какого-нибудь пастбища, белые туристы всегда останавливают свои автомобили. Им представляется поистине идилическая картина, они чуть ли не завидуют этим индейцам, до которых не доносится городской шум; здесь столько романтики, но индейцы, пожалуй, сами не знают, как им хорошо, насколько экзотичен ландшафт их родины, ну прямо хоть меняйся с ними.

А навах просто ищет траву для своих овец, ибо трава — это жизнь; но хорошей травы в резервации мало, и никакой романтики здесь нет. Границу резервации образуют две большие реки: на западе — Колорадо, на севере — Сан-Хуан. На базе этих рек можно было бы создать оросительные системы, выращивать больше кормовых трав и покончить с голодом. Однако более или менее широкие работы по орошению не проводятся. Половина земли, выделенной различным племенам индейцев под резервации и превращенной в музей под открытым небом с живыми экспонатами, которыми любуются белые туристы, полностью или частично погибла от эрозии. Другая половина находится в критическом состоянии. Белые не стреляют больше в краснокожих, они просто дают им возможность погибать от засухи. В резервации навахов больше засушливых земель, чем где-либо еще в Америке, если не считать, пожалуй, Долины смерти.

В экзотической местности, где белые туристы из своих оборудованных кондиционерами автомобилей фотографируют все, что им представляется романтическим, каждый четвертый ребенок умирает на первом году жизни от болезней, которые можно было бы предотвратить при соответствующем медицинском обслуживании. В резервациях на 10 000 процентов больше заболеваний дизентерией, чем в среднем по стране с населением, живущим в нормальных гигиенических условиях, на 300 процентов больше заболеваний туберкулезом, на 800 процентов — больше заболеваний печени, на 2000 процентов

больше случаев менингита. Многих болезней навахи не знали, пока не пришли белые и не принесли с собой водку и, кроме всего прочего, венерические болезни.

У индейских женщин и девушек глаза всегда воспалены от постоянно носящегося в воздухе мелкого песка, поднимаемого ветром. Но индианки лишь изредка позволяют себе протереть слезящиеся глаза; у них просто нет времени на это, надо скорее заканчивать очередной ковер, ведь лавочник ждать не любит.

А мужчины бродят по пустыне в поисках какой-нибудь работы: говорят, что где-то нашли нефть и уран; возможно, там потребуется рабочая сила. Правда, индейцев едва ли кто-либо возьмет на работу — они слишком слабосильные. Многие фирмы, разместившие свои предприятия в порядке эксперимента в резервации и получившие на это дотацию от государства, уже закрыли их; опыт не удался. Что же касается нефтепромыслов, то там нужна квалифицированная рабочая сила.

Газета «Денвер пост» опубликовала письмо, написанное читателем-индейцем: «У нас есть гора. На своем языке мы называем ее «Гора бед». Здесь каждую неделю умирает ребенок. Матери уходят из жизни слишком молодыми. Мужчина в 30 лет — уже глубокий старик. И очень много у нас больных. Погребальные песни звучат так часто, что мужчины убегают из хоганов от своих семей, чтобы не слышать больше этих песен. Кроме того, они пьют, чтобы вообще ничего не слышать».

Газета послала своего репортера к «Горе бед». Он обнаружил не одну такую гору и написал несколько трогательных рассказов. Однако рассказами ничего не изменишь, у «Горы бед» все еще умирает много детей, индейцы вообще «на короткой ноге» с преждевременной смертью; навах умирает, когда в других местах мужчина в его годах только вступает в пору своей зрелости. Навахи знают это давно, а поэтому и не переживают, они научились покоряться судьбе.

Навах Фрэнсис Сандовал тоже уже не переживает, как раньше. Сейчас он работает в Бюро по развитию индейских районов в Фармингтоне, в северо-восточной части резервации. Он полагал, что добросовестная работа в бюро принесет больше пользы его народу, чем простое возмущение.

Сандовалу обидно лишь, что бюро так мало делает для резервации. Он не обижается на то, что вынужден работать в подвальном помещении, тогда как белые чиновники сидят на верхних этажах в комнатах, оборудованных кондиционерами. Сандовал не мелочен. Но его огорчает, что все прекрасные планы создания оросительных систем, освоения новых земель, строительства дорог и оживления пустыни, разрабатываемые в его бюро, отвергаются в Вашингтоне. Собственно, нужно было бы принять гораздо более широкие меры, чем бюро предлагало столичным чиновникам, но даже минимальные программы не находят одобрения, а поэтому и нет никакого прогресса в резервациях.

Сейчас Фрэнсис Сандовал близок к отчаянию: своей работой он ничего достигнуть не может. Когда же он приезжает в резервацию, соплеменники смеются над ним. Старики осуждают его за то, что он забыл старую веру навахов, согласно которой природа сильнее всего на свете; они убеждены, что всякие попытки изменить ее, хотя бы даже путем орошения земель, могут вызвать месть с ее стороны. Поначалу Сандовал надеялся, что ему удастся переубедить стариков посредством конкретных дел, и они станут свидетелями чуда. Но как сделать это, если чиновники в Вашингтоне по-прежнему отвергают все планы.

Однажды у Сандовала появилась более или менее реальная надежда. Это было, когда Роберт Кеннеди готовился стать президентом. Он приехал в резервацию, хотя несколько жалких голосов, которые он мог получить там, едва ли помогли бы ему на выборах. Но Кеннеди

обещал помощь, навахи поверили ему и стали величать его добрыми словами. Кеннеди возмущался по поводу того, что Управление по делам индейцев выделяло на питание детей в школах до смешного малую сумму — только по 23 цента на ребенка. Кеннеди прислал свою дочь в резервацию, она работала в приюте для больных детей. Роберту Кеннеди, говорят индейцы, можно было верить. Сейчас в Белом доме сидит Ричард Никсон, а что от него ждать? Сандовал ничего не ждет от Ричарда Никсона. У президента, наверное, есть поважнее дела, чем заботиться о голодающих индейцах.

На сенаторов и членов палаты представителей Сандовал также не надеется. Индейцы — лишь незначительное меньшинство, голоса индейцев-избирателей значения не имеют. Отдельные члены конгресса от случая к случаю выражали сочувствие индейцам, но от их сочувствия столько же проку, сколько от душещипательных статей в «Денвер пост».

Еще в период правления Линдона Б. Джонсона был разработан план строительства большого города с аэропортом и современной промышленностью на том месте, где сходятся границы штатов Юта, Колорадо, Нью-Мексико и Аризона. Город был рассчитан на то, чтобы обеспечить жильем и работой 250 тысяч индейцев. Но Сандовал знает, что это безумный план. В городе Уинд-Ривер (Вайоминг) белые построили за 225 тысяч долларов несколько двенадцатиквартирных домов для индейцев — шошонов и арапахов. Когда дома были готовы, белые тщетно ждали, что индейцы ринутся в дешевые квартиры; лишь одна семья пожелала въехать туда.

Навахи не поедут в большой город на границе четырех штатов, в этом Сандовал абсолютно уверен. Они хотят остаться на своей земле, как бы ни смеялись над этим белые. У навахов иное понятие о родине, чем у белых. Белые американцы в среднем каждые пять лет меняют место жительства. Навахи так не могут, пусты-

ня — их родина, с ней их связывает все: и жизнь, и вера, в ней они хотят остаться.

Конечно, кое-кто из навахов уехал из резервации. В Лос-Анджелесе, например, их очень много. Но все они испытывают тоску по родине, даже если в большом городе им материально живется лучше. Некоторые из них жили в больших городах и хорошо зарабатывали, но все же вернулись в свои резервации — лучше жить бедно, но в родном месте. Индейцы-мохавки — прирожденные эквилибристы; для них всегда есть хорошо оплачиваемая работа на строительстве небоскребов в Нью-Йорке. Когда же они умирают, хоронить их везут на родину — на север штата. На родину навахов, в пустыню, приходят письма, в которых уехавшие жалуются на тоску по дому.

— Навахов нельзя пересаживать в другое место, — говорит Сандовал, — иначе они погибнут. Разве они смогут жить в большом городе, если до сих пор жили в хоганах? Надо сделать сносной их жизнь в резервации, это можно сделать, причем для этого нужно совсем мало денег.

Навахи в Уиндоу-Роке говорят то же самое. Уиндоу-Рок, расположенный в горах в юго-западной части резервации, — столица навахов. Здесь у них имеется нечто вроде самоуправления под контролем чиновников из Бюро по делам индейцев. Здесь же находится полицейский участок, во главе которого стоит белый. Работы у полиции немного, так как настоящих преступлений в резервации не бывает, навахи не грабят и не убивают.

В Уиндоу-Роке есть даже Совет племени, навахский парламент, который возглавляется председателем и вице-председателем и насчитывает 74 депутата. Совет старательно делает все от него зависящее. Он финансирует школы за счет средств, поступающих из резерваций от белых добытчиков нефти и урана, помогает созданию новых предприятий и кое-чего уже добился. Без этого парламента положение в резервации было бы еще бо-

лее безотрадным. Совет племени содержит радиостанцию, издает газету, и если бы белые туристы посещали только Уиндоу-Рок, многое казалось бы им вполне благополучным.

В Уиндоу-Роке построен стадион для состязания ковбоев, есть ярмарочные павильоны, тир, колесо обозрения и даже балаган, где показывают стриптиз. На ярмарку собирается много навахов, и белые хорошо на этом зарабатывают.

Ярмарка проводится один раз в год, а год в хоганах в резервации очень долгий. И начинается он уже на следующее утро после ярмарки. На дороге от Уиндоу-Рока до Галлапа то тут, то там лежат пьяные. Один из них, молодой парень лет двадцати, уже проснулся и стряхивает грязь со своей одежды. Затем он хватается руками за голову, уставившись глазами в траву, на которой только что лежал. Для чего он живет?

— А что значит жить? — спрашивает он. — Я ведь совсем и не живу.

Айра Хейес тоже не жил здесь. Он был одним из тех индейцев, которые служили в американской армии во время второй мировой войны. Дома, в резервации, его соотечественники устраивали по ночам ритуальные танцы и произносили заклинания, моля добрых духов о защите и помощи воинам.

Индейцы были хорошими солдатами. Некоторые из них, служившие радистами на тихоокеанском театре военных действий, сыграли славную роль в войне. Они, например, передавали и принимали радиogramмы на своем языке, и японским дешифровщиками ни разу не удалось узнать содержание этих радиogramм.

Но одному индейцу — выходцу из племени пима Айре Хейесу — удалось затмить славу радистов. Он участвовал в кровопролитном штурме островной крепости Айво-Джайме, упорно оборонявшейся японцами. В Соединенных Штатах можно часто встретить монументы в честь

взятия Айво-Джайме, изображающие группу солдат-храбрецов, которые водружают звездный флаг на острове; среди них и Айра Хейес.

Айра получил за участие в этой операции высшую американскую военную награду — «Медаль почета», он был национальным героем. Айру чествовал сам президент, газеты писали о нем, как о живом свидетельстве того, что индейцы стали «настоящими американцами», патриотами своей новой нации, в резервации его встречали с почетом. Но затем его слава померкла, а жизнь в резервации стала безысходной: погребальные песни, отсутствие подходящей работы, нищета, а на «Медаль почета» не проживешь, да и вообще в резервации жить невозможно. И национальный герой Айра Хейес с отчаяния начал пить. Он пил все больше и больше, пока не умер от белой горячки. Газеты, которые раньше славили его, сообщили об этом в нескольких строчках.

Пологий холм, поросший деревьями и сочной травой. На зеленых лужайках стоят изящные церквушки и белоснежные статуи, изображающие большей частью обнаженных молодых женщин. Они держат в руках пальмовые ветви, на губах застыла невинная улыбка, а груди их так малы, что только испорченному человеку могут прийти в голову грешные мысли.

Зеленые склоны разделены аккуратно подстриженными живыми изгородями. Ухоженные цветочные клумбы гармонично дополняют красочную картину. Во всем чувствуется рука мастера садовой архитектуры. Укромны уголки с манящими к себе скамейками под тяжело нависшими ветвями могучих деревьев. Когда тут целуются парочки, нагие статуи как бы стыдливо отводят взгляд в сторону долины, где вдалеке виднеется большой шумный город, или на соседний холм.

Дорожки безупречно чисты. Они ведут мимо белоснежных каменных обнаженных вестников любви, мимо столь же белоснежного нагого Геркулеса с завидной мускулатурой и приветливым взглядом. На этом холме приветливо все.

Обсаженные цветами дорожки приводят вас к улыбающемуся Христу, к единственному в мире улыбающемуся Христу. Нажав на кнопку, можно услышать его историю, трогательную историю. Улыбающийся, облаченный в одежду Христос высечен из камня. Это колоссальный монумент.

Лукаво улыбающиеся херувимы стоят вдоль дорожек, ведущих к «Саду райской жизни», где вас встречает буйное цветение роскошных цветов. Далее дорожки уходят к «Ротонде свободы» и мимо беломраморных, благосклонно или лукаво улыбающихся обнаженных статуй — к «Триумфу веры». В саду все наполнено глубо-

чайшим умиротворением, воздух напоен сладким дурманящим ароматом цветов, повсюду подражание классицизму в камне и мраморе, своего рода Микеланджело оптом. Затем роскошные дорожки подводят к «Мавзолею свободы», откуда пришельца приветствует Джордж Вашингтон, прекрасный Вашингтон, разумеется, в одежде, и далее «Богиня света» — нагая красивая богиня, белоснежная, с несколько слишком пышным бюстом, но прекрасная.

Обнаженные статуи повсюду на дорожке, ведущей к каменному журналисту, одетому в военную форму; на голове у него каска, ведь он — военный корреспондент. Он тоже хороший человек, это ясно, именно так выглядят добропорядочные люди. И далее — точная копия микеланджеловского Моисея, мерка с точностью до миллиметра снята в Риме с милостивого разрешения папы. Вокруг статуи Моисея цветы.

И, наконец, картина, самая большая в мире, в доме, утопающем в цветах. Вход — полдоллара. Внутри приглушенная музыка, спокойная, торжественная. Гаснет свет, среди взволнованных людей воцаряется молчание, раздвигается занавес, музыка становится громче, и вот уже мощные аккорды наполняют зал. На какой-то момент все погружается в темноту, и взору публики открывается картина — 60-метровое полотно художника Стики, спасенное, как утверждают, на чикагской свалке.

На этой самой большой в мире картине изображено распятие Христа. Она висит в доме, стоимостью 1,5 миллиона долларов, специально выстроенном для этого единственного в своем роде образчика искусства. Ошеломленной публике предлагается почтить память распятого минутой молчания, и она замирает.

Из дома с максн-картиной снова слышится тихая прощальная музыка, а дорожки под ласковым солнцем манят дальше, к новым открытиям. Можно увидеть еще много белоснежных статуй, можно посмотреть еще «Сад

свободы», обсаженный цветами, высокопатриотический монумент в честь подписания Декларации независимости Америки, каменные изваяния хороших, добропорядочных людей с энергичными лицами и в одежде, в отличие от голых херувимов, которые и тут лукаво улыбаются. Какое приятное место!

Место это — кладбище Форест-Лон. Потрясенные осмотром этой достопримечательности Лос-Анджелеса, которая вполне может поспорить с Диснейлендом, туристы собираются у одного из входов в этот большой парк. Они восхищены. Они уже многое посмотрели, но не видели ничего более прекрасного. Потихоньку им суют приглашения: не хотят ли они быть похороненными в Форест-Лоне; всего лишь небольшие взносы в рассрочку и умеренный задаток гарантируют хорошее место.

Творцом этого наполненного самыми светлыми в мире улыбками кладбища был Губерт Итон, который считал себя не просто могильщиком, а человеком, призванным к этому «самим всевышним».

Итон услышал этот зов, когда, только что оправившись от неудач с бизнесом на рудниках в соседнем штате Невада, а до этого — на золотых приисках, он стоял в новогодний день на одном из холмов Лос-Анджелеса и размышлял над превратностями судьбы.

Губерт Итон, может быть, не знал горняцкого дела в соседней Неваде, но зато хорошо знал американцев. Его мемориальный парк имел потрясающий успех. Он, так сказать, проложил путь для революции в индустрии смерти в Соединенных Штатах. С открытием Форест-Лона начался расцвет многомиллиардного бизнеса в этой сфере. До тех пор людей просто хоронили, это был дешевый, безыскусный и печальный промысел. А теперь с благословения священников усопших стали гримировать и пудрить, вкладывать в их руки курительные трубки или вязание, украшать гробы бархатом и шелком; у последнего пристанища начали играть Девятую

симфонию Бетховена, могилы надежно охранялись от запустения, им гарантировалась вечность.

Губерт Итон тем временем завершил свой жизненный путь баснословно богатым человеком, показав пример остальным в стране. Теперь есть кладбища даже для собак и кошек, для канареек и домашних обезьян, и их похороны стали весьма прибыльным делом, ведь тому, кто услышал «зов всевышнего», почти всегда в Америке сопутствует успех.

Никто в точности не знает, сколько в Соединенных Штатах различных церквей и религиозных направлений, во всяком случае их насчитываются тысячи. На душу населения здесь, пожалуй, больше епископов и основателей религий, чем в какой-либо другой стране.

Джозеф Смит, как он утверждает, на протяжении всей своей жизни слышал «зовы свыше». Первое такое «откровение свыше» он получил четырнадцати лет от ангела Морони, сына архангела Мормона. Ангел Морони поставил фермерского сына Джозефа Смита из штата Нью-Йорк в известность о том, что «Книга Мормона» — книга истины, состоящая из золотых пластинок, спрятана за домом между деревьями. Он нашел «Книгу Мормона», так как «зов свыше» никогда не обманывает. В 1830 году Смит отпечатал 5000 экземпляров этой книги в Нью-Йорке, заплатил за это 3000 долларов, а продал их за 12 500 долларов; такого рода литература уже тогда пользовалась спросом. Вокруг Джозефа Смита стали собираться верующие, которых не смущало то, что критики находили в «Книге Мормона» дословные цитаты из библии и даже из произведений Шекспира.

Джозеф Смит, обладавший силой внушения и большой энергией, повел свою общину «Святых последних дней» на Запад, где, по его мнению, находился Сион; он не сомневался, что именно туда и следовало идти. В пути он то подумывал о poste президента Соединенных Штатов, то появлялся в роскошной голубой военной

форме, поскольку сам себя произвел в генералы. Но прежде всего он считал себя призванным ввести полигамию среди своих последователей и ввел ее. Мужчины имели столько женщин, сколько могли содержать, за что Джозеф Смит был заключен в тюрьму. В тюремной камере в Картидже (штат Миссури) Джозеф Смит был застрелен при обстоятельствах, которые так и не были выяснены. Горевавшая по нему община получила то, чего ей особенно не хватало,— мученика.

Общину возглавил Бригэм Янг, предприимчивый человек, природный ум которого заставил его повелеть общине покинуть враждебный американский Средний Запад и двинуться к Западу в направлении Сиона.

Конечно, Бригэму Янгу проще всего было пересечь всю страну и направиться в Калифорнию, где под вечно жарким солнцем чаще, чем где-либо в другом месте, слышится «зов всевышнего» и процветают различные церкви. Однако Бригэм Янг повел свою общину не в вечно зеленую южную часть Калифорнии, а в пустыню. И здесь на возвышенности, с которой открывался вид на величественное и враждебное человеку голое пространство, на безжизненные соленые озера, Бригэм Янг, сделав значительную мину, изрек: «Вот это место!»

Итак, Сион был найден. Человек дела, Бригэм Янг, который, имея 17 жен, произвел на свет 47 детей, дабы увеличить свою общину, не стал прислушиваться к протестам изнуренных длительным переходом верующих, которые опасались, что в этой пустыне их ждет страшная нищета. Это был Сион. Янг знал об этом, и все остались.

Община стала владеть частью пустыни, которая ныне зовется Солт-Лейк-Сити. Таково лишь официальное название этого крупного города, община же называет его Сионом. Она построила здесь дома и сделала землю плодородной. Она жила, соблюдая строгие правила веры и придерживаясь полигамии.

От Солт-Лейк-Сити члены общины продвигались все дальше в глубь штата Юта и, установив, в конце концов, свой контроль над этим бескрайним штатом, обратились с ходатайством о приеме в Соединенные Штаты. Их просьба неоднократно отклонялась со ссылкой на полигамию, причем «неверные» грозились даже пресечь распутство сектантов силой. Под влиянием этих угроз, но отнюдь не по внутреннему убеждению, община «Святых последних дней», которых называют также мормонами, формально отменила многоженство, и штат Юта в 1896 году был принят в состав Соединенных Штатов.

После того как «зов свыше» услышал Джозеф Смит, община неоднократно внимала «зовам» и незамедлительно претворяла их в жизнь. Так она учредила «Юта бэнк», весьма преуспевающее предприятие, создала страховую компанию с многомиллионными прибылями, стала выпускать «Дизерт ньюс», процветающую ежедневную газету. За что бы ни брались члены общины, Мормон способствовал им во всем.

Сегодня в Юте едва ли может иметь успех человек, если он не принадлежит к церкви мормонов, даже в правительстве в Вашингтоне с некоторых пор есть мормоны. Они твердо держат в своих руках штат Юта, их политическая власть подкреплена принадлежащей им собственностью, исчисляемой миллиардами. Община, численность которой благодаря деятельности самых фанатичных миссионеров, каких только можно себе представить, неуклонно увеличивается, регулярно выплачивает десятину, и огромный поток денег направляется в храм, который стоит в центре города. Город процветает, теперь неподалеку от мормонов строят даже ракеты. Мормоны стали богатыми. Они показали всему миру, сколь хорошо и выгодно следовать за тем, кто получил «откровение свыше».

Гарнер Тэд Армстронг тоже услышал «зов всевышнего». Он любит спортивную одежду и выглядит моложе

своих сорока лет. Это ловкий, динамичный и преуспевающий человек, ведь люди, получившие «откровение свыше», отнюдь не должны посыпать голову пеплом. Он выступает по 230 американским радиостанциям, участвует в программах 40 американских и канадских телевизионных станций. Его словам внимает аудитория, насчитывающая около 40 миллионов человек. Его слова достигают еще многих миллионов людей посредством брошюр и трактатов, издаваемых колоссальными тиражами и распространяемых им в Соединенных Штатах и за рубежом. Он возглавляет «Амбассадор-колледж» в Пасадене, близ Лос-Анджелеса, в котором 700 молодых людей готовятся стать священниками. Он руководит также аналогичным институтом в Биг-Санди в Техасе, в котором воспитываются еще 700 будущих проповедников. И, наконец, он вместе со своим отцом Гербертом Армстронгом возглавляет одну из многочисленных церквей страны, которая именует себя «божьей».

Город Пасадена, из которого в свое время некий молодой человек направился в расположенный неподалеку Лос-Анджелес, чтобы в кухне одного из отелей застрелить кандидата на пост президента Роберта Кеннеди, служит Армстронгу базой для индустрии религии, основанной, как это часто практикуется в Америке, на принципе частной собственности. Его официальная резиденция представляет комплекс зданий стоимостью во много миллионов долларов, причем планируются новые постройки. Ничего не поделаешь: чтобы сохранять конкурентоспособность, приходится идти в ногу со временем. Конкуренты не дремлют.

И молодой Армстронг идет в ногу со временем. Он говорит на языке, понятном для народа, он говорит то, что народ хочет услышать. Он ведет речь о бедственном положении городов и упадке морали из-за того, что люди отреклись от бога. Он говорит о многих практических вопросах, и это дает результаты: он уже помог учредить

167 приходов своей церкви, которая насчитывает теперь 55 тысяч прихожан и 400 проповедников.

«Мир завтра» — так называются программы, с которыми он выступает по радио и телевидению. На эту тему можно нарисовать заманчивые картины, можно разбудить у людей страстные устремления к лучшему, можно противопоставить этим устремлениям жестокую действительность и указать выход, очень простой выход, доступный каждому: каждый может приобщиться к вере, проповедуемой его церковью, и обрести счастье. По счастливому лицу Армстронга на экране телевизора можно понять, что он счастлив. Даже его голос по радио источает удовлетворение и уверенность, ибо «вера» надежно защищает его от всех превратностей судьбы.

Студенты «Амбассадор-колледжа» тоже счастливы. В противоположность учащимся других колледжей в Пасадене и Лос-Анджелесе они не носят длинных волос, следят за своей внешностью, они выглядят идеалами молодежи Америки 50-х годов. Опрятные, вежливые, счастливые, они как бы являют пример того, чем станет Америка, если только вся она приобщится к «божьей церкви». Все снова будет хорошо, все проблемы решатся совсем просто, нужно только приобщиться к этой церкви, оказывать ей всяческое содействие и помогать пожертвованиями.

Пожертвования имеют важное значение. Ведь распространение «настоящей веры» стоит денег, дымовая труба должна дымить, поход в поддержку церкви обходится дорого. Из своей резиденции в Пасадене, некоторые здания которой принадлежали в прошлом оружейному заводу, Гарнер Тэд Армстронг руководит аппаратом, поглощающим 35 миллионов долларов в год. Да ведь и он сам, в конце концов, тоже должен жить, не может же он бедствовать. Поэтому он определил себе кругленькое жалованье, равное жалованью преуспевающего менеджера, да он и есть, в конце концов, преуспевающий

менеджер, не имеет смысла зарывать свои таланты в землю.

Собственно говоря, Гарнер Тэд Армстронг собирался стать певцом, но потом ему надоела связанная с этим суэта, он услышал «зов свыше». К тому же нужен был преемник его отцу, который получил «откровение свыше» еще в 1934 году и уже стал стар. Церкви требовался новый человек, так же как время от времени бывает необходим новый человек любому предприятию, притом человек динамичный, при котором церковь могла бы занять достойное место в стремительно изменяющемся мире. Гарнер Тэд Армстронг был именно таким человеком.

Ныне он один из самых преуспевающих проповедников в Соединенных Штатах. Он обеспечил себе успех в стране практических людей благодаря умению особенно убедительно говорить о возвращении Иисуса Христа на землю. Иисус Христос сойдет на землю в Иерусалиме, говорит Армстронг, именно в Иерусалиме, где руководимый Гарнером Тэдом Армстронгом «Амбассадор-колледж» в сотрудничестве с Еврейским университетом уже учредил свой филиал: ведь нужно быть готовыми к пришествию бога, и когда он придет, подтвердится то, что Гарнер Тэд Армстронг проповедует уже на протяжении многих лет, а именно, что избранный народ — это англо-американцы, сыны Эфраима.

Америка — «свободная страна», и если человек имеет там право учредить какое-либо предприятие, значит он имеет право основать и церковь. Любой может провозгласить себя епископом и уклониться от уплаты налогов. Кто хочет — может за 10 долларов приобрести диплом доктора теологии и начать практику. Всегда можно найти новый религиозный трюк, получить «откровение свыше», во всяком случае можно попытаться это сделать. Многие уже предпринимали такие попытки и не раскаивались.

В Америке насчитываются сотни шарлатанов, для ко-

торых самое главное — сбор пожертвований, а также сотни епископов, которым важнее всего — готовность их приходов жертвовать средства.

Не только Гарнер Тэд Армстронг выступает с проповедями по частным радиостанциям, предоставляющим время для выступления любому, кто в состоянии заплатить надлежащую цену. Во всех частях страны есть проповедники, выступающие по радио, и большинство из них это просто-напросто шарлатаны, краснобаи и мошенники.

— К тебе взывает сам бог, и он говорит, чтобы ты немедленно прислал мне свое пожертвование,— заявляет такой проповедник и для верности несколько раз повторяет свой адрес.

И многие шлют пожертвования: ведь кто знает, может быть странное волнение, испытываемое при словах красная, и есть призыв всевышнего к жертвованию. Бог творит иногда странные вещи, не надо его искушать, а проповедник по радио угрожает, угрожает совершенно открыто. Он говорит, что того, кто не внемлет его словам, ждут огонь и вечные муки ада; вечное же блаженство снизойдет на того, кто его услышит и поддержит денежными жертвованиями в борьбе за истинную веру.

Пожертвования на церкви в Соединенных Штатах составляют 10 миллиардов долларов в год. Основная часть этой суммы идет, конечно, признанным церквям — баптистской и методистской, епископальной и лютеранской, пресвитерианской и католической. Состояние американских церквей оценивается в 70—100 миллиардов долларов; церкви не платят налогов. Кто хочет, тот может считать религию бизнесом, и многие этого хотят.

Ни в одной другой стране в мире так явно не спекулируют на тяге человека к вере, на его готовности к жертвам и на страхе перед непостижимым.

В этой верующей стране все возможно. Там есть церкви для гомосексуалистов, в которых священник-гомосексуалист совершает обряд венчания; есть церкви в Лас-

Вегасе и Рино в штате Невада, где услышавшие «зов свыше» за несколько долларов совершают скоропалительный обряд венчания; благочестивые слова льются у них без всяких усилий; музыка входит в эту же цену, но за цветы нужно платить отдельно.

Имеются церкви розенкрейцеров. Их главная контора находится на юге Калифорнии, «чудесные исцеления» совершаются ими по почте и посредством телепатии. Есть в Америке секта «Сока гаккай», которая утверждает, что на нее оказал влияние буддизм. Только в горах вокруг Голливуда насчитываются дюжины всякого рода сект. Нет на земном шаре такого религиозного течения, которое не было бы представлено в Америке, но помимо этого имеется еще множество местных верований, потому что этой стране все время необходимо что-то новое во всех областях, в том числе и в области религии. Ведь все преходяще, в том числе оккультизм, и он — в особенности. В 20-е годы страну захлестнула волна оккультизма. Это было нечто новое, а новое всегда притягивает. Затем эта волна схлынула. Правда, полностью она никогда не исчезала, всегда были практикующие ведьмы; добрые и злые, у них всегда были свои сторонники. Но сейчас на Америку обрушилась новая и более мощная волна оккультизма, и привела ее в движение молодежь в нью-йоркском Гринвич-Виллидже, на Сансет-бульваре в Голливуде и во многих других городах.

Дом на одной из улиц по соседству с Сансет-бульваром невзрачен и не идет ни в какое сравнение с домом напротив, где неоновые лампы освещают внушительный фасад и витрины с выставленной на них порнографической литературой. Однако молодые люди, которые сворачивают с Сансет-бульвара на эту боковую улицу, идут не в порнографическую лавку, они почти не глядят на ее витрины, они направляются в неприметный дом напротив, запущенный, грязный, с плохо освещенной лестницей.

На первом этаже уже собралось много молодых людей, длинноволосых, в джинсах. Они останавливаются перед символами оккультизма — черепами, чудодейственными травами, заспиртованным эмбрионом. А потом они направляются к кассе и далее на сеанс. На хозяине этого заведения длинное черное одеяние, его помощники тоже облачены во все черное. Гаснет свет, молодые люди рассаживаются вокруг, берутся за руки и начинают петь. В своей песне они молят о появлении духа. Затем вновь воцаряется полная тишина, мертвая тишина в непроглядной ночи, и вдруг вскрикивает какая-то девушка: может быть, это был дух?

Это длится многие часы, и так изо дня в день. Заведение на улице по соседству с Сансет-бульваром процветает. Сегодня здесь побывало больше молодых людей, чем вчера, а завтра их будет больше, чем сегодня. Завтра они приведут сюда своих друзей, в этом есть что-то новое, а новое всегда привлекает.

«Церковь сатаны» не нова, но с 1969 года к ней пришло больше людей, чем когда-либо раньше. Центр ее находится в одном из фешенебельных домов на одной из фешенебельных улиц Сан-Франциско; филиалы ее разбросаны по всей стране. Она еще намного расширит свои масштабы, ибо Антон Шандор Лавей, некогда полицейский фотограф, ловкий человек.

У него лысая голова, суровые глаза и черная борода, ведь он — служитель сатаны. Он выглядит демонически и любит окружать себя черепами. Когда он возносит молитву к сатане, алтарем ему служит голая девушка, а верующие восклицают «Слава сатане!». Проповедник желает верующим, чтобы их ненависть и сладострастие нашли достойное воплощение. На стене висит изображение сатаны с козлиной головой и женским бюстом, висят также изображения чертей с крыльями ангелов, множество черепов. Эта секта поклоняется сатане как воплощению мудрости. Но никаких оргий здесь не бывает, они

происходят в другой церкви — в церкви люциферан. Она находится в Пасадене, именно в Пасадене, неподалеку от большого комплекса, из которого Гарнер Тэд Армстронг распространяет свое учение об англо-американцах как избранном народе.

Обряд крещения молодых последователей сатаны совершает сам Шандор Лавей. Они подходят креститься голые, и он касается кончиком меча их головы, груди, живота и паха. Присутствующие извергают радостный вопль. Затем каждый вновь крещенный обязан заплатить 20 долларов.

Оккультизм и сатанизм, столь же характерные для Америки явления, как и проповедники, которые выступают по радио и торгуют богом так, как торговали бы холодильниками. Американский журнал «Тайм» писал о массовом распространении оккультизма в стране, а Ассоциация церквей упоминала о 400 религиозных союзах, созданных не на основе веры в бога, а просто на почве тяги к чему-то новому. Это явно заниженная цифра, но независимо от того, идет ли речь о 400 или о 1000 объединений, их главарей связывает одно стремление — заработать доллары на «новообращенных».

Анализируя нынешний хаос в области религии в Америке, одни считают его просто отражением того беспорядка, который охватил общество в целом; другие полагают, что к массовому бегству в секты привело разочарование многих американцев недостаточным авторитетом традиционной церкви; третьи усматривают в религиозном экстремизме запоздалую реакцию на безмерную суровость пуритан, которые когда-то серьезно, твердо и с ожесточенной набожностью вершили дела Америки.

В конце концов американскую безумную религиозную систему ждет такая же участь, какая постигла многое другое в этой стране. Ей придется расплачиваться за то, что старые церкви в стране никогда не были общими для белых и черных, и здесь всегда была сегрегация, что всег-

да был один бог для белых и другой — для черных, что были одни церкви для богатых и другие — для простого народа.

Бог покровительствовал всем им, как покровительствовал он и Губерту Итону, и денежным воротилам на радиостанциях, и самозванному генералу Джозефу Смитту в его роскошной голубой военной форме. Бог слишком часто оказывал содействие сомнительным начинаниям, он помогал загребать деньги, а иногда даже играл роль шантажиста. Он стал ходким товаром всех размеров и видов, товаром, который предлагается во все более смелых вариантах. По крайней мере, с ним можно попытаться счастья.

...Уильям Франклин Грэхэм считается во всем мире своего рода «знаком качества» американской религии. Это самый популярный в Соединенных Штатах проповедник, даже сам Гарнер Тэд Армстронг несколько отстает от Билли Грэхэма.

Грэхэм борется за добро. Сегодня он выступает с проповедью в Мэдисон-сквер-гарден в Нью-Йорке, где только вчера гастролировал цирк. В воздухе еще чувствуется запах зверинца. Огромный зал полон, в нем собралось 20 тысяч человек, главным образом женщины. Большинство присутствующих составляют активные церковные деятели откуда-нибудь из Манхэттена, других районов города или предместий. Их доставили сюда на автобусах.

Ассоциация богатых коммерсантов Нью-Йорка поддерживает эту кампанию Грэхэма и финансирует ее, но группа пасторов бойкотирует ее. Вокруг Грэхэма ведутся споры. Одни называют его фразером, простаком, другие считают человеком одаренным, одним из немногих, кто действительно умеет разговаривать с народом.

Тем не менее низшие слои народа не представлены в Мэдисон-сквер-гарден. Здесь присутствуют в основном средние слои; почти совсем нет негров.

С точностью до минуты начинает петь хор в две тысячи голосов. «Крестовый поход», ради которого Грэхэм и его многочисленный штаб приехали в город, будет образцом организованности и предусмотрительности. «Евангелическая ассоциация» Билли Грэхэма, насчитывающая 300 постоянных служащих, подготовила нью-йоркский «крестовый поход» совместно с христианами из различных евангелических церквей города.

Резиденция ассоциации находится в Миннеаполисе. Она не только организует «крестовые походы» с точностью, которой могла бы позавидовать какая-нибудь прусская счетная палата, не только применяет электронно-вычислительную машину, которая содержит в полном порядке списки, насчитывающие более 3 миллионов адресов, но и представляет собой обширное предприятие по распространению радиопрограммы Грэхэма под названием «Час решения», которую передают 900 радиостанций во все уголки земного шара. Под таким же названием «Час решения» подготавливаются и телевизионные программы во время «крестовых походов» Грэхэма. Затем они демонстрируются во всех частях страны по вечерам в самое дорогооплачиваемое время, более чем за 5 миллионов долларов.

Аппарат Грэхэма издает на пяти языках журнал «Дисижн», который насчитывает 3,5 миллиона подписчиков, готовит к выпуску новые издания, на это ежегодно тратится 2 миллиона долларов. Существует также «Грейсон компани», которая продает книги Грэхэма, брошюры, грампластинки и имеет оборот около 300 тысяч долларов в год.

В Бербанке (штат Калифорния) находится филиал этого предприятия, в Миннеаполисе — кинокомпания «Уорлд уайд пикчурс корпорейшн», которая выпустила свыше 100 кинолент драматико-религиозного содержания. Каждые 35 минут где-нибудь на земном шаре демонстрируется один из фильмов Билли Грэхэма.

Расходы коммерческой организации Грэхэма составляют в год около 16 миллионов долларов, но баланс благоприятный. Сам Грэхэм получает скромное жалование — 24 тысячи долларов в год, а также гонорары за свои книги, выходящие большими тиражами.

Организация Грэхэма занимается прежде всего «крестовыми походами». Шесть раз в год Грэхэм сам отправляется в путь, чтобы заполнить народом стадионы и огромные залы. Шесть раз в год он обрушивает свое красноречие на потрясенных людей, призывает их к примирению с богом и к обращению в его веру. Помимо того, ежегодно организуется еще около 125 «крестовых походов» меньших масштабов, они проводятся только под именем Грэхэма, но без его непосредственного участия.

Билли Грэхэм — хороший христианин и гражданин. Он не раз ставил христианство на одну доску с капитализмом; сегодня в Мэдисон-сквер гарден он отказывается от этого; может быть, он скажет об этом в следующий раз, когда аудитория покажется более подходящей. Он — верный друг президента Никсона, был верным другом и президента Джонсона, но сегодня он об этом не упоминает — он выступает как христианин, лояльный существующему строю, как консерватор.

Иногда он точно описывает, как выглядит ад: 1600 миль в длину и 1600 миль в ширину. Сегодня он воздерживается от этого, равно как и от стандартного замечания о том, что небо все-таки есть, только оно, может быть, находится где-то за пределами нашей солнечной системы.

Сегодня он говорит о судьбе большого города. Так же, как и Гарнер Тэд Армстронг, он ведет речь об опасностях, подстерегающих прохожего на улицах, о порнографии, о равнодушном отношении к ближнему, об одиночестве в гуще толпы. Он говорит о стремлении каждого человека обрести какую-то точку опоры в нынешнем хаотичном мире, нечто такое, на что можно действительно

но опереться, нечто незыблемое, нечто надежное в этом непрочном, безумном мире.

А затем призыв: приобщитесь к богу, теперь, немедленно, примите решение. Мигают сигнальные лампочки на телевизионных камерах — Грэхэму пора кончать. Он кончил точно в срок, столь же безупречно, как безупречна была вся его проповедь. Пусть же Христос поведет вас по жизни! Обращайтесь со своими заботами к нему!

Хор снова начинает петь, затем новообращенные подходят к трибуне, сначала сотня, потом многие сотни, а в конце концов их уже две тысячи, две тысячи из двадцати, дети, мужчины и главным образом женщины.

У сотрудников Грэхэма нет времени для возвышенных мыслей перед этим множеством людей, аппарат должен функционировать четко, особенно сейчас. Повсюду между обращенными в новую веру стоят «слуги господни» с голубыми значками, чтобы узнать друг друга и по ошибке не записать в число новообращенных. Они занимаются обращенными в новую веру, сигнализируют руками в поисках подходящего консультанта: высоко поднятая правая рука сигнализирует о том, что нужен консультант-мужчина; поднятая левая рука — требуется женщина-консультант; открытая рука — нужен пожилой консультант пожилому новообращенному, поднятый палец означает, что нужен молодой.

Эта сигнализация тоже действует безотказно, здесь все функционирует четко. Записываются адреса, две тысячи адресов, все хорошо организовано. Раздаются брошюры, каждому дается по брошюре Билли Грэхэма.

Все они охвачены, как были охвачены вчерашние новички, а сведения о позавчерашних уже заложены в электронновычислительную машину «Дженерал электрик» № 425 в Миннеаполисе. Аппарат принял их, таким образом, в общину христиан.

Билли Грэхэм одержал новую победу; он всегда одерживает победы, еще с 1939 года, когда был пастором

баптистской общины в маленьком Уэстерн-Спрингсе (штат Иллинойс). С 1949 года он одерживает уже крупные победы. Тогда он помог обратить в новую веру одного гангстера — и это послужило для него хорошей рекламой. С тех пор он стал великим обвинителем свихнувшегося мира и великим провозвестником праведного мира, праведного народа, праведной церкви. Но несмотря на все победы, мир все более сбивается с пути истинного, так же как народ и церковь. Все его победы, одержанные в пылу риторики большого вечера, зачастую улетучиваются уже на следующий день. Лишь немногие из обращенных в его веру сделали это всерьез, кое-кто из священников даже утверждает, что из обращенных Билли Грэхэмом почти никто не остается в лоне церкви.

Он не может считаться спасителем нации, да, даже он. Даже государственная церковь протестантского направления, от имени которой выступает Грэхэм, не в состоянии спасти нацию, охваченную религиозным хаосом; католическая церковь тоже не в состоянии сделать это. Они не борются с шарлатанами, они не в состоянии помешать успеху фанатиков Джозефа Смита из Сиона, которые в последние годы сумели обратить в свою веру больше людей, чем другая церковь, они не в состоянии также помешать учреждению новых сект, которые растут столь же быстро, как анемоны весной, потому что им нечем удовлетворить стремление молодежи к новому.

Два социолога из Калифорнийского университета пришли к выводу, что нигде в американском обществе белых нет таких сильных предрассудков против черных сограждан, как среди верующих. После проведенного исследования социологи констатировали, что нынешняя американская церковь белых столкнулась с серьезными трудностями из-за того, в частности, что она не хочет ничего знать о бедственном положении негров, равно как и евреев, ибо масштабы антисемитских настроений в церквях белых не меньше, чем антинегритянских.

Он стоял на обочине дороги неподалеку от аэропорта Сиэтла, подняв руку и с нескрываемой мольбой в глазах всматриваясь в непрерывный поток автомобилей. Он был молод, не больше 17—18 лет. Холодный дождь, уже много часов подряд ливший из низко нависших туч, промочил его буквально до костей. На юноше не было ни пальто, ни головного убора, мокрые длинные волосы прилипли ко лбу. Когда, наконец, кто-то, сжавшись, остановил автомобиль и юноша залез в кабину, у него едва хватило сил промолвить:

— Как можно дальше на север.

Юноша прибыл из Калифорнии и спешил в Канаду: сначала в Ванкувер, где он надеялся встретить друзей, а затем дальше, в любое место в Канаде, лишь бы поскорее выбраться из Америки. Он был дезертир.

В Калифорнии его, наверно, уже искали. Он знал, куда бы его упрятали, если бы поймали,— в лагерь Пендлтон, где дезертиров избивают, пытаются, где над ними издеваются и при этом требуют выкрикивать патриотические лозунги, где их заставляют по семь тысяч раз повторять упражнение «упор лежа» и снова бьют, если они не в состоянии сделать это и теряют сознание.

Но его не поймают. До границы уже недалеко, завтра он будет в Канаде, а не в Индокитае, куда его собирались отправить. Правда, он станет человеком без родины, но зато хоть избежит участия в войне, которую ненавидит.

Он, разумеется, не против всякой войны. Свою родину он защищал бы, но разве это нужно делать в Индокитае? Пока его страна ведет там войну, он лучше уедет из Америки, чтобы не быть причастным к несправедливости, которую творит американское правительство. Он решил поступить так, как уже многие до него. В Канаде на-

ходятся тысячи молодых американцев, бежавших из США, чтобы не надевать военную форму и не участвовать в несправедливой войне.

Люди в военной форме совершили слишком много преступлений. Конечно, они выполняли приказ. Но разве победители во второй мировой войне не заявили категорически на процессах военных преступников в Нюрнберге, что преступление не может быть оправдано никаким приказом? Разве немцы не сидели в тюрьмах и не карались смертной казнью за то, что творили преступления, хотя и по приказу?

Юноша, спешивший к канадской границе, не желал участвовать в преступлениях. Он не хотел, чтобы с ним случилось то же, что и с сержантом Уильямсом. Уильямс, который проходил службу в военной тюрьме, получил приказ заставить «подтянуться» пять «недисциплинированных» солдат. Приказ есть приказ, а он не привык задумываться над смыслом приказов. В результате сержант измордовал провинившихся до потери сознания. Позднее он был привлечен за это к суду военного трибунала, но судьи оправдали его, поскольку он «действовал по приказу».

Так обстоит дело с моралью и правом в американской армии. Между прочим, все это случилось в Дахау, неподалеку от бывшего немецкого концентрационного лагеря, где людей по приказу избивали и умерщвляли.

Когда юноша вышел из машины, дождь все еще нещадно хлестал, но теперь до канадской границы было уже рукой подать. Он снова стоял на дороге, пальцем показывая водителям проходящих автомобилей в сторону Канады; одним американским солдатом стало меньше.

Более 160 тысяч американских солдат покидают ежегодно без разрешения свои части, более 70 тысяч дезертируют. Каждые три минуты один солдат принимает решение бежать от казарменной муштры, каждые десять минут один солдат решает раз и навсегда сбросить воен-

ную форму и дезертировать. Число тех, кто скрывается, хотя бы временно, соответствует численности десяти боевых дивизий, а число тех, кто вообще не хочет больше служить в американской армии, равно численности трех с половиной дивизий.

Молодых людей, уклоняющихся от военной службы, становится все больше. В 1967 году уходили самовольно из своих частей 134 668 солдат, в 1968 году — 155 536, в 1969 году — 162 632, а в 1970 году, как полагали в министерстве обороны в Вашингтоне, был установлен новый рекорд.

В 1967 году дезертировали 40 227 американских солдат, в 1968 году — 53 357, в 1969 году — 73 623, то есть целая армия, превышающая по численности вооруженные силы некоторых стран. В 1970 году это число было значительно превышено.

Растет также число офицеров, увольняющихся из армии. В настоящее время оно составляет около 2500 в год в сухопутных силах, примерно 6000 — в военно-воздушных силах и 2100 — в военно-морском флоте. Пентагон обеспокоен, так как во всех трех видах вооруженных сил ощущается нехватка офицерского состава.

Постоянный рост числа самовольно покидающих свои части и дезертиров, а также увеличение числа увольняющихся из армии офицеров связаны между собой, ибо разочарованность офицеров отражает ухудшение морального состояния войск. Там, где раньше царила строгая дисциплина, офицеры американских вооруженных сил теперь все чаще сталкиваются с непослушанием, духом противоречия, организованным сопротивлением. В вооруженных силах Соединенных Штатов находит отражение кризис, который охватил гражданское население Америки. Болезни народа поразили и его вооруженные силы, и в первую очередь — это напряженность в отношениях между расами.

В Гейдельберге (Западная Германия) летом 1970 го-

да собралось на митинг несколько сот чернокожих американских солдат; они пели свои негритянские песни, требовали бóльших прав для негров в вооруженных силах и на родине, обвиняли белых американцев в расизме. С удивлением наблюдали все это немецкие телезрители; они были поражены тем, что такое возможно в вооруженных силах, и задавались вопросом: боеспособна ли армия, раздираемая подобными конфликтами?

Однако собрание солдат в Гейдельберге и драки между белыми и черными американскими солдатами в барах Ханау и Фридберга, Кайзерслаутерна и Мюнхена — это лишь верхушка айсберга, точные размеры которого установить невозможно. Ибо где бы в мире ни размещались американские войска, повсюду в них происходит брожение, вспыхивают драки, а порой настоящие бунты.

В армейском учебном лагере Кемп-Леджон, на юге штата Северная Каролина, находятся 33 тысячи солдат, примерно 4 тысячи из них — черные. Огромный учебный лагерь на берегу Атлантического океана принадлежит корпусу морской пехоты, которая издавна считалась элитой вооруженных сил США. Морская пехота гордилась своей историей, в ней всегда царил дух войскового товарищества.

Но теперь это самое войсковое товарищество полетело ко всем чертям. Кемп-Леджон бурлит, как другие учебные лагеря и базы морской пехоты. Роковой расовый конфликт захватил и морскую пехоту; уже были и первые убитые. Командование учебного лагеря вынуждено было усилить и снабдить боевыми патронами военную полицию, которая прежде несла патрульную службу, имея при себе лишь холостые заряды. Было улучшено наружное освещение в лагере. Командование обратилось к полиции расположенного неподалеку Джэксонвилла с просьбой также усилить наряды. Офицеры снова и снова призывают к чувству войскового товарищества, но эти призывы не помогают. Бурление в лагере продолжается, бе-

лые и черные морские пехотинцы не скрывают взаимной ненависти.

В 1-м батальоне 6-го полка морской пехоты долго и подспудно накапливавшаяся взаимная вражда вылилась в кровавую стычку. Группы белых и черных солдат фактически без всякого повода стали избивать друг друга кулаками, ногами, металлическими цепями. В драке был убит белый капрал Эдвард Бэнкстон, которому исполнился всего 21 год. Похоронили его на родине, в маленьком городке в штате Миссисипи, а родители получили по традиции флаг, которым был покрыт его гроб.

Многие участники стычки в Кемп-Леджоне были ранены. Чтобы этот кровавый инцидент не получил чересчур широкой огласки, поскольку в лагерь вдруг понаехало множество журналистов, солдат 1-го батальона срочно погрузили на корабли и отправили на учения в далекое Средиземное море. Однако как ни старалось командование лагеря изобразить случившееся в виде «достойного сожаления мелкого случая», журналисты увидели и услышали достаточно много, и морская пехота была в очередной раз посрамлена.

...Во второй половине дня, с окончанием занятий в лагере, поток автомобилей устремляется в Джэксонвилл. Этот унылый городишко оживает только по вечерам, когда его улицы заливают свет неоновых реклам. Жители Джэксонвилла давно поняли, каким должен быть гарнизонный город.

От Кемп-Леджона до Джэксонвилла обычно ходят рейсовые автобусы, но с некоторых пор компания, которой они принадлежат, испытывает трудности с водителями. Дело в том, что в этих автобусах систематически происходят жестокие, кровопролитные драки между морскими пехотинцами, и шоферы, опасаясь за собственную жизнь, отказываются работать на этой линии.

В отличие от большинства автострад в Америке, на дороге между лагерем и Джэксонвиллом никто не пользует-

ется попутными машинами. Всякому прибывающему в Кемп-Леджон настоятельно рекомендуют никогда не останавливать проходящие автомобили и самим не брать «голосующих» во избежание драк и ограблений.

В Джэксонвилле негры отправляются в свои пивные бары, белые — в свои. Есть бары, куда просто не пускают солдат с разным цветом кожи, но и в общих питейных заведениях белые морские пехотинцы сидят отдельно от черных. Когда же они встречаются взглядами, то видят нескрываемую ненависть, а если и говорят друг с другом, то отнюдь не обмениваются любезностями.

В барах Джэксонвилла продают только пиво, притом слабое, ибо невозможно представить себе, что было бы, если бы продавали спиртные напитки. Ведь даже холодное слабое пиво способно подогреть воинственность морских пехотинцев.

Повсюду патрулируют наряды военной полиции, местные полицейские и детективы, ибо каждую минуту в любом из баров может вспыхнуть жестокая драка.

И не только в Джэксонвилле, но и в самом лагере. На территории Кемп-Леджона по вечерам так же небезопасно, как и на улицах больших городов. В лагере есть клубы, которые командование серьезно намеревалось закрыть, поскольку там постоянно происходили драки. Есть в Кемп-Леджоне и казармы, где почти все их обитатели, ложась спать, кладут рядом с собой холодное оружие, ибо в любую ночь может начаться побоище, как это уже часто бывало.

Под развевающимися в Кемп-Леджоне звездными флагами бродит страшная ненависть. Она взаимна — как у белых, так и у черных. Еще до того, как черные однополчане убили в драке белого капрала Бэнкстона, белые солдаты смертельно ранили черного Джеймса Бёрда. Однако газеты не сообщили об этом: даже в смерти морские пехотинцы не равны.

Среди унтер-офицеров черные представлены далеко не

пропорционально их общему числу, а об офицерском корпусе и говорить нечего. Лишь в одном черные морские пехотинцы превзошли белых в процентном отношении — в числе погибших во Вьетнаме. Морская пехота, говорят негры, — расистская организация, она не дает черным никаких шансов.

Нет фактически ни одного крупного военного учебного лагеря в самих Соединенных Штатах и, пожалуй, ни одной американской базы за границей, где бы ни происходили стычки на расовой основе. Согласно сообщениям, которые министерство обороны США, собственно, хотело скрыть от общественности, но которые все же увидели свет, более или менее серьезные инциденты имели место в учебных лагерях в Форт-Бельвуаре, Форт-Карсоне, Форт-Диксе, Форт-Гордоне, Форт-Гуде, Форт-Джэксоне, Форт-Ноксе, Форт-Ли, Форт-Шеридане и Форт-Силле.

В Форт-Брагге, находящемся, как и Кемп-Леджон, в штате Северная Каролина, взаимная вражда белых и черных солдат вылилась в массовое побоище, и военной полиции с большим трудом удалось разнять дерущихся после того, как несколько десятков человек было ранено, причем некоторые тяжело. Однако драка не разрядила напряженную обстановку в Форт-Брагге, и каждый день можно ожидать нового взрыва.

На острове Окинава, крупнейшей заокеанской базе американских вооруженных сил, где размещено 55 тысяч военнослужащих, все время идет скрытая война. Здесь белые и черные настроены друг против друга еще более воинственно, чем где бы то ни было. 6 тысяч черных господствуют в квартале базы, который они называют «буш», а себя они именуют «бушмейстеры» — по названию ядовитой змеи. Командование базы решительно советовало белым не появляться в «буше». Собственно, такой совет излишен; и без того ни один белый не отважится пойти в «буш», равно как черные не смеют появляться там, где хозяйничают белые.

Во Вьетнаме, по мере того как затягивается безнадежная для США война, вспыхивают все более серьезные конфликты между белыми и черными солдатами. Правда, пока они находятся в бою и зависят друг от друга, пока их связывает стремление выжить, они держатся вместе. Но когда солдат отводят в тыл для отдыха и пополнения, когда они снова становятся лишь белыми и черными, то вместе с окружающей обстановкой меняются их мораль и взаимоотношения. В тылу они курят марихуану и делают себе инъекции наркотиков. По оценкам специалистов, в конце 1970 года каждый второй американский солдат во Вьетнаме по крайней мере периодически принимал наркотики.

Американские вооруженные силы, причем все их виды, несомненно, переживают беспрецедентный кризис. Этот кризис принял такие масштабы, что чиновник ЦРУ, возвратившийся в Вашингтон после расследования одного из расовых конфликтов в войсках во Вьетнаме, со смущением признал, что нового наступления противника он опасается гораздо меньше, чем морального краха американских вооруженных сил.

Вообще люди, следящие за расовыми конфликтами в вооруженных силах, весьма неразговорчивы. Когда у них есть возможность, они препятствуют публикации сообщений о волнениях в учебных лагерях. Если такой возможности нет, они стараются хотя бы приуменьшить их масштабы, а если и это не удастся, то говорят о «достойном сожаления исключительном случае». В особенности это относится к Кемп-Леджону, где в течение одного года произошло равным счетом 300 серьезных инцидентов.

Можно предположить, что лагерь отборных войск Кемп-Леджон с такой позорной цифрой стоит на первом месте среди всех учебных лагерей в Соединенных Штатах, и этому есть объяснение: характерными чертами морской пехоты, которые ей прививают, являются жестокость, беспощадность, грубая сила.

Морских пехотинцев обучают на острове Паррис. Здесь, как выражаются с усмешкой муштрующие их сержанты, «из детей делают мужчин», здесь их «воспитывают».

Они прибывают ночью, молодые люди — добровольцы и призывники; несколько лет тому назад морская пехота была вынуждена, к своему сожалению, начать пополнять свои ряды также за счет призывников. Невероятно уставшие, полусонные, они, спотыкаясь, выходят из автобусов, так как день был очень долгим, а дорога на Паррис утомительна. Им хочется спать, но спать они не будут, потому что перед автобусами уже стоят сержанты-инструкторы, блестящие в своей внушительной форме с широкополыми шляпами, орденскими планками, со злой усмешкой на губах. Сержанты набрасываются на растерянных юношей, орут на них, загоняя в барак, перед которым остановились автобусы.

Некоторые из вновь прибывших никак не могут понять, что с ними происходит, но они еще поймут это, а пока сержанты хриплыми голосами отдают команды, подобно диким зверям, набрасываются на молодых «штафинок». Нескольких юношей, вызвавших почему-то неприязнь, сержанты уже успели избить. Они изрыгают грубые оскорбления, обзывают новичков гомосексуалистами, белоручками. В немом оцепенении замерли юноши перед длинными столами в бараке, куда их согнали; они не смеют дышать, так как ни один мускул не должен дрогнуть, когда морской пехотинец стоит по стойке «смирно», и только сердце стучит.

На белых стенах барака развешаны патриотические лозунги, патриотические картины, патриотическая символика. На острове Паррис молодым людям будут прививать патриотизм в больших дозах. Они будут учить, в частности, молитву для американских вооруженных сил, которая звучит так: «Боже, ты всемогущ, имя твое превыше всех имен на небесах и на земле. Ниспошли свое бла-

гословение вооруженным силам нашей страны. Помогай им на земле, на море и в воздухе, дабы они служили надежной защитой своему отечеству. В мирные дни огради их от всяческого зла, а в день начала войны придай им мужества, чтобы они могли отстоять американское наследие от посягательств тех, кто хочет отнять у нашего народа право на самостоятельность, и чтобы они в конце концов сохранили благословение божье».

Они будут без конца твердить также завет «Мое оружие»: «Это — мое оружие. Оружия много, но это мое. Мое оружие — мой лучший друг. В нем моя жизнь. Я должен владеть им, как своей жизнью. Без меня мое оружие бесполезно, без оружия бесполезен я. Я должен метко стрелять из своего оружия. Я должен стрелять лучше, чем мой враг, который хочет убить меня. Я должен убить своего врага раньше, чем он убьет меня, и я это сделаю.

Мое оружие и я знаем, что главное в войне. Это не число произведенных выстрелов, не их звук, не дымок, образующийся во время выстрела. Мы знаем, что засчитываются лишь попадания в цель, и мы не промахнемся.

Мое оружие столь же одушевленно, как и я, ибо в нем моя жизнь. Поэтому я буду относиться к своему оружию, как к брату. Я изучу его слабые и сильные стороны, его детали и принадлежности, прицельное устройство и ствол. Я буду содержать свое оружие в чистоте и готовности к бою, равно как я сам буду всегда опрятным и боеспособным. Мы будем неразрывно связаны друг с другом.

Клянусь: мое оружие и я — защитники своей страны. Мы — победители нашего врага. Мы — спасители всего живого. Да будет так, пока Америка не победит, пока не останется больше врагов и не наступит мир».

Но патриотизм придет к юношам, выстроившимся перед длинными столами, позднее, во время учебы, а не этой ночью, когда им не разрешают спать. Сейчас они должны опорожнить свои карманы, выложить все на стол,

притом побыстрее, ничего не должно остаться в карманах; здесь нет секретов, ничего личного и интимного. Вот один уже заплакал, хочет обратно, к маме.

— Мы выьем это из тебя, здесь ты станешь человеком, мешок с дерьмом,— кричит кто-то из инструкторов.

Надо упаковать личные вещи.

— Быстрее, мы вас научим настоящей быстроте.

Дрожащими руками юноши поспешно засовывают свои вещи в мешки. В их глазах панический страх; только бы не обратить на себя внимание, только бы не оказаться последним.

Боже, что они делают с последним!?

Личные вещи, за исключением самой малости, отправляются домой, так как морской пехотинец не должен иметь ничего личного, он становится новым человеком, совсем новым — и внутренне и внешне.

В первую очередь, конечно, внешне, а поэтому — в душ. Юноши раздеваются, дрожа от страха; у некоторых из них такой вид, словно они ничего не понимают, другие растерянно оглядываются, как будто ожидая, что сейчас кто-то придет и прекратит этот страшный сон. Но никто не приходит, дурной сон продолжается, становясь все страшнее.

После душа начинается построение, новобранцы должны встать так, чтобы нос стоящего сзади касался затылка стоящего впереди; они должны привыкнуть к мысли о том, что составляют единое целое, что здесь нет индивидуумов, что все они рекруты самого главного рода войск в Соединенных Штатах, и должны этим гордиться.

Уже давно перевалило за полночь, юноши еле держатся на ногах от усталости. Но они не должны показывать это, кругом сержанты, и только бы не шевелиться, даже глаза должны оставаться неподвижными, не надо смотреть на сержантов, только сердце может биться, когда морские пехотинцы стоят по стойке «смирно».

Их стригут наголо. Это длится всего несколько секунд, но ночь у них будет еще долгой. Их оденут, а до этого они целую вечность будут стоять с вытянутыми вперед руками, показывая проверяющим сержантам отдельные предметы полученного обмундирования; и горе тому, у кого задрожат руки, горе тому, кто поднимет глаза на сержанта. Все более хриплыми становятся голоса орущих сержантов, некоторые из них уже сорвали голос и могут говорить только шепотом, но их шепот так же опасен, как и крик, он полон угрозы и презрения и сулит беду.

Затем юношей фотографируют, регистрируют, на тыльной стороне кисти руки толстым чернильным карандашом пишут номер взвода: эти недотепы, чего доброго, могут забыть его.

На новичков орут всю ночь, им не дают ни минуты покоя, они не должны спать, их следует привести в состояние шока, они должны понять, где находятся.

Наутро, уже облаченные в рабочее обмундирование, с глубоко запавшими глазами, вконец обессиленные, они стоят перед столами, на которых лежат набитые разным снаряжением вещевые мешки; у некоторых глаза закрыты, кое-кто покачивается, другие выглядят так, словно вот-вот упадут в обморок. Но за спиной они ощущают горячее дыхание вездесущих сержантов, которые как собаки набрасываются на любого, кто позволит себе даже высморкаться.

Теперь начинается «знакомство», рекрутов принимают их сержанты-инструкторы. Собственно, только сейчас начинается самое ужасное; долгая, мучительная, с непрерывной бранью ночь была спокойной по сравнению со «знакомством».

На улице перед бараком стоят сержанты-инструкторы. Они улыбаются, глядя друг на друга в предвкушении развлечения; для них прибытие новичков всегда развлечение. Вот из приемного барака появляются рекруты, и

начинается кошмар. Встреченные новым потоком брани, юноши шатаются под тяжестью вещевых мешков. Раздаются крики:

— Быстрее, быстрее, еще быстрее!

Кто-то падает, как коршуны набрасываются на него сержанты.

Начинается марш бегом; окруженные орущими сержантами, рекруты должны оттащить свои вещевые мешки в казармы. Уже через несколько метров строй ломается, превращаясь в охваченную паникой толпу; все громче орут, все больше свирепеют сержанты. Несколько рекрутов уже лежат на земле, они обессилели, они действительно не могут идти дальше; из их ртов вырывается пена, они тяжело дышат, взгляд становится безжизненным, лица белеют. Но тут подбегают сержанты и безжалостно бьют ногами лежащего юношу; он с трудом поднимается и, шатаясь, бредет дальше, волоча за собой вещевой мешок. Однако он обязан нести мешок, он поднимает его, но под тяжестью валится снова.

— Быстрее, быстрее! Еще быстрее! — орут, подгоняя, сержанты.

Так будет продолжаться на острове Паррис восемь недель, здесь из рекрутов сделают «мужчин» и «патриотов».

Даже когда рекрутам будет казаться, что хуже не бывает, будет все-таки еще хуже. Если они почувствуют, что у них нет больше сил, рядом появится беспощадный сержант, который не даст спуску. А если кто-либо действительно не выдержит, он пожалеет об этом, так как его пошлют в штрафную роту, где он узнает, что такое ад. Днем и ночью его будут заставлять делать форсированные марши, его будут обрабатывать, ему запретят смотреть на звездные флаги, развевающиеся над лагерем, его будут мучить, унижать и снова мучить.

Они станут мужественными и жестокими, эти новобранцы. А возможно, и падут духом. Такие дезертируют

по ночам или же оказываются у гарнизонного психиатра или в госпитале. Некоторые кончают жизнь самоубийством, другие наносят себе тяжелые повреждения, чтобы вырваться из преисподней. Но большинство остается, так как жестокая система на острове Паррис функционирует безотказно.

Восемь недель спустя, когда ужасы Парриса будут уже позади, рекрутов пошлют в Кемп-Леджон, и тогда они поймут, что между режимом на Паррисе и буднями морской пехоты в лагере существует разница, что жестокость оборачивается против них самих, что из братства по оружию, в котором они клялись, ничего не вышло и что войсковое товарищество распалось.

Бесчеловечность на острове Паррис не дает сейчас такого эффекта, как прежде. Даже элита американских вооруженных сил стала подвержена всяким недугам, причем связанным не только с расовым конфликтом. Более 25 тысяч солдат морской пехоты ежегодно покидают самовольно свои части, около 10 тысяч дезертируют. Никогда прежде это не достигало подобных масштабов. Сержанты-инструкторы с острова Паррис скептически покачивают головами, они со злобой говорят о «либералах», которые губят великую страну, о духе неповиновения, который распространяется в лагерях морской пехоты, несмотря на их усилия. Что же стало со школой нации?

Она в опасности. Опасность представляют не только перманентные расовые конфликты в американских вооруженных силах, ослабляющие их боеспособность и внутреннюю спаянность, хотя и они достаточно серьезны и могут подорвать авторитет мировой державы. Последнюю тревожат и промокший до костей юноша, стоявший на обочине дороги у Сиэтла, и другие дезертиры, и те, которые хотя и служат в вооруженных силах, но считают, что, одев на определенное время военную форму, не они выполняют долг перед своей страной, а страна крадет у них это время.

В Форт-Джэксоне (штат Южная Каролина) дело чуть не дошло до бунта. 270 солдат собрались и потребовали от офицеров разъяснить им моральные и правовые аспекты вьетнамской войны, а также основные права американских граждан, в том числе американских солдат. Они распространяли листовки протеста против войны в Индокитае, основали «Объединенную солдатскую организацию против войны во Вьетнаме», приняли участие в демонстрациях, состоявшихся в расположенном неподалеку городе Колумбия, и послали делегацию на массовую демонстрацию в Вашингтон.

В столице солдаты из Форт-Джэксона объединились с единомышленниками из других гарнизонов, в общей сложности их было 400. Они выстроились на Конститьюшн-авеню и колонной под командованием сержанта прошли по улице. Когда они остановились, сержант прокричал;

— Мы хотим, чтобы наши братья возвратились из Вьетнама живыми, а не в полиэтиленовых мешках. Мы хотим также, чтобы их вернули домой немедленно!

— Немедленно! Немедленно! Немедленно! — подхватили четыреста голосов.

Затем демонстранты двинулись дальше, скандируя в ритме марша: «Мир! Мир!». Солдат, шедший во главе колонны, развернул транспарант с надписью «Солдаты за мир!».

Демонстрация в Вашингтоне была не единственной в своем роде, она была лишь самой внушительной перед резиденцией ненавистного правительства. Состоялись и другие, много других, и не было почти ни одной демонстрации, в которой не участвовали бы солдатские делегации. Демонстрации солдат происходили и во Вьетнаме.

В провинции Куангчи солдаты устроили антивоенный митинг в перерыве между боями. В Плейку американские солдаты прошли по улицам города, неся транспаранты и скандируя требования об отправке их на родину.

В Сайгоне солдаты американских вооруженных сил собрались перед кафедральным собором южновьетнамской столицы и потребовали прекращения убийств. Среди солдат распространялись подпольные газеты. Всего в Южном Вьетнаме издается 50 подпольных солдатских газет тиражом более 200 тысяч экземпляров.

Командование вооруженных сил США уже давно не в состоянии справиться с лавиной протестов, равно как не может прекратить массовые столкновения на расовой почве и остановить волну наркомании. Наказать всех, кто «нарушает воинский долг», просто невозможно, хотя военные суды разбирают до 93 тысяч дел в год. Тот, кто подвергается наказанию и попадает в тюрьму, загорается злой жадой мести. Порядки в переполненных военных тюрьмах, в свою очередь, дали новые импульсы борьбе многих молодых американцев против военной администрации, так как тюрьмы представляют собой типичное проявление варварской системы.

И действительно, варварства и садизма в военных тюрьмах более чем достаточно. В одной из тюрем военноморских сил надзиратели подвешивали заключенных к стенам и так избивали их, что они в течение нескольких недель выглядели подобно жертвам тяжелых автомобильных катастроф. В тюрьме в Форт-Диксе арестантов обливали ледяной водой и выгоняли на мороз. В других тюрьмах заключенных заставляли съедать блевотину.

В военной тюрьме в Пресидио (Калифорния) жестокость надзирателей привела к тому, что в течение одного года 52 заключенных пытались покончить жизнь самоубийством. Большинство из них сидело в этой тюрьме за самовольные отлучки из своих частей. Поскольку попытки самоубийства ничего не изменили, заключенные подняли бунт: они уселись в тюремном дворе и потребовали, чтобы явились офицеры, которым они хотели изложить свои жалобы. Все бунтовщики были наказаны, многим из них срок заключения был продлен на несколько лет.

Бунт заключенных произошел также в Порт-Орде, в том же штате Калифорния, где 300 солдат готовы были скорее пойти на риск нового наказания, нежели терпеть и дальше издевательства надзирателей. В Форт-Диксе заключенные подожгли матрацы, чтобы привлечь внимание окружающего мира к ужасным условиям, царившим в местной военной тюрьме. В Форт-Брагге 238 отчаявшихся заключенных изгнали своих мучителей и забаррикадировались на несколько дней.

В южновьетнамском городе Дананге арестованные солдаты сожгли тюремный блок после того, как их жалобы на жестокое обращение остались без ответа; в Лонгбине, севернее Сайгона, заключенные подожгли несколько тюремных зданий и держались, сколько могли, так как тюремная администрация лишила их пищи.

Судьи знают, что наказания не помогают и способны лишь ожесточить наказуемых, усугубить их враждебность и отчаянную решимость; выпущенные на свободу станут еще чаще применять насилие, с которым они встретились в тюрьмах, и невозможно даже предвидеть конца эскалации насилия.

Мировая держава больна, а поэтому промокший насквозь юноша, который стоял на дороге у Сиэтла, хотел поскорее попасть в Канаду. Больны и вооруженные силы мировой державы, какими бы могучими они ни казались с их потенциалом современной техники, которая заключает в себе больше смерти, чем есть жизни в этом мире. Поэтому юноша с прилипшими ко лбу волосами спрашивал: в безопасности ли живут люди в Европе, согласившиеся на то, чтобы их защищали больные вооруженные силы США?

Американский народ был единодушен в благодарности великому человеку, оставившему самый высокий пост в Соединенных Штатах. Время его пребывания в должности президента истекло, в Вашингтоне происходила смена поколений. Генерал Дуайт Д. Эйзенхауэр передал функции президента Джону Ф. Кеннеди.

Народ ожидал от Кеннеди откровенных заявлений, но еще до того, как молодой президент приступил к исполнению своих обязанностей, такое заявление сделал Эйзенхауэр. Именно отставной генерал, профессиональный военный, солдат до мозга костей, выпускник Уэстпойнтского военного училища предостерегал свою страну от феномена, с которым он столкнулся во время пребывания на гражданском посту, рост мощи которого он не был в состоянии затормозить и который после его ухода становился еще более сильным; он предостерегал от военно-промышленного комплекса Соединенных Штатов, союза между вооруженными силами, военной промышленностью и наукой.

Кеннеди, хотя его заранее предупреждали, не смог ослабить постоянно растущего влияния этого комплекса, тем более не смог сделать этого Линдон Джонсон, способствовавший эскалации войны во Вьетнаме, не делает этого и Ричард Никсон. Гигантский комплекс, как пиявка, впился в тело народа и неудержимо сосет его кровь. Он узурпировал огромные секторы народного хозяйства, стал крупнейшим фактором денежного обращения, от него зависят миллионы людей, он ворочает гигантскими суммами.

Военно-промышленный комплекс обходится Соединенным Штатам в 80 миллиардов долларов в год. К нему причастен каждый десятый гражданин США. Со времени окончания корейской войны этот молох сожрал

1000 миллиардов долларов, до конца 1970 года он расходовал только во Вьетнаме 77 миллионов долларов в день.

Масштабы, влияние и пробивная сила военно-промышленного комплекса настолько огромны, что дали повод бывшему командиру корпуса морской пехоты генералу Дэвиду Шоупу заявить: «Америка стала милитаристской и агрессивной страной».

Когда генерал Шоуп, выйдя в отставку и из подчинения командования вооруженных сил, снял военную форму и со стороны стал наблюдать за деятельностью своих оставшихся в армии товарищей, его охватил страх не только перед огромным военно-промышленным комплексом страны, но и перед образом мыслей офицеров, в руках которых находится продукция американской промышленности вооружений — гигантская разрушительная сила бесчисленных ракет и бомб. Эти молодые офицеры, как выразился Шоуп, «честолюбивы и жаждут войны, возможности отличиться в бою и получить награды, тем более что перспективы на карьере в мирное время у них нет». По словам генерала Шоупа, американский народ «все больше и больше свыкается с американским милитаризмом, с культом оружия и насилием, которые неотделимы от войны».

Но предостережения Шоупа были тщетными, как тщетными оказались в свое время и предостережения генерала Эйзенхауэра. Военно-промышленный комплекс игнорировал их, и сейчас его влияние намного более значительно, чем это может быть полезно для Америки и мира во всем мире.

80 миллиардов долларов в год расходуется в Соединенных Штатах на военные нужды. Это значит, что 40 центов от каждого доллара в бюджете федерального правительства текут в непродуктивные, равно как и не поддающиеся контролю каналы комплекса.

В 1970 году федеральное правительство предусмотрело на начальное и неполное среднее образование амери-

канских детей меньше денег, чем было израсходовано на формирование лишь одной из имеющихся пятнадцати боевых групп авианосцев. Оно запланировало израсходовать гораздо больше денег на сомнительную противоракетную систему «Сейфгард», чем на обучение детей в средних школах. А на разработку и производство химического и биологического оружия оно истратило в четыре раза больше средств, чем на борьбу с раковыми болезнями в стране.

Хотя в арсенале США имеется намного больше оружия, чем нужно для уничтожения жизни на Земле, военно-промышленный комплекс не удовлетворен: он ищет все новые, технически более совершенные средства массового уничтожения.

Бомбардировщик В-70, предназначенный для транспортировки нескольких атомных бомб, обошелся американскому народу в 1,5 миллиарда долларов и позволил некоторым компаниям значительно приумножить свои капиталы, прежде чем соответствующие инстанции в военно-промышленном комплексе поняли, что сделали огромный промах, ибо самолет оказался уже морально устаревшим; строительство его было прекращено.

На проект штурмовика с атомным двигателем, прежде чем от него отказались, был израсходован 51 миллион долларов. 678 миллионов долларов выбросило на ветер американское министерство обороны в связи с проектом создания беспилотного бомбардировщика, вооруженного ракетами «Снарк», в разработке которого с выгодой для себя участвовали военные и предприятия по производству вооружения.

Во имя готовности к ракетной войне военные и промышленность вооружения считали невозможным отказаться от разработки и строительства ракеты «Навахо». Без «Навахо», дескать, безопасность страны будет под угрозой. Министерство обороны безо всякого ассигновало 680 миллионов долларов, но и на этот раз, собственно,

в воздух поднялись лишь деньги, а не ракета. Проект ее создания бесславно погиб.

Когда американские ВВС решили, что на случай возможной войны им нужна новая ракета класса «воздух — земля», опытная в этих делах промышленность быстро представила множество соответствующих проектов. На создание ракеты «Скайболт» было ассигновано 440 миллионов долларов. Однако и эти деньги были растрачены впустую.

Впрочем, не совсем впустую, ибо в круговороте безумия те, в чьих руках находится экономика, получили обратно огромные суммы, которые шли на финансирование ранее лопнувших проектов. Они получили даже очень много. Ведь кроме более трех миллионов служащих американских вооруженных сил на службе министерства обороны — пресловутого Пентагона находятся 1,3 миллиона гражданских лиц. Кроме того, с гигантским комплексом более или менее тесно связаны все гиганты американской промышленности, а также около 100 тысяч средних и мелких предприятий, участвующих в военном производстве в качестве поставщиков.

Все занятые в различных отраслях военно-промышленного комплекса и члены их семей составляют более одной пятой численности американского населения; промышленность вооружения — самый крупный работодатель в стране, каждый девятый работающий связан с изготовлением орудий смерти, и невозможно представить себе, что произойдет с Соединенными Штатами, если в военной промышленности однажды наступит застой.

Заправилы комплекса, однако, спокойны; они уверены, что делают «доброе дело», усомниться в их «патриотизме» никто не может, поскольку альтернативой тому, что они делают во имя постоянной обороноспособности страны и ее готовности победить в любой новой войне, является, конечно, «серп и молот». Таким образом, всякого, кто нападает на комплекс, по меньшей мере подозре-

вают в том, что он за «серб и молот». Правда, это очень простая, но зато и очень действенная философия. Она особенно помогает в борьбе против радикально настроенных студентов.

И действительно, студенты активнее, чем какое-либо другое поколение до них, выступают против комплекса. Газеты, в том числе и немецкие, писали о массовых демонстрациях воинственно настроенных американских студентов. Однако большинство немецких газет забыло взглянуть на обратную сторону этой медали, где следует искать причину ожесточенной воинственности многих американских студентов.

Большое число американских университетов уже много десятилетий тесно связано с военно-промышленным комплексом. Знаменитый Массачусетский технологический институт, один из оплотов технической революции, входит в число ста крупнейших подрядчиков министерства обороны.

Университет имени Джона Гопкинса также занимает ведущее положение в основной группе высших учебных заведений, которые приобрели научную славу не в последнюю очередь в результате выполнения заказов и самостоятельных исследовательских работ для военной промышленности. В Гарвардском университете был разработан и впервые зажжен дьявольский напалм, от огня которого уже несколько сот тысяч человек погибли или стали калеками. В этом причина многих студенческих демонстраций, в том числе в Станфордском университете в Калифорнии.

...В актовом зале Станфордского университета не было ни одного свободного места; кроме того, огромная толпа студентов собралась у входа в университетское здание. Все были полны напряженного ожидания, но вели себя дисциплинированно. На сцене расселись члены попечительского совета университета. Вид у них был как всегда покровительственный и развязно независимый.

Студенты настояли на проведении этого собрания, так как хотели знать, какие исследовательские работы в области вооружения проводятся в их университете, для каких отраслей военной промышленности, какие университетские институты этим занимаются и на какие средства.

Среди попечителей, которые фактически были хозяевами университета и все знали, но мало что рассказывали, находились, в частности, Уильям Хьюлетт из «Хьюлетт энд Паккард компани», производящей вооружение на 34 миллиона долларов в год, и Чарльз Дакоммен из компании «Локхид», годовой оборот которой только по линии военного производства составляет 1,4 миллиарда долларов.

Вопросы, которые задавали студенты, были предельно ясными, но попечители уклонялись от ответа. По мере того как студенты проявляли настойчивость, попечители отвечали все более сдержанно. Студенты начали нервничать и шуметь, что явно озлобило попечителей. Когда собрание закончилось, Станфордский университет был уже не таким, как прежде, он явно полевел. Студенты, которые до сих пор были скорее склонны избегать политических дискуссий, увидели, что от них что-то скрывают, коль скоро попечители так уклончиво отвечали на вопросы об участии университета в военном производстве. Все чаще стали возникать стихийные студенческие митинги, во время которых поднимались те же вопросы, на которые не было дано ответа на студенческом собрании. Однако попечители по-прежнему продолжали отмалчиваться.

В самом деле, у них было достаточно веских причин не удовлетворять назойливого любопытства молодых людей. Некоторые из членов попечительского совета университета не только лично участвовали в военном производстве, но были также основателями небезызвестного Станфордского научно-исследовательского института. Этот институт был создан в 1946 году для разработки

проблем повышения жизненного уровня населения земного шара и упрочения только что наступившего мира. Однако половина расходов этого «института мира», а именно 29,7 миллиона долларов в год, расходуется на исследования в области вооружений, 6,2 миллиона долларов предусмотрено на исследовательские работы в связи с войной в Юго-Восточной Азии. Наконец, этот призванный «содействовать миру» институт занимался разработкой рекомендаций по быстрому и соответствующему американским интересам подавлению возможных внутренних выступлений в Таиланде, Гондурасе и Перу.

В число членов правления Станфордского научно-исследовательского института, назначенных попечителями Станфордского университета, входили Эдгар Кайзер, глава компании «Кайзер алюминум», которой принадлежали все 100 процентов акций предприятий по добыче фосфатов в пустыне Сечура в Перу, а также Фред Хартли, президент компании «Юнион ойл компани оф Калифорния», который потому должен был быть весьма заинтересован в подавлении возможных волнений в Таиланде, что его фирме принадлежали права на разведочное бурение у побережья Таиланда, на чем эта фирма надеялась хорошо заработать.

То, что сумели все же выяснить студенты относительно военных исследований в некоторых институтах Станфордского университета, несмотря на молчание попечителей, крайне взволновало их. Однако Станфордский университет — лишь мелкая сошка среди научных учреждений, работающих на военно-промышленный комплекс. При его мизерных расходах на военные исследования в размере 29,7 миллиона долларов он почти незаметен рядом, например, с Массачусетским технологическим институтом в Бостоне, получающим ежегодно из Вашингтона 120 миллионов долларов за снабжение комплекса новыми идеями и новыми образцами оружия.

Калифорнийский технологический институт также ра-

ботает на охватывающий всю страну комплекс, особенно с тех пор, как президентом института стал Гарольд Браун, отлично разбирающийся в проблемах вооружения, поскольку до этого занимал пост министра авиации в Вашингтоне. На комплекс трудится и Калифорнийский университет, занимающийся разработкой и испытанием ракетных систем и располагающий соответствующими сооружениями в Ливерморе и Лос-Анджелесе. Их содержание обходится в 250 миллионов долларов в год, но деньги поступают регулярно: президент университета знает, в какую дверь в Вашингтоне в случае чего нужно постучаться, ибо до прихода в университет занимал пост помощника министра обороны США.

В Соединенных Штатах нет ни одного более или менее крупного высшего учебного заведения, которое не было бы тесно связано с военно-промышленным комплексом; в десятках институтов члены попечительских советов или ректоры дают задания на разработку проблем, в которых они весьма заинтересованы в своем другом качестве, а именно как владельцы или управляющие предприятий, производящих вооружение.

Хотя в настоящее время никто серьезно не верит в возможность большого военного конфликта, в котором приняли бы участие обе мировые державы — США и СССР, военно-промышленный комплекс имеет 6500 военных объектов на американском континенте, он располагает 45 тысячами квадратных миль земли, содержит 3400 военных баз на Гавайских островах, на Аляске и в тридцати заокеанских странах, что обходится ему в 8 миллиардов долларов в год. Ежегодно он закупает на 44 миллиарда долларов оружия и снаряжения, на 7 миллиардов долларов — самолетов, на 2,9 миллиарда долларов — боеприпасов, на миллиард долларов — военных кораблей.

Несмотря на некоторую разрядку напряженности в отношениях между двумя сверхдержавами, военно-про-

мышленный комплекс через высший генералитет в Вашингтоне требует, чтобы военный бюджет не только не был сокращен, но и увеличен с 80 миллиардов до 105 миллиардов долларов.

В Вашингтоне никто не может дать полную и критическую картину гигантского, бурно растущего комплекса, его влияния и могущества. Но все знают, что там был человек, который в любое время был готов предоставить комплексу все, что бы он ни потребовал. Этого человека, умершего в конце 1970 года, звали Мендел Риверс. Возглавляя комиссию палаты по делам вооруженных сил, Риверс был в Вашингтоне самым влиятельным человеком комплекса, более влиятельным, чем весь Комитет начальников штабов; министр обороны или кто-либо из тех, кто, будучи близок к президенту в Белом доме, полагает, что он близок и к власти.

Мендел Риверс обрел такое влияние не вследствие своей природной одаренности, а благодаря терпению. Он в течение 30 лет представлял округ Чарлстон (Южная Каролина) в американском конгрессе, но председателем комиссии по делам вооруженных сил стал только в 1965 году; когда прежнему председателю комиссии пришлось оставить свой пост, Риверс оказался самым старым ее членом и поэтому возглавил комиссию. Наконец-то Мендел Риверс получил свой «большой шанс» и не преминул им воспользоваться.

Военно-промышленному комплексу Соединенных Штатов едва ли могла выпасть большая удача, чем возвышение Мендела Риверса, ибо Риверс оказался очень щедрым на ассигнования, настоящим рыцарем холодной войны.

В 1950 году Риверс настаивал, чтобы тогдашний президент Трумэн пригрозил атомной бомбой Северной Корее, в 1960 году призывал президента Эйзенхауэра предпринять вторжение на Кубу. В 1965 году он требовал нанести превентивный ядерный удар по атомным базам

Китай. Его неотступно преследовала мысль о необходимости сделать большое военное усиление во Вьетнаме с целью окончательной победы. А когда северокорейские солдаты захватили американский шпионский корабль «Пуэбло» и кто-то спросил Риверса, что он рекомендует по этому неприятному поводу, он, не задумываясь, ответил: «Объявить войну». Войну он не получил, но зато военно-промышленный комплекс стал получать от Риверса все, что требовал, а иногда даже больше. Мендел Риверс был неизменно щедр, когда ему приходилось прибегать к восьмому параграфу восьмой статьи Конституции США, которая дает конгрессу право формировать и оснащать вооруженные силы. А в военных вопросах в Вашингтоне конгрессом был сам Риверс: в его руках была власть, и ничего не делалось без него.

Риверс виртуозно обращался с принадлежавшей ему властью и при этом не забывал своих земляков в Чарлстоне. В избирательном округе Риверса находится Чарлстонский армейский склад, там же размещены военно-морская база, кораблестроительная верфь, Чарлстонский военно-морской госпиталь, Бофортский военно-морской госпиталь, склад оружия ВМС, Чарлстонская флотилия подводных лодок, оснащенных баллистическими ракетами, учебный центр и Чарлстонская атлантическая база обслуживания кораблей, оснащенных ракетами «Полярис», Бофортская авиационная база морской пехоты, учебный лагерь морской пехоты на острове Паррис и Чарлстонская база ВВС.

Избирательный округ Мендела Риверса настолько наводнен военными и насыщен всякого рода военной техникой, что он спокойно мог бы пойти на риск самостоятельного вооруженного конфликта с некоторыми странами. Сильной была и остается тяга военной промышленности к округу Чарлстон. Компании «Дженерал электрик», «Авко», «Локхид», «Макдоннел — Дуглас» и «Юнайтед эйркрафт» уже создали или планируют основать там свои

предприятия. Жители Чарлстона в шутку говорят, что, если в их округе разместить еще хотя бы одно предприятие, он потонет в Атлантическом океане.

Примечательно, что в течение десятилетий ни один из республиканцев не отваживался баллотироваться на выборах в палату представителей против архиреакционного демократа Мендела Риверса. Он был хозяином в Чарлстоне, как затем стал хозяином в конгрессе в военных вопросах, и военно-промышленный комплекс мог быть вполне спокоен.

Лишь однажды заправила комплекса почувствовали неловкость, хотя и не надолго. Это случилось, когда известные журналисты Дрю Пирсон и Джек Андерсон опубликовали разоблачительную книгу «Факты против конгресса», в которой в одном месте так обрушились на Риверса, что даже самому всемогущему Менделу на какой-то момент стало не по себе. Человека, который держал в своей голове так же много секретов, как математик чисел и формул, Пирсон и Андерсон обвинили в том, что он... пьяница.

— В понедельник утром,— писали Пирсон и Андерсон в своей книге, которая в любом другом государстве потрясла бы основы официальной власти,— Мендел Риверс лежал на полу своего кабинета на Капитолийском холме, окруженный пустыми бутылками. Сейф в его кабинете был раскрыт настежь. Рубашка на Риверсе была вымазана губной помадой, а сам он был настолько пьян, что не соображал, что делает. Пришлось вызвать «Скорую помощь» из военно-морского госпиталя Бетесда, чтобы забрать мертвеца пьяного хранителя секретов и покровителя промышленности вооружений. Назначенное на этот день заседание комиссии по делам вооруженных сил, на котором должен был обсуждаться вопрос о размещении военных заказов на сумму 18 миллиардов долларов, было отложено, так как Менделу Риверсу надо было протрезвиться и отдохнуть...

Мендел Риверс был счастливой находкой для военно-промышленного комплекса США. Другой такой находкой оказался Джон Стеннис, как и Риверс — южанин из штата Миссисипи. Стеннис в отличие от Риверса состоит членом самого обособленного клуба в мире — американского сената, где до сих пор возглавляет комиссию по делам вооруженных сил.

При Стеннисе комплекс в надежных руках: он относится к числу тех южан, которые ушли настолько вправо, что правее их есть место лишь для фашиста Джорджа Уоллеса. Стеннис весьма великодушно-сочувственно относится к военным, так что и военные и промышленность вооружений не могут не выражать ему благодарности.

Когда, например, Стеннис отмечает свой день рождения, к нему в его родной Миссисипи прилетает из Вашингтона вся верхушка Пентагона, в том числе высокопоставленные генералы; из Флориды на сверхзвуковом самолете прибывает хор морских пехотинцев, из Алабамы на таком же самолете доставляют военный оркестр, а из Вашингтона — симфонический оркестр ВВС. Именинник доволен, ничто не омрачает его радости и, конечно, уж не мысль о том, что на средства, затраченные на церемонию в честь «его светлости», можно было бы оказать немалую помощь хотя бы небольшой части Миссисипи — самого бедного и отсталого штата Соединенных Штатов Америки.

Американский военно-промышленный комплекс был бы страшным орудием даже в руках осторожных кунктаторов, однако влияние на него воинственных южан создает угрозу не только для Соединенных Штатов, но и для любой страны, находящейся в политическом и военном союзе с Америкой. Лишь совсем немногие могут чувствовать себя спокойно, зная, что командные высоты в Вашингтоне занимают такие деятели, как Джон Стеннис. Это может нравиться лишь людям вроде Франко. Неда-

ром Мендел Риверс увидел в армии фашистского каудильо «лучшего союзника, какого мы когда-либо себе подбирали».

Личность и политика Риверса, превратившего свой избирательный округ в военный лагерь, ясно показывают, что имел в виду генерал Шоуп, когда говорил об американском милитаризме. Но, разумеется, военно-промышленному комплексу оказывал поддержку в конгрессе не только депутат от Чарлстона. 61 член конгресса имеет финансовые интересы в компаниях, участвующих в военном производстве. А кто лично не заинтересован в процветании военной промышленности, должен быть заинтересован по крайней мере в том, чтобы эта промышленность создавала свои филиалы и в его избирательном округе, так как безработные есть повсюду. Конгрессменам при этом безразлично, целесообразны, необходимы, важны или нет военные объекты, сооружаемые или расширяемые в их избирательных округах. Их лишь интересует, чтобы избирательный округ получил кусок от большого пирога, а еще лучше — несколько кусков.

Между тем объекты военной промышленности или вооруженных сил имеются в 363 избирательных округах по выборам в конгресс, военно-промышленный комплекс представлен в 42 из 50 американских штатов. Все члены палаты представителей и сенаторы от этих округов и штатов должны, следовательно, настаивать на том, чтобы эти военные объекты не только сохранялись, но и по возможности расширялись, поскольку каждый из них обеспечивает занятость и голоса избирателей, а их ликвидация равносильна катастрофе.

Поэтому, когда министерство обороны объявляет о ликвидации тех или иных военных объектов, среди соответствующих членов палаты представителей и сенаторов раздается вопль. И тогда происходит противоположное тому, к чему уже привыкли: парламентарии молят министерство обороны о милости.

Обычно это делают 399 сотрудников министерства обороны в палате представителей и сенате, составляющих самое крупное и самое эффективное лобби в Вашингтоне. По два таких связных Пентагона с парламентом приходится на каждого из трех членов конгресса; на обработку конгрессменов Пентагон расходует 4,1 миллиона долларов в год, хотя многих из них и не нужно обрабатывать — они и без того готовы дать Пентагону все, что ему нужно.

32 сенатора и 107 членов палаты представителей — офицеры запаса, и на них Пентагон может положиться. Критически настроенным конгрессменам приходится разъяснять, что они не должны голосовать во вред парням в военной форме, которые «выполняют свой долг». В крайнем случае на критиканов можно натравить лобби из Американского легиона, одной из крупнейших организаций в Соединенных Штатах с резиденцией в Вашингтоне, которая является объединением ветеранов войны и тщательно следит за тем, чтобы вооруженные силы получали все, в чем они, по мнению правонастроенных ветеранов, нуждаются.

К члену палаты представителей от Флориды Роберту Сайксу Американский легион в общем претензий не имеет. Сайкс отвечает за ассигнования на строительство новых объектов, которые действительно или предположительно нужны американским вооруженным силам, чтобы Соединенные Штаты оставались «сильными и непобедимыми». Как правило, этот генерал-майор в отставке щедр при утверждении ассигнований.

Несмотря на закон, согласно которому представители промышленных объединений при конгрессе обязаны регистрироваться, можно лишь приблизительно оценить число находящихся в Вашингтоне представителей промышленных компаний, в той или иной мере участвующих в производстве вооружения. Точно так же можно лишь в общих чертах составить картину связей военно-

промышленного комплекса, который стал поистине гигантским, всеохватывающим и непроницаемым. Примерно две тысячи человек официально и неофициально ходатайствуют в Вашингтоне от имени и по поручению комплекса, добиваются заказов, информируют о новинках в области вооружений и совершенствуются в процветающем искусстве ведения бесед во время коктейлей.

Многие представители военных компаний — это бывшие офицеры, которым еще со времен их военной службы хорошо известны все ходы и выходы в Пентагоне, слабые места военного ведомства и возможности получения там выгодного военного заказа; они знают, где и в какой мере могут оказать содействие старые товарищи. И они прекрасно справляются со своей задачей.

Многие чиновники и офицеры в Пентагоне фактически рассматривают промышленные предприятия, занятые военным производством, как филиалы своего министерства, равно как руководители промышленности считают Пентагон частью комплекса, на который все они работают. Они держатся друг друга, поддерживают приятельские отношения: кто знает, не придется ли самому когда-либо работать в другой половине комплекса.

Между Пентагоном и военной промышленностью происходит постоянный обмен кадрами. Более двух тысяч офицеров всех родов войск в чине полковника и выше занимают видные посты в военной промышленности, главным образом там, где хорошая связь с заказчиком — Пентагоном может обеспечить прибыль. И наоборот, офицеры, попытавшие счастья в военной промышленности, при случае возвращаются в Пентагон, хотя такое возвращение для них не всегда выгодно, так как в промышленности им платят больше.

Генерал-майор Гарри Эванс, находясь в армии, зарабатывал не так уж много. Когда начала развиваться космонавтика и вооруженные силы также включились в это дело, генерал Эванс был назначен вице-директором лабо-

ратории по осуществлению программ пилотируемых орбитальных полетов, подчиненной ВВС. В этом качестве генерал-майор стал обладателем больших секретов. Он был в курсе развития космической техники, в деталях знал положение на различных промышленных предприятиях, стремившихся принять участие в ее создании, и совершенно очевидно, что для любой компании, заинтересованной в данной отрасли, он представлял огромную ценность. Генерал-майор снял военную форму, дав понять, что склонен сделать карьеру в промышленности. Военные предприятия буквально набросились на него. Сейчас отставной генерал-майор Эванс работает на другой стороне комплекса и, пожалуй, стал намного ближе к «большому доллару».

Подобно Эвансу поступили тысячи бывших военных. Только в военном концерне «Локхид» занято более 20 бывших генералов и адмиралов, а также большое число полковников, майоров и капитанов, а гигант военной промышленности «Дженерал дайнэмикс» имеет у себя на службе еще большее число экс-генералов и платит гораздо большие оклады. Любой военный стремится воспользоваться всяким представляющимся шансом, и никто не испытывает при этом неловкости. Многие бывшие военные занимают хорошо оплачиваемые посты директоров в компаниях, которые уже много лет выполняют крупнейшие военные заказы: «Дженерал дайнэмикс», «Локхид», «Дженерал электрик», «Юнайтед эйркрафт», «Макдоннел — Дуглас», «Америкэн телефон энд телеграф компани», «Боинг», «Линг — Темко — Воут», «Норт Америкэн Рокуэлл» и «Дженерал моторз».

Ни один из военных, перешедших в промышленность, не прогадал. Промышленность не скупится, она не жалеет затрат, когда речь идет о том, чтобы заставить работать на себя тех, кто с помощью своих старых товарищей может содействовать получению новых заказов. Единственный военный заказ может оказаться «золотой жилой».

На такую «золотую жилу» напал концерн «Интернэшнл бизнес мэшинс» (ИБМ). Финансировавшиеся государством исследования в области вооружений, проводившиеся ИБМ в тесном контакте с правительственными специалистами, обеспечили ему в конечном счете то исключительное положение, которое он занял в области электронно-вычислительной техники. Сейчас выгоду извлекает ИБМ, хотя начальные исследования финансировались всеми налогоплательщиками. Однако таким способом обогащается не только ИБМ: лишь за 1970 год правительство ассигновало 15 миллиардов долларов на исследовательские и конструкторские работы и тем самым позволило солидно заработать многим предприятиям, входящим в военно-промышленный комплекс. Американские же налогоплательщики, на чьи средства был обеспечен столь успешный старт, не получили обратно ни гроша.

«Норт Америкэн авиэйшн», гигантский концерн авиационной и ракетной промышленности, располагающий основным капиталом в размере 669 миллионов долларов, добился получения заказа на производство систем управления для ракет типа «Минитмен». Когда работы начались, на предприятии появились, как обычно, два старших офицера военно-воздушных сил, чтобы осуществлять контроль и поддерживать контакт с подрядчиком. По-видимому, им очень понравилось там, так как они вскоре оставили службу в ВВС и стали сотрудниками «Норт Америкэн авиэйшн». Кстати сказать, позднее, когда подошло время испытаний ракет «Минитмен», обнаружились всякие неполадки: ракеты либо вообще не взлетали, либо не выдерживали расчетного расстояния.

Генерала Гамильтона Хауза, в прошлом командующего авиацией сухопутных сил и в своей сфере по меньшей мере так же хорошо осведомленного человека, как генерал-майор Гарри Эванс в области пилотируемых космических кораблей, переманила к себе компания «Белл аэроспейс корпорейшн», активно занимающаяся

производством вооружения. А генерал-лейтенант Остин Дэвис, руководитель проекта ВВС по созданию систем управления для ракет «Минитмен», перешел именно в «Норт Америкэн авиэйшн», заполучившую огромную дотацию на создание этих систем и, кроме того, обоих упомянутых выше офицеров, которые, собственно говоря, должны были представлять в этом концерне интересы военно-воздушных сил.

Командование военно-морского флота США, вынашивавшее в свое время честолюбивую идею завоевания неба с помощью самолета «F-III», заключило с авиамоторной фирмой «Пратт энд Уитни» договор о строительстве двух тысяч реактивных двигателей по цене 270 тысяч долларов каждый. Затем цены начали повышаться, и стоимость одного двигателя достигла 700 тысяч долларов. У представителей «Пратт энд Уитни» были все основания для удовлетворения. Не мог не быть доволен и капитан ВМФ Патрик Кигэн. Едва он подписал от имени ВМФ соглашение о новой, невероятно подскочившей цене на реактивные двигатели, как его вдруг потянуло перейти на службу в фирму «Пратт энд Уитни». Он уволился из вооруженных сил, но остался в военно-промышленном комплексе.

Капитан Кигэн был связным между размещающими заказы вооруженными силами и фирмой, выполнявшей эти заказы. Такие связные имеются во всех военных концернах, они поддерживают сердечные отношения с директорами предприятий и сами живут на широкую ногу. В их обязанность входит следить не только за качеством производимых военных материалов, но и за соблюдением согласованных цен. Что касается последнего, то здесь они ничего сделать не могут.

Дело в том, что согласованные цены уже давным-давно не выдерживаются. Рекорд по части цен принадлежал до сих пор разработанному военно-морским флотом проекту аппаратов для спасения потерпевших аварию под-

водных лодок. Первоначальная цена этих аппаратов была установлена в размере 3 миллионов долларов за каждый, но к моменту завершения работы над ними она поднялась до 80 миллионов долларов.

Характерно, что с ростом цен в ходе производства ухудшается качество изделий. По мнению специалистов, самое большее третья часть произведенной военной промышленностью электронной аппаратуры отвечает требованиям, предъявляемым заказчиками. Гордон Рул, офицер — руководитель проекта самолета «F-III», заявил:

— Каким бы плохим ни было изделие, с каким бы запозданием оно ни было изготовлено, какими бы большими ни оказались расходы, люди в промышленности знают, что им ничего за это не будет.

Конечно же им ничего не будет. Когда сенатор Абрахам Рибиков попытался было начать расследование в связи с бесхозяйственностью, расточительством и коррупцией в промышленности вооружений, он разослал приглашения на слушание дела нескольким компаниям, которых это непосредственно касалось. Однако гиганты военной промышленности «Дженерал дайнэмикс», «Локхид», «Боинг», «Норт Америкэн Рокуэлл» и «Литтон» игнорировали приглашения назойливого сенатора, и с ними ничего не случилось. Они по-прежнему занимают преимущественное положение среди компаний, производящих вооружение.

Профессор Мюррей Вейденбаум из Университета имени Вашингтона в Сент-Луисе подсчитал, что прибыль предприятий, производящих вооружение, составляет в среднем 17,5 процента, если они имеют дело с Пентагоном как заказчиком, тогда как прибыль от торговли товарами мирного назначения равняется лишь 10,6 процента. Согласно другим исследованиям, в некоторых случаях прибыли концернов военной промышленности достигают 70 процентов. Эти концерны, однако, всегда категорически оспаривали такие цифры и утверждали, будто в действи-

тельности зарабатывают меньше, чем компании, не имеющие ничего общего с производством вооружения. Если бы это было так, они вряд ли предпринимали бы столь огромные усилия, чтобы остаться в сфере военного производства.

В Соединенных Штатах, несомненно, есть много людей, которые должны опасаться наступления всеобщего мира. Для военно-промышленного комплекса уменьшение напряженности в мире все равно, что для футболиста перелом ноги накануне финального матча.

Рабочие завода мороженого собрались в гараже около автомобилей, на которых они обычно развозили свою продукцию розничным торговцам на улицах Нью-Йорка. Сегодня они никуда не поехали, не поедут и завтра, и послезавтра, хотя в задыхающемся от летнего зноя городе небоскребов живут самые фанатичные в мире потребители мороженого.

Дело в том, что три дня тому назад грузовик с мороженым взлетел на воздух. Позавчера подложенной миной разнесло еще одну машину. Вчера в самую последнюю минуту удалось предотвратить покушение на третий автомобиль. А прошлой ночью в квартирах некоторых водителей раздавались телефонные звонки: кто-то грубо угрожал расправой и обещал, что будут взорваны и другие автомобили, если их водители окажутся настолько глупыми, что будут продолжать работу.

Люди, стоявшие в темном гараже, были крайне удручены: кроме всего прочего, им было жаль и хозяина. Ведь, честно говоря, он всегда был справедливым, порядочным, хорошим хозяином, зачастую и сам выполнял тяжелую работу, ничего ему не давалось легко, даже жена его была вынуждена трудиться. Тем не менее сейчас придется, видимо, покинуть его в беде.

Большинство рабочих уволилось. Тщетно умолял их хозяин остаться, обещая мобилизовать полицию, добиться, чтобы любому из рабочих, если он пожелает, была обеспечена круглосуточная полицейская защита. Но рабочие лишь горько усмехались: они-то знали, чего стоит полицейская защита в Нью-Йорке, где от руки убийц погибает более тысячи человек в год. Хозяин в растерянности смотрел, как за ушедшими рабочими захлопнулась дверь гаража; только теперь он понял, что по крайней мере сейчас он проиграл борьбу за продажу мороженого

в городском районе, на который претендовал другой, человек с более крепкими мускулами и без совести.

Господин лет пятидесяти, страшный на вид предстал в Вашингтоне перед одной из сенатских комиссий по расследованию: на лице у него была черная маска с двумя небольшими прорезями для глаз; он выглядел как гангстер, в зале заседаний посмеивались.

Но человек этот отнюдь не был гангстером, и то, что он собирался рассказать сенаторам, далеко не было смешным. Он пришел сюда, чтобы поведать народным представителям, как потерял место, на котором он, маленький, скромный человек, пытался честным трудом заработать немного долларов. Он не назвал сенаторам своего имени, не сообщил подробностей, которые могли бы выдать его; он никому не показал своего лица, так как боялся своих врагов больше, чем доверял власти имущим, перед которыми предстал теперь в столь странном виде. Итак, он рассказывал анонимно, каким образом он, владелец молочной лавки, был вынужден занять деньги, чтобы сохранить за собой эту лавку, как его шантажировали кредиторы, как угрожали ему смертью и ужасными пытками, как он был вынужден без конца платить. Он уже давно выплатил на тысячу процентов больше, чем занял, но кредиторы были неумолимы.

Когда он потерял сына, кредиторы потребовали отдать им страховку, которую он должен был получить, и когда он вконец разорился, когда у него действительно не осталось больше ни одного доллара, и он не знал такого человека, который дал бы ему денег взаймы, один из кредиторов хладнокровно спросил:

— Слышал ли ты о парне, труп которого выловили несколько дней тому назад из реки?

Да, об этом он слышал.

— Хорошо, — сказал займодавец. — Можешь выбирать: либо ты будешь платить, либо твой труп выловят из реки самое позднее послезавтра.

Он продолжал платить, и конца этому не было видно. Нет, имена кредиторов он не назовет, ведь он не самоубийца. Сенаторы, которые озадаченно внимали ему, действительно не смогли бы его защитить и положить конец вымогательству. Они могли только возмущаться, призывать к порядку в штате, произносить речи, но подлинная власть там принадлежала вымогателям.

Потом этот человек ушел, где-то в одном из бесконечных коридоров здания конгресса в Вашингтоне он снял маску и поехал домой, снова оставшись наедине со своими заботами, а в зале заседаний, где он давал показания, уже никто больше не смеялся, ибо сенаторы поняли, что закон джунглей, действующий за стенами конгресса, сильнее закона тех, кто, видя перед собой замученного человека в маске, уже не мог больше гордиться созданным им порядком.

Человек в маске был жертвой организованного американского преступного мира, преступного синдиката — мафии. Ее же жертвой был и хозяин завода мороженого. Жертвы мафии есть повсюду в стране. И повсюду есть люди, сотрудничающие с мафией.

Человек, о котором пойдет речь, работает в аэропорту имени Джона Кеннеди в Нью-Йорке. Он одет в синюю спецовку, у него грубые руки, работать приходится ему восемь, а иной раз и десять тяжелых часов в день. Это — водитель грузовика, он перевозит авиационные грузы; работа хорошая, жаловаться не стоит.

Все здесь ему хорошо известно. Ему знакомы люди, которые оформляют грузы в различных авиационных компаниях, ему знакомы полицейские, охраняющие гигантский аэропорт, он знает также детективов, которые следят за порядком в помещениях, где хранятся ценные грузы. Отношения со всеми приятельские, работает он усердно, ибо ритм аэродромной жизни не допускает медлительности; производится погрузка и разгрузка, выдаются квитанции, заполняются накладные, не смолкает

гул реактивных самолетов, которые приземляются и стартуют с промежутком в считанные минуты. Все идет нормально.

Однако впечатление нормальности обманчиво, и человеку в синей спецовке известно об этом так же, как и полицейским, детективам и администрации авиакомпании, так как аэропорт имени Джона Кеннеди в Нью-Йорке попал под контроль преступного мира.

Человека в синей спецовке это не касается. Работа ему нравится. Конечно, приходится платить большие взносы в профсоюз, но в конце концов именно профсоюз заботится о том, чтобы он хорошо зарабатывал. А все остальное его не интересует.

Не интересует его и то, что делает его хозяин, чтобы избавиться от нежелательных конкурентов. Конечно, порой доводится кое-что услышать; кое-что известно, остальное подозреваешь. Когда он однажды прочитал в газете, что министр юстиции сетовал в Вашингтоне по поводу непрестанно усиливающегося и ставшего уже всемогущим влияния организованного преступного мира на авиационные перевозки, он только посмеялся. А что, собственно говоря, он должен делать?

Он знает, да и все знают, что в аэропорту имени Джона Кеннеди бесследно исчезают авиационные грузы стоимостью в среднем 8 миллионов долларов в год, но любопытство здесь неуместно, любопытство может стоить жизни. Ему известно, как и всем, что участвующие в авиационных перевозках экспедиционные конторы выплачивают преступному миру деньги для собственной защиты или даже сами принадлежат к этому миру. Он знает также, что, если преступный мир захочет, аэропорт имени Джона Кеннеди завтра же будет вынужден приостановить работу. Но преступному миру это ни к чему, он достаточно много зарабатывает там.

Все это, конечно, нехорошо, но, очевидно, тому уж суждено быть; маленький человек должен мириться с

происходящим. Если хочешь удержать свое место, иногда следует закрывать глаза кое на что; когда речь идет о преступном мире, только самоубийцы могут разыгрывать из себя моралистов. Даже богатые авиакомпания были вынуждены пойти на попятный, когда хозяева аэропорта потребовали от них, чтобы в выгодном бизнесе авиационных перевозок участвовали только определенные экспедиционные конторы.

Преступный мир вторгся и в жизнь маленького города на острове Лонг-Айленд, расположенном неподалеку от города-гиганта Нью-Йорка. Он установил контакты с коммерсантами, администраторами магазинов самообслуживания, с владельцами мелких предприятий. С тех пор эти предприятия выплачивают определенную сумму для собственной защиты — доллары, с помощью которых они оберегают свое существование от посягательств мафии.

Некоторые агенты ФБР убеждены в том, что на острове Лонг-Айленд уже нельзя ничего купить, не дав мафии возможность заработать несколько долларов. Этот некогда безупречный район, предместье, славившееся высокой моралью и добропорядочностью своих граждан, был вынужден пойти на уступки мафии.

40-летний управляющий одного из магазинов самообслуживания фирмы «А энд П» был очень добросовестным работником. На нем лежала большая ответственность, было много забот, потому что всегда кто-то домогался его места. Человек этот был доволен жизнью, работа обеспечивала ему хороший заработок. И вдруг он умер, вернее, был застрелен, и никто не знал — почему. Потом был убит администратор другого магазина самообслуживания той же фирмы «А энд П», а затем сгорели ее 16 магазинов и складов.

Прокурор Томас Макелл узнал по почерку работу мафии и не ошибся: одна сбытовая организация потребовала от «А энд П» принять моющее средство в ассорти-

мент своих магазинов. Фирма «А энд П» проверила его и сочла некачественным. Лаборанты «А энд П» сообщили сбытовой организации, что сделка состояться не может; вот тогда-то и стали раздаваться выстрелы в магазинах «А энд П», и начались пожары. Прокурор Макелл установил, что хозяин сбытовой организации был тесно связан с мафией.

Человек, ставший недавно мэром одного городка в штате Нью-Джерси, объявил, как того требовали существующие правила, конкурс на производство работ по вывозу мусора из города, поскольку, по его мнению, любой предприниматель мог иметь доступ к этому прибыльному делу. Между тем претендентом оказалась только одна фирма, которая удерживала его подряд уже на протяжении нескольких лет и конкурентов не имела.

Будучи убежденным сторонником свободной конкуренции, мэр распорядился выявить причины создавшегося положения. Он узнал, что один из владельцев предприятия, занимавшегося вывозом мусора из города, был членом мафии. Кроме того, мэр установил, что это предприятие в предшествующие годы регулярно сбивало цены конкурентам своими предложениями об оплате вывоза мусора. Дело было так: все фирмы, которые интересовались бизнесом, связанным с вывозом мусора, естественно, обращались к руководителю местного профсоюза с вопросом о том, сколько людей потребуется для работ по вывозу мусора. Профсоюзный босс, сам находившийся на содержании у мафии, сообщал конкурентам завышенное число рабочих, а предприятию, в дирекции которого сидел представитель мафии, — правильное. Таким образом последний имел возможность сбивать цену своим конкурентам, регулярно получать подряд от городской администрации и класть себе в карман немалые деньги.

Мэр решил положить этому конец. Он угрожал передать работы по вывозу мусора в ведение городских инстанций, после чего гангстерское предприятие вынуждено

было снизить стоимость работ на 500 тысяч долларов в год. Вскоре бесследно исчез профсоюзный руководитель, который теперь уже не представлял ценности для мафии. Позднее, когда мэр стал вести кампанию за свое переизбрание, преступный мир организовал такую оппозицию, что мэр проиграл, поплатившись таким образом своим постом за чрезмерное любопытство и за вторжение в чужую сферу.

Преступный мир мафии в Америке делает бизнес, который, по подсчетам агентов уголовной полиции, составляет приблизительно 100 миллиардов долларов в год. Чем больше денег — тем меньше угрызений совести, чем больше шансов заработать — тем больше насилия, чем беззащитнее конкурент — тем лучше.

С начала нынешнего столетия, когда в Соединенных Штатах зародилась состоящая из итальянских иммигрантов организация преступного мира — мафия, не было в Вашингтоне ни одного правительства, которое громко и убедительно не обещало бы пресечь деятельность мафии. Но мафия стала сейчас богаче, чем когда-либо раньше, более влиятельной, более недосыгаемой, чем прежде; с каждым днем она все дальше протягивает свои щупальца, легально или нелегально, как получится. Она проникает даже в Вашингтон, даже на Уолл-стрит, где совершаются крупные денежные сделки, в которых мафия уже давно стремится участвовать.

В стране, где широко распространены торговые автоматы, нет ни одного автомата по продаже сигарет, игорного или музыкального автомата, на котором не зарабатывала бы мафия; ей принадлежат тысячи дорогих стоянок для автомашин и гаражей; огромная масса рабочих даже не предполагает, что работает на мафию.

Осведомленные люди утверждают (и никто их не опровергает), что 15 членов законодательного собрания штата Иллинойс прислушиваются скорее к распоряжениям мафии, нежели к указаниям руководства собственной

партии; что в конгрессе в Вашингтоне 25 народных представителей тоже имеют связи с мафией, и ежедневно в каком-нибудь из уголков страны прилично одетые гангстеры с утонченными манерами обедают с влиятельными политическими деятелями и судьями и между десертом и кофе заключают выгодные сделки.

В городе Сент-Луисе хозяйничает мэр Альфонсо Хуан Сервантес, которого крупнейший американский журнал «Лайф» на основании многочисленных доказательств обвинил в тесных связях с преступным миром. По сообщению того же журнала, еще более тесные связи с мафией поддерживает Моррис Шенкер, высший чиновник при мэре, ответственный за борьбу с преступностью.

Журнал «Лук» обвинил мэра Сан-Франциско Алиото, серьезного претендента на политический пост в национальном масштабе, в предоставлении членам мафии банковских займов и выгодных заказов. А в Нью-Йорке ближайший друг мэра, муниципальный советник Маркус, крестный отец одного из сыновей мэра, связанный с мафией, передавал ей выгодные городские подряды.

В некоторых мелких городах дело обстоит не лучше. В Лонг-Бранче, в штате Нью-Джерси, член мафии Антони Руссо похвалялся в припадке откровенности, что может распоряжаться членами муниципалитета, как ему заблагорассудится.

Соединенные Штаты научились сосуществовать с организованным преступным миром. Тщетно предостерегал прокурор Роберт Моргентау, один из злейших врагов мафии в Нью-Йорке, смещенный тем временем к радости преступного мира: «Проблема проникновения мафии в промышленность и на Уолл-стрит чрезвычайно серьезна». Напрасно сетовал до него Роберт Кеннеди на то, что, как ему стало известно, более 50 промышленных предприятий действуют заодно с организованным преступным миром. Ни на кого это не произвело большого впечатления.

В районе Уолл-стрита банды, контролируемые мафией, ежегодно похищают ценные бумаги на сумму свыше 40 миллионов долларов. Это стало настолько обычным, что коммерсанты научились говорить о таких кражах, как, скажем, о проливном дожде, с которым приходится мириться. Когда поступило известие о первом убийстве, связанном с деятельностью мафии на Уолл-стрите, коммерсанты и маклеры ненадолго испугались, да и то только потому, что убийство действительно было ужасным. Молодой посыльный, поставивший полицию в известность о деятельности преступного мира, получил, как было установлено судебно-медицинским экспертом, по меньшей мере 125 ножевых ран.

Генри Рут, профессор права в Пенсильванском университете, в прошлом руководитель одной из образованных президентом комиссий по борьбе с преступностью в Соединенных Штатах, заявил, выступая в качестве эксперта в одной из сенатских комиссий в Вашингтоне: «Весьма прискорбно, что политические деятели, коммерсанты и профсоюзные лидеры слишком часто не только изъявляют готовность к сотрудничеству с организованным преступным миром, но прямо-таки горят этим желанием». Это заявление вызвало громкий протест со стороны некоторых сенаторов, ссылавшихся на высокую мораль и цивилизацию своей страны. Однако, вернувшись домой, эти сенаторы прочитали в газетах о раскрытии крупного подпольного игорного концерна в федеральной столице, нити которого вели, в частности, в служебные помещения на Капитолийском холме, откуда сенаторы и члены палаты представителей управляют страной. А игорные предприятия — традиционная сфера деятельности мафии.

Мафия не гнушается и мелкими доходами, она получает их множество. Нет в Соединенных Штатах города, где мафия не зарабатывала бы огромные деньги с помощью запрещенных спортивных тотализаторов и лоте-

рей. Тщетно пытались власти штата Нью-Йорк посредством ими самими организованной лотереи направить азартные игры в упорядоченное русло, их лотерея не имела успеха; а лотереи, проводимые мафией, по-прежнему процветают, и любой американец, не стесняясь, участвует в них, ведь сосуществование с гангстерами стало чем-то само собой разумеющимся.

25 «семейств» мафии опутали Соединенные Штаты густой сетью, которая регулярно приносит им колоссальные уловы. Их принцип всегда одинаков: угрозой или применением силы они посягают на любой источник, который им приглянется. Действенность этого принципа достигается тем, что все в стране знают, что мафия готова применить силу в любой момент. Теперь именно мафия, а не полиция устанавливает свои законы. ФБР одерживает победы только в телевизионных детективах, в реальной жизни выигрывает всегда мафия.

В том числе и в борьбе с излишне дотошными прокурорами. Какими бы убедительными материалами против видных членов мафии прокуроры ни располагали, удивительно большое число гангстеров либо оправдывается судами, либо приговаривается к незначительным наказаниям.

В 60-е годы американская прокуратура привлекала к суду 328 членов мафии, которая насчитывает примерно 5 тысяч человек. Прокуроры хорошо подготовили обвинение, изобличающий материал казался убедительным, создавалось впечатление, что песенка гангстеров спета. Однако осуждены были только 182 обвиняемых, причем большинство из них получили незначительные сроки тюремного заключения; но даже эти сроки многие гангстеры не отбыли, поскольку ловкие защитники осужденных посредством юридических уловок добивались неоднократных отсрочек исполнения приговоров.

Кармине Ломбардоцци, считающийся одним из мелких руководителей семейной мафии в штате Нью-Йорк, может

служить убедительным примером высокоразвитого искусства гангстеров выставлять на посмешище законы. Его арестовывали несколько раз подряд — за убийство, за кражу со взломом, за похищение человека, за изнасилование и незаконное владение оружием. Отсидел же он менее пяти месяцев.

А Томас Лучезе, который на протяжении многих лет был главой этой семьи и одним из самых могущественных гангстеров страны, показал пример высокоразвитого искусства преступников поддерживать тесные контакты также с представителями правосудия. Лучезе имел обыкновение закупать десятками приглашенные билеты на благотворительные обеды; таким образом, этот известный гангстер сидел за одним столом с десятками юристов, в том числе со многими судьями, которые после обеда учтиво выражали Лучезе благодарность и не упускали случая похвалить «доброе» сердце закоренелого гангстера.

Но именно такое «доброе» сердце отправило на тот свет Альберта Агуэчи, который самостоятельно торговал наркотиками и, очевидно, не знал старой истины, которой мафия придерживается на протяжении вот уже более 70 лет: «Если ты становишься между законом и мафией, то бояться должен отнюдь не закона». Агуэчи был убит до того, как он постиг смысл этого изречения.

Его бизнес — торговля наркотиками — также входил в сферу деятельности мафии. Поскольку он, несмотря на это, продолжал на собственный страх и риск перевозить наркотики и сбывать их в Соединенных Штатах и Канаде, мафия решила положить этому конец. Вот что было записано, в частности, в протоколе, составленном полицией Буффало (штат Нью-Йорк):

«Труп Альберта Агуэчи, проживавшего на Армитаж-драйв, 21, в Скарборо, был найден в поле неподалеку от Рочестера, в штате Нью-Йорк. Руки его были скручены за спиной, ноги крепко связаны толстой веревкой. Он был задушен, челюсть разбита, половина зубов выбита. Пре-

ступники вырезали из его икр большие куски мяса. Они облили труп бензином и подожгли».

Полиция Буффало ни минуты не сомневалась в том, что Агуэчи погиб ужасной смертью от руки мафии, которая никогда не терпела соперников в своих делах. Однако Стефано Магадино, руководитель семейной мафии, которая контролирует Буффало, продолжал жить как ни в чем не бывало на своей вилле на Дейн-драйв в Льюистоне. Этот внешне невзрачный, но приятный старый господин не скупился на деньги, когда собирались средства в помощь беднякам. Он принимал активное участие в жизни города, обменивался любезными приветствиями со своими соседями, которые предпочитали не вмешиваться в его дела, потому что при таком соседстве чрезмерное любопытство могло оказаться пагубным.

Когда несколько позднее Майкл Эмико, детектив из Буффало, давал показания в одной из сенатских комиссий в Вашингтоне и заявил, что Магадино — главный руководитель организованных преступников в районе Буффало и Ниагара-Фолс и без его ведома не совершалось ни одного преступления, на вилле на Дейн-драйв ничего не изменилось. Любезный старый господин по-прежнему продолжал заниматься своими делами.словно обычный коммерсант, он является владельцем фирм «Магадино мемориэл чепел», «Пауэр дистрибьютинг компани» и «Камелиа лайнен сеплай компани».

Между прочим для преступников из синдиката мафии характерно, что они не пытаются проникнуть в те сферы, где богатство обычно выставляется напоказ. Для создания видимости законности им достаточно мелких предприятий, а для незаконных операций они располагают счетами в швейцарских банках, на которые поступают также прибыли, получаемые членами синдиката от контрабанды сигарет.

В штате Северная Каролина, одном из американских штатов, где выращивается табак, не взимаются налоги

на сигареты, а штат Нью-Йорк в противоположность этому облагает их высокими налогами. Поэтому члены мафии провозят контрабандным путем миллионы сигарет из одного штата в другой, получая чистую прибыль в размере 60 процентов их стоимости. Время от времени кто-нибудь из контрабандистов попадает, иногда даже подвергается наказанию, а бывает, что полиции удается раскрыть крупную аферу. Но еще никогда ни один из пойманных контрабандистов не признался, что занимался контрабандой от имени и по поручению мафии.

Иммунитетом могущественного человека пользовался на протяжении многих лет в Провиденсе, в небольшом штате Род-Айленд, Реймонд Патриарка, который считался главой клана. Начальник полиции штата Род-Айленд Уолтер Стоун говорил, что Патриарка заправляет организованным преступным миром всей Новой Англии. Стоун доказал, что Патриарка оказывал большое влияние на профсоюзы, а также зарабатывал огромные деньги с помощью широкой сети игорных предприятий. Помимо этого, по словам начальника полиции, Патриарка и его люди, обладавшие острым нюхом на прибыльные сделки, иногда занимались изготовлением наркотика ЛСД, который они с полным на то основанием рассчитывали выгодно сбывать среди студентов в Бостоне и его окрестностях. Стоун выдвигал одно обвинение за другим, а Патриарка, как это ни странно, на протяжении многих лет находился на свободе.

Он оставался на свободе не только потому, что свидетели, которые могли бы изобличить его, к неудовольствию прокуроров часто страдали полными провалами памяти. Он оставался на свободе также потому, что американское законодательство имеет множество лазеек, и к тому же страна кишит адвокатами, усматривающими свою задачу в том, чтобы оградить от наказания своих даже виновных клиентов. В некоторых же случаях неприкосновенность и неуязвимость мафии объясняется тем, что политические

деятели, судьи и полицейские делают общее дело с гангстерами на выгодной для обеих сторон основе, деля выручку пополам.

Так обстояло, например, дело в Детройте. В этом городе всем было известно, что мафия содержит в одном из отелей в центре негритянского квартала притон, где играют в запрещенные азартные игры. Дело шло хорошо из года в год. В этом притоне мафия чувствовала себя как у Христа за пазухой, а сам притон стал такой же неотъемлемой частью города, как автомашины, построенные заводами «Форд», «Дженерал моторз» и «Крейслер».

Но вот появился новый комиссар полиции, который отдал распоряжение о ликвидации этого противозаконного заведения. Результат оказался впечатляющим. Прежний мэр действовал заодно с мафией, равно как и главный прокурор, шериф и 250 полицейских, которые испытывали естественное удивление по поводу того, что новый комиссар полиции решился на столь крутые меры.

Все брали взятки, и всем пришлось понести теперь наказание, хотя и мягкое. Но только не руководителям мафии. Защищенные самой хитрой в мире преступной организацией и свидетелями, которые «ничего не знали», они незамедлительно начали восстанавливать на старом месте старый бизнес, ибо этого хотели клиенты, и, кроме того, игорный притон приносил им в год свыше 20 миллионов долларов.

По свидетельству комиссара полиции Эдвардса, эти деньги — лишь малая толика общих доходов мафии в районе Детройта, которые, по приблизительным подсчетам, составляют 150 миллионов долларов в год. Наряду со столь грубыми формами наживы, как кражи со взломом, шантаж, проституция и грабежи, эти доходы складывались также из прибылей от ростовщичества, сомнительных сделок на ипподроме Хейзл-Парк в Детройте и отчислений тех законных предприятий, в которые преступники из мафии имеют обыкновение вкладывать капитал,

когда они, не в последнюю очередь из страха перед налоговыми инстанциями, пытаются придать себе буржуазный респектабельный вид.

В Майами только внешне дело обстоит иначе, чем в Детройте. В крупнейшем автомобильном центре мира преступники вынуждены действовать в отравленной отходами промышленности атмосфере, между грязносерыми стенами унылого города, столь же богатого, сколь и уродливого. А на юге, на берегу Атлантического океана, гангстеры и зимой ходят в легком платье, полной грудью вдыхают здоровый морской воздух. Солнце, жаркое здесь даже зимой, обычно привлекает большое число американцев, которые живут в более холодных широтах и готовы раскошелиться за удовольствие пожить в прекрасном Майами.

В Майами трудно истратить деньги так, чтобы они не потекли в бездонные кассы мафии. По мнению полиции, мафии принадлежат или находятся под ее влиянием 45 отелей и 25 ресторанов. В остальных отелях, ресторанах, кабаре, где показывают стриптиз, и в ночных клубах они по крайней мере частично снимают сливки. А поскольку у богатых американцев вошло в моду снимать апартаменты на роскошной Коллинз-авеню в Майами-Бич, на берегу Атлантического океана, гангстеры усердно и с немалой прибылью освоили эту многообещающую отрасль гостиничного дела.

Время от времени мафия ликвидирует тех, кто нарушает приказы и правила. Это тоже почти всегда сходит ей с рук. Правда, полиция в южной части Флориды может сослаться на то, что ей удастся расследовать 97 процентов убийств, когда речь идет об убийцах и убитых, так сказать, из простого народа. Но при расследовании убийств, где явно виден почерк мафии или же очевидна ее причастность, полиция действует медленно. Из последних 23 убийств, которые связывают с мафией, полиция сумела раскрыть только одно.

Губернатор «солнечного штата» Флорида Клод Керк, которого серьезно встревожили пассивность полиции и сведения о все расширяющейся деятельности организованного преступного мира в подведомственном ему штате, решил развернуть крупное наступление на мафию и объявил ей войну. Поскольку собственная полиция была явно не в состоянии расчистить грязь, которая скопилась под голубым небом Флориды, Керк нанял ей в подмогу могущественную американскую организацию Уэкенхата — частную полицию, названную так по имени бывшего агента ФБР, который предпочел зарабатывать большие деньги независимо от федеральной уголовной полиции.

Губернатор ожидал донесений об успехе, честные граждане пребывали в надежде, а мафия не без оснований со злорадством скалила зубы. Ибо уже вскоре у губернатора иссякли деньги, детективы Уэкенхата, ничего не добившись, отбыли восвояси. Штурм крепости мафии во Флориде не состоялся, а Керк вскоре ушел с поста губернатора.

Многое говорит о том, что Карлос Марчелло предвидел исход борьбы во Флориде. Марчелло, который пытается скрыть свой маленький рост — всего около 160 сантиметров — с помощью высоких каблук, считается, правда, главой мафии в Новом Орлеане, но как глава семейства в штате Луизиана, отделенном от Флориды только Мексиканским заливом, он, по вполне понятным причинам, был крайне заинтересован в сохранности бизнеса и во Флориде, тем более что и он обратил свои взоры к туризму и, между прочим, владеет прекрасным мотелем «Таун энд кантри» в предместье популярного у туристов Нового Орлеана.

Дела в мотеле идут хорошо, но для маленького Марчелло это — детская игрушка. Действительно, по данным агентов ФБР, доходы Марчелло от разного рода операций достигают феноменальной цифры 400 миллионов долларов в год. Он наряду с нефтяными магнатами отно-

сится к числу наиболее крупных денежных воротил штата. Марчелло и его люди столь же активно участвуют в сделках в порту, как и в организованной проституции, в игорных домах, как и в широкой торговле наркотиками.

Лишь однажды над Марчелло и его сообщниками нависла серьезная угроза, и человек, который выступил против него, стрелял действительно из пушки устрашающего калибра. Это был Роберт Кеннеди. В бытность министром юстиции в кабинете своего брата Джона он задался целью уничтожить мафию, а вместе с ней и маленького человечка из Нового Орлеана, который мог позволить себе бросить сотруднику уголовной полиции такие слова: — Ты, видно, не знаешь, кто здесь хозяин?

Роберт Кеннеди не достиг поставленной цели. Его брат, президент, был убит человеком, который частенько бывал в Новом Орлеане (с тех пор по городу поползли слухи, что убийца Кеннеди был нанят в Новом Орлеане мафией). Преемник президента Джонсон уже в скором времени не нашел Роберту Кеннеди применения в своем кабинете, а борьба против мафии, которая ни до тех пор, ни после не велась с шансами на успех, заглохла, увязнув в трясине повседневной американской политики.

Несколько лет тому назад у полицейских и чиновников уголовной полиции в Лас-Вегасе появилась надежда, что с мафией будет покончено. Дело в том, что сумасбродный миллиардер Говард Хьюз под покровом ночи прибыл в этот город казино и отелей и сразу же начал десятками скупать их. Этот владелец несметных богатств сделал то, что до тех пор казалось невозможным: гангстеры поняли, что в их сферу вторгся человек, которого не смогут одолеть даже они, и они ретировались.

Но не надолго. Они уже снова тут, во всяком случае многие из них. Лас-Вегас, где Хьюз бывает наездами, снова стал обетованной землей для мафии; ее кланы из всех частей страны имеют долю в предприятиях, дающих огромные барыши; звезды из Голливуда не спрашивают,

кому что принадлежит, когда их приглашают на гастроли в Лас-Вегас; их интересуют лишь гонорары, которые достаточно высоки. Поэтому они приезжают сюда; приезжают и туристы: что для них мафия, ведь в Лас-Вегасе всегда весело.

Фрэнк Синатра — звезда международного класса, а не только Лас-Вегаса. Этот мужчина невысокого роста, не очень видный, обладает приятным, хотя и небольшим голосом. Однажды его карьера была близка к закату, и он был почти предан забвению, как вдруг снова всплыл; это было поразительное возвращение. Он стал легендой при жизни, богатым даже по американским понятиям.

Между тем газета «Уолл-стрит джорнэл» выступила с утверждением (которое никто не опроверг) о том, что некоторые из самых близких друзей Синатры — члены мафии. К числу тех немногих, кому строго следящий за своей внешностью певец Фрэнк Синатра позволяет оставаться в комнате, когда он снимает с лысеющей головы парик, принадлежит небезызвестный Джозеф Фискетти. Фискетти — родственник легендарного Аль Капоне, является, по мнению детективов, старым деятелем преступного мира. Столь же близок к певцу был до самой смерти пресловутый член мафии Куарико Моретти. В прекрасном отеле для туристов и любителей азартных игр «Кэль нейве лодж» на берегу озера Тахо в Неваде, совладельцем которого был тот же Синатра, долгое время скрывался видный член чикагской мафии Сэм Джанкана.

После того как против Синатры было начато судебное следствие, он явно с неохотой расстался со своей долей в «Кэль нейве лодж», который был для него золотым дном, как до этого пришлось отказаться от доли в прибылях от рысистых испытаний на ипподроме Бершир-Даунс в штате Массачусетс. Полиция обнаружила, что вместе с Синатрой и итальянским певцом Дином Мартином в этом деле участвовал Реймонд Патриарка — босс мафии в Новой Англии.

В любой другой стране Синатра после таких разоблачений оказался бы «конченным» человеком. Но в Америке дело обстоит иначе. Фрэнк Синатра не только мог быть и впредь уверен в собственном шумном успехе, но даже оказывал содействие в проведении предвыборных политических кампаний крупного калибра.

В 1960 году в предвыборной борьбе между Ричардом Никсоном и Джоном Кеннеди за пост президента певец усердно и успешно агитировал за Кеннеди, который лишь позднее через своего брата Роберта узнал о прошлом Синатры и ослабил узы дружбы с ним. Восемью годами позже, когда уже действительно никто больше не питал иллюзий насчет темных делишек Фрэнка Синатры, Губерт Хэмфри считал для себя честью использовать маленького Синатру в качестве помощника в предвыборной борьбе за кресло президента. В 1970 году Синатра активно агитировал в Калифорнии за переизбрание на пост губернатора бывшей звезды экрана Рональда Рейгана.

Фредерик Лейси, федеральный прокурор штата Нью-Джерси, который однажды безуспешно приглашал Фрэнка Синатру на допрос по делам преступного мира, знает историю этого певца. Лейси был по природе борцом, он отнюдь не стремился к миру с мафией, он хотел добиться порядка. После того как из месяца в месяц к нему поступали документы, изобличавшие деятельность преступного мира в родном штате Синатры, он решил выступить с заявлением.

— Организованный преступный мир, — говорил он, — в буквальном смысле слова намеревается захватить власть в нашем штате. Гангстеры подкупили чиновников на всех уровнях правительства и администрации. Дело дошло до того, что гангстеры разворачивают свою деятельность в новых городах и общинах, заранее обезопасив себя деньгами от преследования и ареста.

Это было смелое выступление, а если учесть историю штата Нью-Джерси, то даже очень смелое. Еще до Лейси

федеральные прокуроры Джон Уинберри и Нельсон Стемлер делали аналогичный вывод о положении в Нью-Джерси, но этот штат оплатил им черной неблагодарностью: обвинители были освобождены от своих обязанностей. Ни преступники, ни тесно связанные с ними чиновники и политические деятели не хотели, чтобы какие-то честолюбивые, чрезмерно любопытные ищейки нарушали порядок, и когда прокуроры покорились судьбе, люди из мафии еще больше укрепили свои позиции, пока не добились того, что Нью-Джерси стал пользоваться славой самого коррумпированного штата США, безраздельной сферой их деятельности.

Фредерик Лейси взялся за дело с серьезным намерением. Обширный изобличающий материал, который он представил общественности, оказался материалом такого калибра, что произвел впечатление даже на преступников. Дело в том, что федеральный прокурор решил опубликовать досье «НК-2251-С»: выдержки из подслушанных разговоров между известными гангстерами, встречавшимися регулярно в одном невзрачном здании в Маунтенсайде, где они под началом одного из руководителей клана Анджело де Карло критически подводили итоги прошлых дел и намечали новые.

Публикация этих материалов потрясла даже привыкший к мафии штат Нью-Джерси, ибо теперь можно было слово в слово прочитать о том, что рассказывали друг другу Анджело де Карло и его сообщники в ходе своих секретных встреч, о подкупах видных политических деятелей и служащих правосудия в этом штате и т. п. По их словам, они прибрали к рукам трех самых видных деятелей демократической партии, по традиции самой влиятельной партии штата Нью-Джерси, а также начальника полиции Доминика Капелло и смещенного тем временем мэра Ньюарка (крупнейшего города штата) Хью Аддоницио. Кроме того, как явствовало из записи разговоров, они заручились длительным и сочувствен-

ным молчанием некоторых судей и полицейских. Даже о губернаторе штата они вели разговор, из которого следовало, что он тоже причастен к союзу темных сил. Наконец, в разговоре между бандитами упоминалось и имя Фрэнка Синатры, который после этого предпочел, несмотря на повестку о вызове в суд, не появляться в штате Нью-Джерси.

В своей борьбе против мафии прокурор Лейси взял правильную цель, но выпущенный им снаряд, тем не менее, не достиг ее. Суды не признали изобличающий материал: в соответствии с действующим правом подслушанные разговоры не могли быть использованы против участников беседы с де Карло. Кроме того, в разговорах фигурировали, также в несколько сомнительной связи, фамилии членов республиканской партии, так что обе партии в одинаковой мере вынуждены были опасаться за свою репутацию, что отнюдь не могло способствовать энергичному расследованию в парламенте штата.

В этих обстоятельствах бурные волны, приведенные в движение прокурором Лейси, неизбежно должны были снова улесться; они улеглись. Азартные игры продолжают и дают большие барыши. Мафия видоизменила свою деятельность в той мере, в какой у нее были основания для реорганизации и для сбрасывания балласта, а ростовщики, которых повсюду люди, нуждающиеся в деньгах, называют «докторами», по-прежнему любезно предлагают деньги, а потом становятся ненасытными гиенами.

Очень редко, да и то лишь в результате какого-нибудь злосчастного промаха и против собственной воли мафия позволяет общественности ознакомиться с практикой «докторов». Такая неприятная осечка случилась в одном из районов Нью-Йорка — Бруклине с боссом мафии Джозефом Коломбо. В тот момент Коломбо и без того находился в затруднительном положении. В Вашингтоне конгрессмены допрашивали его о соучастии в деятельности

мафии, которое Коломбо категорически оспаривал. Когда же они в своих вопросах стали все более настойчивыми, Коломбо просто отказался отвечать, сославшись на пятую поправку к американской конституции.

Но не успел Джозеф Коломбо отвертеться от любопытных поначалу, а затем разозлившихся парламентариев и вернуться в родной Бруклин, как на него обрушилась новая и еще бóльшая неприятность: полиция устроила облаву и ворвалась в дом № 8648 на 18-й авеню.

В этом доме размещался «Бенсонхерст соушл клуб», который, правда, имел мало общего с социальными проблемами. Когда полиция вошла в помещение клуба, ей представилась следующая картина: стены забрызганы кровью, на полу лужи крови, кровь была и на потолке, она была везде. Зрелище было столь отвратительным, что один из полицейских сравнил клуб с бойней.

Но это была отнюдь не бойня. Здесь просто «практиковали» «доктора». В этом помещении неплатежеспособные или отказывавшиеся платить должники ростовщиков из мафии снова становились платежеспособными и желающими платить. Это была камера пыток.

Ни один из подвергшихся здесь пыткам должников не заявил в полицию. Ни один из соседей на 18-й авеню не поставил в известность полицию, когда из камеры пыток доносились ужасающие вопли жертв. Ибо когда имеешь таких соседей, не следует совать нос в их дела. К тому же обращение в полицию едва ли дало бы результат, поскольку полицейские, ответственные за дом № 8648 по 18-й авеню, как вскоре стало известно их коллегам, были подкуплены ростовщиками.

У Джозефа Коломбо, который, как полагала полиция, был владельцем «Бенсонхерст соушл клуб» (на следующий же день после внезапной полицейской облавы было вывешено объявление о сдаче помещения клуба), на прежде гладком лбу появилось несколько морщин. Не потому, разумеется, что его охватил страх перед американ-

ским правосудием, ведь виновность его отнюдь не была доказана, да и весьма сомнительно, чтобы ее удалось когда-нибудь доказать за отсутствием свидетелей, готовых давать показания. Коломбо испытывал тревогу потому, что гангстеру не следует допускать глупых промахов, ведущих к неприятностям. Ведь мафия — не кружок художественной самодеятельности, срывы тут не предусмотрены, система должна функционировать безотказно. И поэтому Джозеф Коломбо дрожал в ожидании очередной встречи боссов мафии, ибо вполне могло случиться так, что, играя в гольф или попивая шампанское в родном Майами или в столь же милом их сердцу Лас-Вегасе, они, между прочим, примут решение быстро и бесшумно отделаться от неудачника Коломбо.

Если бы дело дошло до этого, Джозефу Коломбо был бы быстро найден достойный преемник, никакого перерыва в деятельности мафии не было бы. Слишком глубоки и цепки корни «Коза ностры», слишком вялы попытки правительства повести решительное наступление на мафию (ведь еще 10 лет назад директор ФБР Эдгар Гувер категорически оспаривал существование мафии) и слишком легко примирилось население с деятельностью самого разбойничьего преступного синдиката, который когда-либо творил свое грязное дело в какой-либо цивилизованной стране.

В статье об организации и деятельности мафии журнал «Тайм», в частности, писал: «Если среди населения не вспыхнет бунт, мафия, по всей вероятности, сохранится и впредь». Журнал не питал особых надежд на такой бунт, ибо «американское рыхлое, разношерстное и податливое общество открывает прямо-таки исключительные возможности перед преступниками, обладающими предприимчивостью и богатой фантазией. Но что еще более важно, американское общество помогает гангстерам, оно относится к ним терпимо, а иногда даже восхищается преступниками».

Действительно, Америка окажется скорее без Белого дома в Вашингтоне, чем без мафии. В финансовом отношении мафия сегодня более могущественна, чем несколько самых крупных концернов Америки, вместе взятых, которые, в свою очередь, оставляют далеко позади все, что считается крупным и могущественным в Европе. Одна из учрежденных президентом комиссий по расследованию деятельности преступного мира в экономике выполнила, несмотря на все свои старания, поставленную перед ней задачу лишь частично и констатировала с сожалением: «Общие масштабы проникновения мафии в промышленность Соединенных Штатов не поддаются учету».

И это действительно так. Учету поддаются только мелочи, своего рода верхушки айсберга, которые иной раз появляются на поверхности. Все это второстепенные, незначительные для мафии, хотя и бросающиеся в глаза детали, которые скорее забавляют, чем ужасают американского обывателя.

Когда, например, министерство юстиции в Вашингтоне информировало администрацию Чикаго, считающегося оплотом мафии, о том, что 29 полицейских города состоят на службе у мафии и что, видимо, их следовало бы привлечь к ответственности, мэр города поначалу игнорировал этот совет Вашингтона, а немного позднее прореагировал на него отнюдь не так, как представляли себе блюстители законности в Вашингтоне: некоторые из упомянутых 29 полицейских получили повышение по службе.

Ричард Кейн, помощник шерифа округа Кук, в который входит Чикаго, подверг интенсивной проверке на детекторе лжи группу лиц, ограбивших банк, и людей, которые знали об этом ограблении. Однако Кейн, как выяснилось позднее, сам сотрудничал с мафией, и поэтому его интересовали не подробности ограбления банка, а человек, который выдал грабителей. Доносчик был выявлен и через некоторое время найден убитым.

В Колумбус, в штате Огайо, прибыли три агента ФБР,

которым предстояло выявить нелегальный игорный дом в этом городе. Но они успели немного. Местные полицейские арестовали своих коллег из Вашингтона, обвинив их в появлении в общественных местах в нетрезвом виде. Оказалось, что колумбусские полицейские находились на содержании местной группы мафии, получали от нее ежемесячно 8 тысяч долларов и поэтому имели 8 тысяч причин держать «возмутителей спокойствия» из ФБР под замком по крайней мере до тех пор, пока не были заметны следы игорного притона.

Вашингтон, столица страны, — тоже не запретная зона для мафии. Свидетельство тому не только игорный притон, который собирал выручку даже на Капитолийском холме, в самом сердце этой мировой державы. Когда агенты ФБР после кропотливой и опасной работы собрали улики, свидетельствовавшие о финансовых махинациях в игорных домах Лас-Вегаса, и отправили их в министерство юстиции в Вашингтон, они могли радоваться своей победе всего каких-нибудь несколько дней. Не успели они выехать из Лас-Вегаса, как полный список собранных ими доказательств очутился в руках мафии в Лас-Вегасе. У лиц, упомянутых в списке, было достаточно времени, чтобы замести следы, уничтожить улики и избежать уголовного преследования.

Один из заключенных ударил рукой об стену, закричал, ударил еще и еще раз, затем с плачем рухнул на каменный пол, из разбитой руки потекла кровь.

Его примеру последовали другие — четырнадцать за одну ночь. Они разбивали себе руки и ноги о каменную стену, некоторые рассекали ножами ахиллово сухожилие, душераздирающие стоны сотрясали стены, повсюду плачущие, кричащие мужчины, повсюду кровь; ни дать ни взять — сцена из третьеразрядного фильма.

Но это было не в кино. Дело происходило в тюрьме штата Канзас. К концу ночи число заключенных, причинивших себе увечья, достигло 300. Ранее в этой же тюрьме было зарегистрировано 15 поджогов и несколько бунтов, а также бесчисленное множество убийств в камерах и изнасилований. Все это произошло не столетия назад, а в конце лета 1969 года.

Американские газеты помещали сообщения о событиях в тюрьмах в штате Канзас под крупными заголовками. Но сколь бы драматичными они ни были, аналогичные случаи были и будут еще долго, может быть, всегда, потому что в Соединенных Штатах — самые примитивные и страшные тюрьмы, какие только можно найти в цивилизованных странах мира.

Мятеж в тюрьме штата Канзас был вызван рядом обстоятельств, которые в большей или в меньшей степени присущи сотням американских тюрем. Лишь формально во главе тюрьмы стоял начальник, на самом же деле в ней заправляла шайка преступников, которые требовали от остальных заключенных уплаты определенной суммы за то, чтобы их не трогали, избивали заключенных, терроризировали не только их, но и надзирателей.

Во время одной из облав в этой тюрьме были обнаружены десятки ножей, дубинки, наркотики и даже писто-

леты. На протяжении полутора лет в тюрьме было совершено шесть убийств; некоторые из заключенных были избиты до такой степени, что остались калеками на всю жизнь. Однако пострадавшие категорически отказывались назвать имена мучителей, предпочитая страдать, так как не ожидали помощи от охраны, равно как и от начальника тюрьмы, которые по сути дела не были ее настоящими хозяевами.

Большинство надзирателей действовали заодно с подлинными хозяевами тюрьмы из числа заключенных, доставали им наркотики, передавали тайно записки; они приспособливались, ведь заключенные когда-нибудь снова выйдут на волю, и поэтому нельзя навлекать на себя их гнев; к тому же так было заведено с давних пор в тюрьме штата Канзас, да и не только в Канзасе, а во всех уголках страны, где имеются еще более жуткие тюрьмы.

Один из надзирателей пошел наперекор установившемуся порядку. Он не польстился на подкуп, игнорировал угрозы. И вот однажды на его голову упало шесть кирпичей; он слишком поздно понял, что тюрьма — не место для благородных принципов.

В тюрьме штата Луизиана в Анголе пока еще не было бунта, но он может вспыхнуть в любой день, поскольку положение здесь несколько не лучше, чем в Канзасе, и начальник тюрьмы Мэррей Гендерсон знает об этом.

Гендерсон принадлежит к числу тех тюремных служащих, которые хотели бы добиться изменения американской тюремной системы. Он лелеет мечту об исправлении и перевоспитании узников, но все это стоит денег, а штат их не дает. Поэтому тюрьма по-прежнему в запустении, в грязи, 60 процентов заключенных неграмотны и останутся неграмотными, заключенные охраняют заключенных, так как не на что нанять для этого достаточного количества тюремных сторожей. Здесь тоже образовалась своего рода иерархия: заключенные терроризируют

заклученных, совершаются тайные преступления, но о них молчат.

Гендерсон против собственной воли посылает заключенных работать на поля тюрьмы, где они ножами срезают сахарный тростник. Ему, собственно, хотелось бы, чтобы они овладели каким-нибудь хорошим ремеслом, которое пригодится им, когда они снова окажутся на свободе. Они не учатся ничему, что могло бы облегчить им на воле жизнь в обществе, они учатся только обращению с ножом, если не научились этому еще раньше; и многие из них, по-видимому, будут пробивать себе ножом путь в жизнь.

Несмотря на непрерывно растущую преступность, в США построено после второй мировой войны только две федеральные тюрьмы. Еще в 1965 году во многих блоках единственной федеральной женской тюрьмы не было туалетов. Когда в 1968 году конгресс пересматривал бюджет с точки зрения возможности экономии, он полностью вычеркнул расходы только по одной статье — на профессиональную подготовку заключенных.

Это неизбежно ударяет рикошетом по государству: 80 процентов тех, кому удается выбраться из не знающего пощады ада американской тюремной системы, мстят обществу и становятся рецидивистами.

Иногда газеты информируют Америку о неблагоприятном положении за тюремными стенами. Время от времени учреждается какая-нибудь парламентская комиссия по расследованию, которая составляет доклад и дает рекомендации. Но несмотря на все это, во многих тюрьмах страны царят средневековые порядки.

Специалисты, которые пытались узнать правду об американских тюрьмах, а затем исследовали реакцию граждан на эту правду, обнаружили, что граждане остались равнодушными к жалобам заключенных, равно как и к попыткам их перевоспитания. Большинство граждан считает, что настало время позаботиться о законности и

порядке, поскольку на страну обрушилась беспримерная волна преступности, и если преступникам в тюрьмах приходится туго, так им и надо, пусть извлекут для себя урок.

Дональд Смит, например, уже не может извлечь никакого урока. Он сидел в тюрьме округа Кук в Чикаго. Как-то в беседе с судьей Смит рассказал о царящих там порядках. Судья не поверил заключенному и отправил его обратно в камеру. На следующее утро Смита нашли мертвым, очевидно кто-то его повесил, но официальный медицинский эксперт предпочел констатировать самоубийство.

18-летний Исмаил Нивз написал из той же тюрьмы округа Кук письмо матери, в котором жаловался, что не в состоянии более переносить побои от других заключенных. Не успела еще мать что-либо предпринять, как Исмаил Нивз был умерщвлен: кто-то поджег ночью его матрац. И в данном случае официальный медицинский эксперт предпочел указать в качестве причины смерти самоубийство; это избавляло его от каких бы то ни было дальнейших бюрократических осложнений.

Америка обязана этими сведениями из тюрьмы округа Кук в Чикаго Биллу Дэвидсону, одному из тех американских журналистов, которых называют бесстрашными. Он рассказывал и о других кошмарах этой тюрьмы.

И по сей день в этой тюрьме на юго-западной окраине Чикаго сразу же за зданием уголовного суда избивают, шантажируют, насилуют, а иногда и убивают заключенных. Председатель комиссии штата Иллинойс (в который входит Чикаго) по вопросам преступности смущенно констатировал: нечто подобное, очевидно, было возможно только во времена испанской инквизиции.

Многие официальные представители инспектировали в разное время тюрьму округа Кук; они видели избитых узников, которые не желали говорить, и тюремщиков, которые оказывались не намного разговорчивее. В Чикаго с его хронической коррупцией такие инспектора не могли

ничему помочь, несмотря на то что посещали тюрьму с благим намерением; они составляли подробные, изобличительные доклады, которые, однако, где-то регистрировались и откладывались в сторону.

Многомиллионный город никогда не волновало то, что с 1929 года, когда была построена эта тюрьма, не проходило ни одного года без пыток, убийств, террора, порой фантастических случаев подкупа. Первый начальник тюрьмы Эдвард Фогарти не имел никаких шансов превратить этот сумасшедший дом в респектабельную тюрьму; но у него была, по крайней мере, совесть, и он не выдержал, у него сдали нервы. Фогарти закрылся в своем кабинете и покончил с собой.

Его преемники уже не делали этого, они просто приспособливались к обстоятельствам, ведь Америка славится тем, что там приспособливаются к казалось бы невыносимым условиям. То, с чем столкнулись преемники Фогарти, было, конечно, ужасно, но обстоятельства были сильнее, и, кроме того, террор преступников в общем гарантировал спокойствие. Подвергшиеся побоям заключенные очень редко говорили об этом, а уж если они и говорили, то можно было, как правило, позаботиться о том, чтобы их жалобы не выходили за пределы тюрьмы. К тому же жалобщикам можно было внушить, что жаловаться не следует.

В тюрьме округа Кук во всех блоках курят марихуану, процветает черный рынок, есть свои боссы и шайки преступников. Никому неизвестно, сколько у заключенных оружия, денег, наркотиков. Никто не знает также в точности, сколько человек на самом деле было убито, так как не всегда можно положиться на заключения врачей о причине смерти, не всегда самоубийство было действительно самоубийством, но в свидетельстве о смерти оно выглядит убедительнее.

Но в той же тюрьме округа Кук сидят «почтенные» гангстеры, богатые даже в тюрьме. Для них из дорогих

ресторанов в камеры доставляют самые изысканные кушанья, им разрешается вести деловые разговоры по телефону из тюремной конторы, иногда им разрешается выходить из тюрьмы, и они возвращаются обратно пьяными. В их камерах есть виски, проигрыватели, звучит веселая музыка, стража закрывает на все это глаза, сочувственно улыбается, ведь спорить с этими благородными господами нельзя. Они когда-нибудь снова окажутся на свободе, станут еще более могущественными, чем сейчас, может быть, они когда-нибудь и отблагодарят.

Город Чикаго хранит молчание, он всегда молчал. По его улицам ходят тысячи людей, которые могут подтвердить, что в Чикаго есть что-то от Дахау, но город ничего не хочет знать — у него «другие заботы».

Женщины тоже могут подтвердить, что тюрьма округа Кук — суший ад. Тюремные камеры для женщин также всегда переполнены, повсюду грязь, паразиты, крысы. Так же, как и среди мужчин, между заключенными женщинами вспыхивает вражда, соперничество, организуются шайки, имеются извращения, жертвы и подкупленные надзирательницы.

Иначе обстоит дело на тюремных фермах Каминс и Такер в Арканзасе. Поля этой тюрьмы бескрайни, ближайший город расположен где-то далеко, а до главного города штата — Литл-Рока более сотни километров.

За то, что тюрьмы штата Арканзас приобрели столь же печальную известность, как и тюрьма округа Кук, следует благодарить прежде всего 40-летнего мужчину, который пошел в эти тюрьмы, чтобы предпринять совершенно необычную для юга Соединенных Штатов попытку. Он хотел сделать эти тюрьмы гуманными, хотел возглавить тюрьму, в которой намеревался воспитывать и исправлять преступников. Человека этого зовут Том Мэртон.

Тщедушный, тихий, осторожный, в очках с роговой оправой и в рубашке в крупную клетку он выглядел

отнюдь не бойцом и, тем не менее, развернул в равнинном Арканзасе борьбу, которую, в конечном счете, проиграл, потому что по законам этого штата был обречен проиграть ее.

После того как на протяжении длительного времени распространялись неприятные слухи о положении на тюремных фермах в Каминсе и Такере, губернатор штата Арканзас Уинтроп Рокфеллер назначил Тома Мэртон начальником тюрем этого штата. Предшественника Рокфеллера на посту губернатора, небезызвестного расиста Орвала Фобуса эти слухи не волновали, и он не пытался разобраться в них, пока один из журналистов не пригрозил ему опубликованием информации, полученной им из тюрем.

Оказавшись таким образом припертым к стенке, Фобус отдал распоряжение обследовать положение в Каминсе и Такере. Результаты оказались потрясающими даже по масштабам южных штатов и угрожали перерасти в скандал.

На протяжении многих лет на фермах царили коррупция, пытки, розги, обман и террор. На протяжении многих лет надзиратели наживались, богатели, а те заключенные, которые благодаря своей жестокости сами становились тюремщиками, применяли такие методы, которые до сих пор были известны только в германских концентрационных лагерях. Если во время работы в поле кого-нибудь уличали в том, что он съел огурец, его немедленно наказывали десятью ударами плеткой, а если наказуемый забывал при этом восклицать между ударами «О капитан!», он получал еще десять ударов. Кровь стекала по ногам, но узник продолжал работать, пощады не было, в Каминсе и Такере не знали пощады.

Начальником тюрьмы в Такере на протяжении 12 лет был Джим Брутен. Ранее он представлял жителей Арканзаса в парламенте этого штата в Литл-Роке, несколько позднее был помощником шерифа в округе Конуэй. Бру-

тен жил в Такере, как король, у него была вилла из четырнадцати комнат, каждый год новая автомашина, бесплатные обеды и вино. Многие коммерсанты были непрочь наладить деловые связи с тюрьмой, так как это была огромная ферма, на которой можно было кое-что выращивать и для собственного кармана.

Брутен был в Арканзасе чем-то вроде коменданта концентрационного лагеря. Он широко пользовался ременной плеткой, применение которой разрешено в арканзасских тюрьмах в качестве дисциплинарной меры, пускал в ход кулаки; он давил помидоры о глаза заключенных; нередко Брутен прибегал и к тяжелой дубинке, но больше всего он гордился так называемым «телефоном Такера». Это его собственное дьявольское изобретение представляло собой электрический аппарат, который Брутен подсоединял к пальцам ног и половым органам заключенных, а затем пускал ток. Большей частью после таких пыток, которые он называл «телефонным разговором», заключенные надолго теряли сознание.

Джим Брутен не уцелел на этом посту после опубликования подробного отчета об этом и других скандалах в тюрьмах Каминса и Такера, он был отстранен.

Преемнику Брутена эта дикая тюрьма оказалась не по силам, и он ушел через три месяца. Следующий начальник тюрьмы пробыл в этой должности всего 30 дней, ни на минуту не расставаясь с автоматической винтовкой; перед ним были заключенные, которых он панически боялся.

И тогда появился Том Мэртон. В прошлом он был помощником профессора криминалистики, начальником военной тюрьмы, возглавлял ряд гражданских тюрем в Аляске. Он пользовался доброй славой.

Губернатор Рокфеллер признался Тому Мэртону, когда тот предстал перед ним в Литл-Роке, что «положение в наших тюрьмах вопиющее», но Мэртон был уверен в себе и в том, что справится с порученным делом.

Новых узников уже не стригли наголо; были пресечены темные махинации на кухнях. Мэртон уволил надзирателей, которые были несогласны с необходимостью гуманного отношения к заключенным.

Мэртон отдал распоряжение навести чистоту в тюрьмах, которые до сих пор утопали в грязи. Был расторгнут заключенный на длительный срок договор, по которому д-р Остин Стау брал у заключенных кровь, причем этот врач платил каждому донору за дозу крови 5 долларов, а продавал ее за 15 долларов. Стау зарабатывал на этом около 130 тысяч долларов в год.

По указанию Тома Мэртона тюремный врач д-р Эдвин Бэррен изучил ряд свидетельств о смерти заключенных в Каминсе и Такере и столкнулся со странными делами. Он нашел справки о смерти либо без подписи врача, либо с совсем не по-медицински сформулированными причинами смерти, причем поразительно большое число молодых узников умирало от «острых сердечных приступов». С медицинской точки зрения, такого не могло быть, и доктор заподозрил неладное. Он поговорил об этом с Томом Мэртоном, а затем Рубеном Джонсоном, «ветераном» тюрьмы, просидевшим в ней с кратким перерывом 31 год.

Рубен Джонсон знал многое. Он рассказал, например, как в рождественскую ночь 1947 года один из надзирателей ломом убил заключенного Джейка Джексона, а Рубен Джонсон по его приказу сколотил гроб и похоронил Джейка Джексона неподалеку от сараев, в которых держали тюремных собак. Там же, по словам Джонсона, были захоронены и некоторые другие заключенные.

Нашлись свидетели, рассказавшие об одном заключенном, которому надзиратель обмотал горло колючей проволокой, затем привязал его этой же проволокой к лошади и гнал ее рысью, пока колючая проволока не разодрала горло заключенного. Другие свидетели сообщили, что в Каминсе и Такере надзиратели и охранники убили по меньшей мере 21 заключенного.

Том Мэртон дал указание раскопать могилы, поначалу только три, чтобы удостовериться, есть ли правда в этих рассказах. И действительно, во вскрытых могилах были найдены трупы, в том числе один с разбитым черепом, два других с раздробленными конечностями. Газетные репортеры из всей Америки и даже иностранные корреспонденты, присутствовавшие при эксгумации, спрашивали, неужели такое возможно в Америке?

Журналисты атаковали Мэртонa, Мэртон позволил им поговорить с Рубеном Джонсоном и с другими заключенными, которые уже давно сидели здесь и прошли через этот ад; ошеломленные журналисты делали записи в своих блокнотах, и на многих языках мира появились сообщения о позорных для жителей Арканзаса событиях.

Губернатор штата был взволнован, надо было принимать срочные меры. Разве изберет население Арканзаса его на новый срок, если он допустил подрыв авторитета власти штата в результате такой огласки.

По высочайшему указанию вскрытие могил было приостановлено. Тому Мэртону было предложено немедленно покинуть тюрьму — он оказался здесь лицом нежелательным. А те, кто подозревался в убийствах в тюрьмах штата Арканзас, в соучастии или отдаче приказов к совершению убийств, наказаны не были. Что касается населения Арканзаса, то оно считает это в порядке вещей. Оно никогда, по сути дела, не понимало, что имел в виду Том Мэртон, когда говорил, что тюрьмы — своего рода термометры страны, по которым можно измерить болезнь народа.

Губернатор Уинтроп Рокфеллер, конечно, снова был переизбран на свой высокий пост, поскольку в свое время решительно отмежевался от Тома Мэртонa, и только в 1970 году, и то по совсем иным причинам, жители Арканзаса распростились с ним. История Тома Мэртонa предана сейчас забвению. В Каминсе и Такере снова царят «дисциплина и порядок», а в Арканзасе уже не ведется больше разговоров о тюрьмах.

— Леди и джентльмены! Наш государственный гимн! Люди, их восемьдесят тысяч, поднимаются с мест, начинается играть фисгармония; сочный баритон запекает гимн, толпа подхватывает. У некоторых во рту еще жареные кукурузные зерна, но они подпевают, и пение отдается на стадионе мощным эхо.

Как только стихают звуки гимна, раздаются бурные аплодисменты. Несколько знаменосцев со звездными флагами покидают стадион. Человек у громкоговорителя, который только что торжественно возвестил гимн, перешел теперь на драматический тон, и вот начинается самое главное. Толпа уже сгорает от нетерпения.

Это — американский футбол, бизнес, который приносит сто миллионов долларов прибыли в год, самый популярный вид спорта в Соединенных Штатах. Шестьдесят миллионов зрителей сидят перед телевизорами, фирмы платят до 135 тысяч долларов за каждую минуту рекламных вставок во время трансляции футбольных матчей, зрители платят тоже немало за то, чтобы иметь возможность присутствовать на стадионе.

Футбол — это бой быков, но без быков, жестокий, стремительный, динамичный. В футболе бывает больше тяжелых травм, нежели в каком-либо другом виде спорта, исключая бокс, во всем мире. С тех пор как в Соединенных Штатах стали играть в эту игру, на футбольных полях умерли сотни спортсменов. Но именно эта жестокость сделала футбол столь популярным видом спорта. Ни один другой вид спорта не может похвастаться хотя бы приблизительно таким числом зрителей, какое собирает футбол. Ни одна звезда в другом виде спорта не может быть популярнее звезды футбола, и нет для молодого человека более сладкой мечты, чем стать звездой футбола.

Участие в состязаниях по футболу в составе какой-нибудь команды весьма способствует политической карьере. Претенденты на 50 тысяч политических постов, распределяемых в Соединенных Штатах посредством выборов, охотно расписывают свои успехи в футболе в прошлом, если таковые у них были. Тот, кто играл в составе «Ол старс», кто играл в сборных колледжей и может рассказать об этом в своих предвыборных речах, находится в более выгодном положении, имеет больше шансов на избрание, ибо тот, кто добился чего-то в футболе, не может оказаться полным неудачником в политике; такой кандидат, по крайней мере, лучше того, который преуспевал в колледже только в науках и был беспомощен на спортплощадке.

Все колледжи и университеты страны имеют собственные футбольные команды и лелеют честолюбивые планы. В Америке футбол профессиональный, любительских клубов нет. Любители играют в колледжах, но, собственно говоря, это уже не любители, ибо их покупают, они получают стипендии, они только формально числятся студентами, на самом же деле должны играть в футбол и одерживать победы во славу колледжа.

Футбольные менеджеры из колледжей и университетов высматривают зорким взглядом новые таланты во многих сотнях средних школ. Дети, играющие в футбол, знают это. Поэтому они кидаются в сражение со всей жестокостью, на какую только способны, свирепо обрушиваются на противника, ведь в борьбе за овальный мяч разрешено почти все. Когда дети видят на краю игрового поля какой-нибудь средней школы представителя колледжа, они знают, что это может положить начало большой карьере, что здесь таится большой шанс, может быть, неповторимый.

20 миллионов долларов расходуют ежегодно колледжи на обновление своих футбольных команд. На эти деньги они приобретают молодых людей, которые должны будут впредь беспрекословно подчиняться беспощад-

ному кнуту тренера. По словам Арнольда Бейсера из Калифорнийского университета, тренер обладает таким непререкаемым авторитетом, какого американский отец, по сути дела, никогда не имел. Молодых людей учат беспощадно атаковать своих противников, быть беспощадными к самим себе, стискивать зубы, когда больно, быть беспощадными и к боли противника. Они проходят суровую тренировку, их кормят так, чтобы плечи их становились все шире, а мускулатура все более могучей и чтобы их вес достигал 230 и более фунтов.

Это хороший, боевой вес для футболиста. Его снаряжение, шлем, защищающий лицо, и специальные доспехи, защищающие тело, делают его карикатурой на атлета. Он предстает как кошмарный сон, безликая фигура, олицетворяющая только одно — неукротимую решимость и силу. Но когда в этом снаряжении он выходит на игровое поле, стадион восторженно вопит, и ликующие зрители с нетерпением ждут, чтобы он обрушился на противников, уничтожил их, а если он этого не сделает, он будет освистан.

По подсчетам врачей, в Соединенных Штатах за каждый день состязаний между футбольными командами школ, колледжей, университетов и профессиональными футбольными командами получают травмы столько футболистов, сколько жителей насчитывает какой-нибудь маленький городок. Европейский футбол с его эпизодическими переломами ног, растяжениями, контузиями и сотрясениями мозга кажется бильярдом по сравнению с американским футболом. Американский футбол — это своего рода приглашение к жестокости.

Америка никак не может им насытиться. В День благодарения, считающийся кульминационным пунктом сезона, телевизионные станции передают футбол иногда по восемь часов. В день финала первенства среди профессионалов, которое называют чемпионатом мира, почти из каждого дома в стране несутся ликующие возгласы теле-

зрителей. Американские телевизионные компании тратят каждый сезон, продолжающийся всего полгода, почти 40 миллионов долларов за право передачи по телевидению состязаний между командами колледжей и между профессиональными командами.

Около 60 тысяч зрителей приходят в среднем на каждую игру Национальной лиги, в которой объединены лучшие профессиональные команды. Некоторые из этих клубов распродают билеты на свои стадионы на весь сезон еще до того, как будет дан свисток к началу первого матча, а когда будет дан, болельщики будут сгорать от нетерпения, ожидая, когда же, наконец, рухнет на землю от тяжелой травмы первый игрок. На краю игрового поля одетые в форму девушки исполняют экзотические танцы, нечто вроде ритуальных танцев в джунглях. Фанфары взывают к новой атаке и новому натиску, подбадриваемые зрителями великаны с ожесточением кидаются друг на друга, дорог каждый сантиметр стадиона, идет настоящая война. Джо Неймет добился в американском футболе огромных успехов, пока его не исколошматили так, что он испугался, что станет калекой. Он был национальным героем; если бы он только захотел, перед ним раскрылись бы двери Белого дома.

Джо Неймет был выходцем из захолустного местечка в Пенсильвании. Он никогда не отличался успехами в учебе, к тому же был не особенно силен, но в состязаниях между школьными командами он восполнял недостаток физической силы отвагой. Чем больше над ним смеялись силачи, тем ожесточеннее он сражался, пока не добился успеха, набрав уже 100 килограммов веса. Затем его за 400 тысяч долларов купил нью-йоркский клуб «Джетс», посулив круглых 100 тысяч долларов жалованья в год и к тому же рекламу, с помощью которой можно вершить всякого рода выгодные дела.

Он привел свою команду, которая, собственно, не имела на это никаких шансов, к первенству, и это ошеломило

Америку. На протяжении недель вся страна только и говорила о Джо Неймете.

Однако национальному герою пришлось дорого заплатить за все это. Сначала ему оперировали колено, и хотя оно никак не заживало, Джо Неймет должен был играть, ведь болельщики жаждали его видеть. Затем было травмировано и другое колено, но Неймет стиснул зубы, как его всегда учили, и продолжал играть. Теперь любой врач назвал бы его, еще совсем молодого человека, инвалидом.

Корреспондент журнала «Плейбой» задал ему вопрос: — Действительно ли Вы считаете, что противники хотели Вас ранить?

— Конечно, — ответил Неймет, — мы тоже хотим этого.

— А честно ли это? — спросил журналист.

— Я уверен, — сказал Неймет, — что никто в нашей команде не прибегает к грязным приемам, но мы пытаемся разгромить противника.

Спорт в Америке всегда связан с деньгами, порой с большими, и уж во всяком случае с надеждой на большие деньги. С помощью Джо Неймета, вечно страдающего от боли, клуб «Джетс» (который, собственно говоря, состоит только из профессионалов) за шесть лет превратился в частное предприятие, рыночная цена которого подскочила с одного миллиона долларов до шести миллионов. Команда «Кливленд браунс» нашла в 1961 году покупателя, заплатившего за железные мускулы и могучие торсы игроков 4 миллиона долларов, а сегодня этот покупатель мог бы продать команду за 14 миллионов; может быть, он так и сделает. Вкладывать в спорт деньги очень выгодно, ведь в спорте можно неплохо заработать, и, конечно, не только в футболе.

Можно заработать, например, на состязаниях по катанию на роликовых коньках, особенно когда состязаются женщины. На матчи между женскими командами

«Сандербердс» (Лос-Анджелес) и «Аутлос» (Техас), «Бомберс» (Нью-Йорк) и «Девилс» (Детройт) все билеты заранее бывают распроданы, ибо состязания по катанию на роликах отличаются особой жестокостью, и публика любит их.

Публике нравится, когда состязаются в этом виде спорта и мужчины, но гораздо большей популярностью пользуются женские матчи. На овальном деревянном катке сражаются две команды по пять человек. Нападающая команда должна с помощью двух спортсменов прорвать кордон обороняющейся команды. Десять спортсменов несутся по катку со скоростью свыше 50 километров в час, и вот атакующие спортсменки набрасываются на обороняющихся, повергают их на каток или барьер, а некоторых отбрасывают даже к зрителям, сидящим в первом ряду.

Дикие крики спортсменов тонут в ликующем реве публики, локтями пробивают себе спортсменки путь по твердому катку, наносят удары в мягкие части тела, в грудь. Вот тяжело рухнули несколько спортсменов, но другие еще сражаются. Зал превращается в крошечный ад, десять тысяч зрителей вопят в экстазе. Каждое падение, каждый удар, каждый крик боли на катке вызывают новую бурю восторга среди зрителей.

У некоторых спортсменов уже нет левой груди. Им ампутировали ее, ибо в состязаниях ее повреждали много раз. Только в одной команде у трех женщин левую грудь заменяет протез. Потерю левой груди компенсируют деньгами, ведь участие в состязаниях по катанию на роликах дает возможность неплохо заработать.

Можно нажиться и на специальных состязаниях по разрушению автомобилей, американская публика их тоже любит. Тридцать или сорок водителей мчатся на своих автомашинах навстречу друг другу, и тот, кто останется единственным, еще способным вести автомобиль, провозглашается победителем и получает крупный приз.

С ожесточением мчатся они навстречу друг другу, восторженно вопит публика, гнется жуть, автомобили опрокидываются, иногда из-под них выползает раненый, иногда уже никто не выползает, порой какой-нибудь автомобиль загорается, вспыхнувшее пламя всегда вызывает бурю восторга, публика с нетерпением ждет, спасется ли водитель, будет ли взрыв, и ожидание его захватывает дух. Зрители придут и на следующее состязание по разрушению автомобилей, непременно придут, и в кассы потечет много денег. На этих состязаниях можно немало заработать, ведь их передают даже по телевидению, это приносит дополнительный доход. Заработать можно на любом виде спорта, так почему же не заработать и на этом?

Немало прибыли приносит и бейсбол, хотя этот вид спорта все больше оттесняется стремительным футболом. Заработать деньги можно и на хоккее с шайбой, так как в Соединенных Штатах в хоккей играют не менее ожесточенно, чем в футбол, он всегда сопряжен с тяжелыми, зачастую преднамеренно наносимыми травмами, которые приводят публику в бешеный восторг, а владельцы клубов потирают от удовольствия руки.

Большие деньги, конечно, сулит бокс. Восемьдесят мужчин из Филадельфии наживаются на боксе уже на протяжении многих лет, хотя сами никогда не надевали боксерские перчатки. Все они владельцы неоднократного чемпиона мира в тяжелом весе Джо Фрэзера, который должен поступать так, как велят ему эти восемьдесят акционеров, представляемые Йенси Дерхэмом. Негр Фрэзер получил на Олимпийских играх 1964 года золотую медаль. Ему повезло вдвойне, ибо боксер, который должен был представлять Соединенные Штаты, сломал руку; правда, Джо Фрэзер позднее в полуфинале сам сломал большой палец на руке, но его противник немец Ганс Хубер не реализовал в финале своего преимущества; Фрэзер выиграл и вернулся домой, в Филадельфию, героем, един-

ственным американцем, получившим золотую медаль в боксе.

Однако с семьей из пяти человек на медаль не проживешь, да и жалованья церковного служки в негритянском квартале Филадельфии было явно мало для жизни, и Фрэзер решил стать профессиональным боксером.

Правда, профессиональных боксеров в Америке легионы, и лишь немногим из них удастся хорошо заработать на этом. Нужно иметь умного менеджера, нужны деньги, ибо пройдет еще много времени, прежде чем начнет поступать прибыль. Фрэзер понимал это, понимал это и его черный хозяин и тренер Дерхэм, и они решили после первых боев, в которых Фрэзер выступал еще в качестве личной собственности Дерхэма, обеспечить широкую базу для подлинно большой карьеры, для которой Фрэзер обладал всеми предпосылками, ибо он наносил верные удары, нокаутировал всякого, кто выступал против него на ринге.

Такая солидная база была найдена в лице богатого Брюса Болдуинса (президента фирмы, владеющей рядом ресторанов и пивных), который всегда интересовался перспективными делами. Он учредил в 1965 году общество «Клоуверли» в составе всего восьмидесяти акционеров, каждая акция стоила 250 долларов, единственная цель предприятия — обеспечение карьеры Джо Фрэзера. Тем временем цена каждой акции подскочила до 15 тысяч долларов, на Уолл-стрите эти акции всегда котировались очень высоко, черный боксер стал для своих акционеров настоящим золотым дном. Акционеры компании «Клоуверли» заработают еще немало долларов на боксе, в котором становится калекami относительно большее число спортсменов, чем в футболе.

Вряд ли в Соединенных Штатах найдется такой боксер, которому не приходилось бы подвергаться искушению подкупа; никогда никто не узнает, как часто соблазн оказывался слишком велик, но во всяком случае билеты в

Мэдисон-сквер гарден всегда будут распродаваться на все состязания, на которых льется кровь. Ведь бокс — выгодный бизнес, телевизионные компании платят колоссальные суммы за право передачи состязаний по телевидению, фирмы платят огромные деньги за право рекламных вставок в эти передачи, а там, где речь идет о больших деньгах, не обходится без преступности.

В 1949—1951 годах исход состязаний между командами колледжей на первенство по баскетболу, вокруг которых, как и вокруг состязаний по боксу, бейсболу и футболу, хоккею с шайбой и конных состязаний, всегда ведется денежная игра, был предрешен в 86 случаях посредством обмана. 32 игрока из семи команд были подкуплены, врученные им доллары были для них важнее победы собственных команд. В 1961 году был раскрыт еще один обман в той же баскетбольной лиге, на этот раз 27 из 49 команд колледжей оказались причастными к мошенничеству.

В 1968 году крупнейшие конноспортивные состязания страны в штате Кентукки выиграла лошадь, которой, как было установлено после победы спортивной комиссией, был дан запретный допинг. В точности так никогда и не было выяснено, кто сунул в пасть коня это вряд ли повлиявшее на исход борьбы средство с целью лишить награды победителя.

Правда, скандал в Кентукки был весьма далек от тех громких скандалов, которые сопутствовали в прошлом десятилетии Джеймсу Норрису. Норрис, который преуспевал также в качестве председателя Международного боксерского клуба, сделал однажды так, что лошадь, имевшая по иронии судьбы кличку «Сломанное крыло», проигрывала одну скачку за другой, и это, естественно, привело к снижению денежных ставок на нее. А потом Норрис сделал в различных уголках страны незаметно небольшие ставки на «Сломанное крыло», и лошадь неожиданно победила. Норрис выиграл одним махом

300 тысяч долларов: он стал миллионером, ведь ловкость дает свои плоды. Только люди, далекие от действительности, могут полагать, будто американский спорт — это только спорт. В Америке говорят, что только глупцы верят в честность тотализатора, только глупцы морят себя долголетними тренировками во имя рекордов, если не стремятся использовать свои достижения для наживы.

Никто так страстно не мечтает о большой карьере в спорте, как дети в негритянских кварталах. В возрасте восьми-девяти лет они уже понимают, что в обществе белых имеют ничтожно малый шанс приобрести посредством обычных профессий авторитет и деньги и выбраться из гетто с их крысами и убогими хибарами. Но они знают также, что по крайней мере спорт делает черного желанным в обществе белых. Здесь у него есть свое место, ведь без участия черных нельзя добиться побед на Олимпийских играх и даже на национальных командных соревнованиях по целому ряду самых популярных видов спорта. Четверть всех игроков Национальной бейсбольной лиги составляют негры, треть всех футболистов — негры, свыше половины всех игроков профессиональных клубов Баскетбольной лиги — тоже негры.

Величайшими звездами легкой атлетики всегда были негры, Соединенные Штаты посылали их за океан, чтобы негры помогали упрочить славу звездного флага; кое-кто из черных спортсменов сделал большую карьеру, поэтому негритянские дети тренируются в гетто, мечтают более страстно, чем дети белых, о большой карьере, о бурных аплодисментах публики.

Однако эти мечты редко претворяются в жизнь. В Соединенных Штатах некоторые негритянские дети, несмотря на их фантастические задатки, не имеют абсолютно никакого шанса на успех, никогда не добиваются того результата, которого могли бы достичь под умелым руководством. В негритянских гетто наблюдается величайшее разбрасывание на ветер спортивных талантов, когда-либо

нмевшее место в истории спорта, ибо белое общество не желает терпеть полного унижения перед лицом физического превосходства черных. Достаточно привлечь нескольких негров, ровно столько, сколько необходимо, чтобы выиграла команда или чтобы страна одержала победу на Олимпийских играх, а усердие негритянских детей следует несколько притормозить, чтобы у них не было никаких иллюзий.

У Гарри Эдвардса были когда-то иллюзии. Он родился в негритянском квартале Ист-Сент-Луиса в 1942 году; он испытал на себе все, что выпадает на долю жителей гетто в условиях «американского образа жизни», он жил той жизнью, которую Америка уготовила большинству негритянских детей.

Гарри учился в школе, хотя был неважным учеником, ведь школа была единственным местом, где он мог иногда принять горячий душ и подготовить себя к спортивной карьере, и это оправдало себя. Крупный, спортивного вида юноша обратил на себя внимание представителя калифорнийского колледжа Сан-Хосе, и выяснилось, что он на самом деле обладает большим талантом в метании диска. Создавалось впечатление, что Гарри добился успеха, что мечта его детства претворяется в жизнь.

Но в то время как белые руки одобрительно похлопывали его по черному плечу, когда он метал диск все дальше и дальше, Гарри впервые по-настоящему познакомился с белыми. В семнадцать лет он наконец понял, что общество белых принимает его на спортплощадке, но не признает за ее пределами. Ни одна из студенческих корпораций не зачислила его в свои члены, из ресторанов для белых его выставляли на улицу, так как для таких, как он, есть рестораны в черных кварталах; тщетно пытался он снять жилье близ колледжа, он мог найти его только в гетто.

Такой всегда была участь черных спортсменов. Это не было новостью. Дискриминация, которой они подверга-

лись, представляет собой составную часть карьеры, но карьера, тем не менее, по-прежнему оставалась заветной мечтой, поскольку она сулила известность и деньги.

Ни один черный спортсмен не был избавлен от дискриминации. Если команды отправлялись в поездки, белые спортсмены жили отдельно от черных. В некоторых ресторанах, где желали пообедать белые, черных не обслуживали. На приемах, устраивавшихся частными клубами, негры были лицами нежелательными. Такова была на протяжении десятилетий судьба всех черных — чемпионов страны, чемпионов мира, победителей Олимпийских игр. Их слава обеспечивала им карьеру и в момент победы — аплодисменты зрителей на стадионах, но общество отказывалось их принимать; для них поднимался звездный флаг и исполнялся американский государственный гимн, но это отнюдь не значило, что чтимый таким образом победитель может стать членом Нью-Йоркского атлетического клуба.

В противоположность неграм, хотевшим лишь сделать карьеру, это вызывало возмущение у Гарри Эдвардса, который, по мнению его преподавателей, имел выдающиеся способности к социологии и антропологии. Когда он установил новый рекорд для американских колледжей в метании диска, он услышал, как один из его белых тренеров назвал его «замечательным зверем». Эдвардс не вынес этого и порвал со спортом.

Ныне он стал социологом и антропологом, активным негритянским деятелем, который, к неудовольствию белых в Америке, пытается склонить черных спортсменов своей страны к бойкоту Олимпийских игр.

Гарри Эдвард знает, например, что заправилы бокса ведут в различных уголках Америки отчаянные поиски подающих надежду белых спортсменов, пренебрегая в то же время талантливыми черными спортсменами. Эдвардсу известно, что в профессиональных клубах страны, за исключением одного, нет черных президентов, нет ни од-

ного черного тренера или хотя бы одного негра, занимающего сколько-нибудь важный пост в администрации клуба.

Ему известно, что многие команды принимают лишь определенную квоту негров, что многие клубы и по сей день не допускают во время поездок размещение белых и черных спортсменов в одной комнате отеля, что черных спортсменов используют лишь для завоевания победы, а как только раздастся заключительный свисток судьи соревнований, негры должны убраться «на место» — в трущобы негритянских гетто.

Эдвардсу известно о коррупции в американском спорте. Американский спорт, говорит он, так же прогнил, как и сама страна, спорт всегда отражает подлинное положение в стране. Он, Эдвардс, не желает больше иметь ничего общего со спортом, он будет его бойкотировать.

Кое-кто последует его примеру. Но для некоторых жителей негритянских кварталов спортивная карьера по-прежнему останется заветной мечтой, единственной надеждой, единственным шансом.

Мэр Джэксона в штате Миссисипи Аллен Томпсен не верил своим глазам. Он увидел в своем городе такое, что считал вообще невозможным: грязь, нищету, безысходность, отбросы общества, о существовании которых не имел никакого представления. Лишь в трех кварталах от резиденции мэра перед его глазами предстали деревянные бараки, где ютились голодные негры, заваленные мусором и крысиным пометом пустыри с разбросанными то тут, то там дощатыми туалетами и играющие возле них детишки.

— Это ужасно, просто ужасно! — бормотал мэр. — Надо что-то делать! Это позор, в моем-то городе!

А ведь всего за несколько дней до этого на заседании муниципалитета Томпсен хвалился успехами, достигнутыми за 20 лет его пребывания на посту мэра.

— Я с гордостью могу заявить, — говорил Томпсен, — что в Джэксоне нет трущоб.

Негры, присутствовавшие при выступлении Томпсена, высмеяли его и пригласили осмотреть те части города, где живут черные и куда белые заходят неохотно. Мэр принял вызов, он был убежден в своей правоте. В конце концов он уже 20 лет находился во главе городской администрации и не мог не знать фактического положения в Джэксоне.

Но, к сожалению, правы оказались черные. То, что увидел Томпсен, поразило его.

Между тем многие американцы имеют такое же превратное представление о действительном положении, как и Томпсен, до того как он посетил трущобы своего города. Миллионы людей живут менее чем в одной миле от трущоб, но эта миля для них столь же бесконечна, как океан. Конечно, газеты изредка пишут о трущобах, но несомненно утрируют, ведь пресса обычно склонна к

преувеличениям. Кроме того, там, наверное, живут просто не желающие работать подонки, которые только и ждут денег от благотворительных организаций, а получив их, сразу пропивают.

Те же белые американцы, в которых заговаривает совесть, когда они слышат о нищете, ограничиваются кое-какими пожертвованиями в фонды благотворительности; ведь совсем не обязательно самим ходить в трущобы, тем более что на тебя там смотрят, как на оккупанта во вражеской стране.

В итоге масштабы нищеты в одной из богатейших стран мира все еще неизвестны миллионам ее граждан, несмотря на усилия прессы; трущобы для них — все равно что белые пятна на географических картах.

Эрнест Холлингс — член американского сената от штата Южная Каролина; до этого он был членом палаты представителей, заместителем губернатора и даже губернатором. Он знал свой штат, выступал на сотнях партийных митингов, был знаком со многими людьми. Однажды его внимание обратили на то, что в штате царят нищета и голод, как будто Южная Каролина — какая-нибудь слаборазвитая страна.

Холлингс был убежден, что это не больше, чем ложные слухи.

Но затем два местных врача пригласили его совершить с ними поездку по штату. Холлингс увидел в Колумбии, столице штата, совсем недалеко от резиденции губернатора, женщину, умершую с голоду. Он говорил с мужчиной, который рассказал, что по ночам не выключает свет в комнате, так как иначе крысы могут покусать детей; этому мужчине еще повезло, поскольку у многих по соседству вообще нет электричества. Холлингсу показали ребенка, который, как с ужасом констатировали оба врача, умирал с голоду. Перед глазами сенатора предстали жалкие деревянные лачуги, покосившиеся и продуваемые насквозь, без света, отопления и уборных; в каждой

из них ютилось до шестнадцати человек; колодец, из которого эти люди доставали воду, был загрязнен.

— Все, что я увидел,— признавался сенатор,— убедило меня в том, что в Южной Каролине есть голодающие.

Одного из врачей, сопровождавших сенатора в поездке по этой Америке — Америке голода и болезней, звали Дональд Гэтч. Это был молодой идеалист. Он не загребал деньги, как многие его коллеги. Он видел нищету и понимал, что против нее нужно как-то бороться.

Гэтч имел практику в округе Бофорт, на побережье Южной Каролины, где на пляжах залива Хилтон проводят свой отпуск «добропорядочные» граждане из Саванны или Колумбии. Но с этой Америкой молодой врач не имел ничего общего, он работал в другой Америке. Он был там, когда один за другим умерли от недоедания и укусов паразитов восемь маленьких негритянских детей. Он участвовал в групповом медицинском обследовании негров в Блафтоне, при котором было установлено, что семьдесят из ста обследованных страдают от одного или нескольких видов глистов. И он рассказывал об этом во всеуслышание.

— Если бы умерли восемь белых детей,— говорил он с горечью,— страна, пожалуй, отреагировала бы на это.

Округ Бофорт другой, богатой Америки обиделся на Гэтча за такие слова. Местная газета назвала его болтуном, все врачи в округе отвернулись от него. Они утверждали, что «ни разу» не встречались со случаями серьезного недоедания. Сердитые голоса по телефону угрожали Гэтчу, а несколько раз, когда он ночью уезжал, чтобы оказать больному помощь там, где никто другой этого бы не сделал, на его дом нападали, оскверняли и ломали мебель. Белые больные бойкотировали его, а хозяин дома постоянно повышал плату за комнаты, где Гэтч принимал больных, пока, наконец, он не смог больше платить и был вынужден прекратить практику.

Сейчас доктор Гэтч лечит больных в Блафтоне, где и дети и взрослые в одинаковой мере страдают от разных болезней и голода.

«Добропорядочные» граждане Саванны и Колумбии летом, а по воскресеньям и в другое время года проезжают по дорогам округа Бофорт к заливу Хилтон. Из окон автомобилей они видят покосившиеся дощатые, покрытые толем лачуги бедняков на краю болотистой равнины, но стараются проехать мимо так же быстро, как обычно проезжают мимо лепрозория. Конечно, по чистой случайности у них то же гражданство, что и у обитателей этих лачуг, но они спешат на отдых к заливу Хилтон, им нужна разрядка, они много работали и заслужили отдых; а о черных, если надо, пусть заботится правительство, это его дело, у них же своих забот хватает.

Никто точно не знает, сколь многочисленна другая Америка — голодная, живущая в ветхих лачугах и в кишаших крысами трущобах больших городов. Возможно, она насчитывает двадцать или тридцать миллионов жителей, а может быть и больше. Известно лишь, что другая Америка есть не только вблизи аэродрома корпуса морской пехоты в округе Бофорт, но и в столице штата Алабама городе Монтгомери, рядом с губернаторским дворцом, над которым развевается звездный флаг. Другая Америка есть и в округе Палм-Бич, во Флориде, где тепло и зимой и где отдыхают в это время очень богатые американцы; она есть в Роксбери, в Бостоне, неподалеку от великолепного Гарвардского университета, и в Вашингтоне, вблизи Белого дома.

Другую Америку можно найти и в Техасе, совсем рядом с качающими нефть насосами, которые каждым своим движением выбрасывают наверх доллар; она — в Аризоне, в резервациях индейцев, неподалеку от Большого каньона — излюбленного места белых туристов; она в плодородных долинах Калифорнии, где апельсины делают богатых фермеров еще богаче; она — повсюду.

Эту другую Америку населяют не только черные. В долинах Кентукки, на севере Теннесси, в штатах Западная Виргиния и Виргиния есть другая Америка белых, и она не более привлекательна, чем Америка черных.

По официальным данным, в штате Теннесси насчитывается миллион человек, преимущественно белых, уровень жизни которых намного ниже минимально необходимого даже с точки зрения федерального правительства.

По шоссе № 23 можно проехать из Кингспорта прямо в долины белой нищеты. Но туристы и здесь спешат. Они стараются побыстрее проскочить мимо убогих домиков, у них нет ничего общего с живущими здесь людьми. В их автомобилях установлены радиоприемники, они слушают музыку, рекламные объявления, снова музыку и снова рекламу, последние известия и опять рекламные объявления, а затем извещения всякого рода «обществ защиты животных», которые ищут людей, любящих собак и кошек.

Белые жители округа Бьюкенен в горах Западной Виргинии также бедны. Половина здешних детей страдает малокровием, их дневной рацион питания составляет 1100 калорий вместо необходимых 2000 калорий, их организм получает в день лишь 53 грамма белка вместо нужных минимум 100 граммов.

Когда эти дети сидят по вечерам у телевизоров, купленных их родителями уже подержанными через третьи руки, смотрят передачи из различных городов Америки и слушают рассказы о богатых людях, роскошных небоскребах и красивых виллах с бассейнами для плавания, им кажется, что это передачи из другого мира.

Некоторые из живущих здесь мужчин побывали во время второй мировой войны в Европе. Они с восторгом вспоминают об этом времени, им так хорошо было в Италии и Австрии, во Франции и Германии, во время войны

им жилось лучше. А сейчас в округе Бьюкенен они уже толком не знают, за что же, собственно, воевали. Некоторые из их детей, как бы они ни хотели, не смогут стать солдатами, потому что неграмотны; они рано покидают школу, чтобы попытаться зарабатывать на жизнь.

Джона Ф. Кеннеди, посетившего более десяти лет назад бедные районы вдоль Аппалачских гор, где царит нищета и где больше страдающих от хронического недоедания детей, чем в нескольких европейских странах, вместе взятых, охватил ужас, когда он увидел, насколько велика там бедность.

Тогда Кеннеди совершал предвыборную поездку, готовясь стать президентом. Он обещал оказать помощь бедным, и бедные поверили ему, так как говорил он очень убедительно. Но затем его убили в Далласе. Преемник Кеннеди Джонсон подготовил программу улучшения положения в Аппалачах. Однако Америка и без того полна различных программ, которые ничего не меняют, и положение бедняков лучше не стало. Во многих бедняцких домах на стенах висят вырезанные из газет фотографии Джона Ф. Кеннеди. Бедняки верили в него, они до сих пор скорбят о его смерти.

А в общем-то они явно неудачно родились и за это расплачиваются всю жизнь. Лишь немногим удастся вырваться из этих страшных долин. Пожилые люди, конечно, не смогут уйти отсюда, а голод и ненормальное питание ускоряют их смерть; отсутствие работы доконает мужчин, забота о том, как прокормить семью,— женщин.

Население Соединенных Штатов составляет более 200 миллионов человек; среди такой массы могут быть бедные. Но ужасают масштабы бедности и поражает смирение бедняков.

Во время медицинского обследования детей в одном из бедных районов, проведенного в связи с намечавшимся осуществлением правительственной программы улучшения питания детей, было установлено, что 92 процента

обследованных находятся на грани слепоты из-за нехватки витамина А в организме. Позднее правительство направило в этот район обезжиренное молоко, в котором, однако, не было витаминов А и Д.

В негритянском гетто Балтимора гемоглобина в крови детей оказалось меньше, чем у детей такой слаборазвитой страны, как Пакистан. В округе Палм-Бич, в непосредственной близости от роскошных вилл Палм-Бича и Лейк-Уэрта, где периодически устраиваются приемы, которые обходятся в несколько десятков тысяч долларов каждый, где по дорогам бесконечно снуют множество дорогих «Роллс-ройсов» и где номер в отеле «Брейкер» стоит в сутки больше, чем нужно для пропитания в течение двух месяцев целой голодающей семье, было обнаружено, что от недоедания страдают 97 процентов сельскохозяйственных рабочих. У некоторых из них развивалась настоящая дистрофия, но они все-таки каждый день отправлялись в поле, чтобы заработать хотя бы несколько долларов.

Бедность — удел каждого второго пожилого человека в Соединенных Штатах; эти люди постоянно озабочены тем, как бы прокормиться. И в это же время американские фермеры, прежде всего крупные, получают ежегодную дотацию в сумме около трех миллиардов долларов, лишь бы они производили поменьше продовольствия.

Из двадцати или тридцати миллионов бедных в стране только шесть миллионов как-то охвачены программами, с помощью которых правительство хочет якобы покончить с бедностью. Многие бедняки, в особенности белые, стесняются обращаться к благотворительным организациям за продовольствием. У других просто нет денег, чтобы выкупить продовольствие, предоставляемое им по льготным ценам. Третьи вообще не знают о существовании программ помощи. А значительная часть их живет в округах, где избранные представители другой, сытой Америки просто саботируют программу помощи бедным — авось бедные исчезнут совсем, их соседство нежелательно.

В округе Касс (Индиана) местная администрация решила не оказывать помощь тем, кто держит в доме собаку. В соседнем округе Стэрк теряют право на помощь дети, чьи родители употребляют спиртные напитки. В округе Кингс (Калифорния) местные власти вообще лишают 25 тысяч бедняков права на вспомоществование, как это делается и во многих других округах; а если бедным это не нравится — пусть убираются.

В обширных районах Юга бедняки не получают никаких пособий, если в семье есть хотя бы один трудоспособный. Но если последний не может найти работу, ему не остается ничего другого, как покинуть семью; он уходит, куда глаза глядят, чаще всего в трущобы больших городов; он просто вынужден уйти, чтобы его семья получила право на какое-либо пособие.

Многим беднякам, особенно пожилым, просто некуда уходить, и они остаются, тихие, смирные, даже не пытающиеся протестовать. А вот в Иммокали, маленьком городке в штате Флорида, называющем себя «арбузной столицей мира», возможно, когда-нибудь и вспыхнет бунт, потому что в Иммокали много молодых бедняков.

Один раз в году, когда поспевают арбузы, в Иммокали появляется работа примерно на четыре недели. Если с уборкой арбузов нужно спешить, фермеры платят по 4,5 доллара в час, и тогда можно по крайней мере частично расплатиться с долгами. Когда же урожай снят, большая часть из 10 тысяч батраков сидит без дела в своих хижинах. На уборке огурцов, помидоров и перца работы мало, и хорошо, если удастся поработать два дня в неделю. Работа эта тяжелая, к вечеру начинает ломить поясницу, но даже за два дня можно заработать пятнадцать, а то и двадцать долларов.

Батраки ютятся в убогих лачугах, некоторые в заброшенных автобусах, часть индейцев — в шалашах, покрытых травой. Но платить за постой от 10 до 15 долларов в неделю они обязаны так или иначе. Все, что остается, если

вообще что-либо остается, идет на еду; поэтому едят они мало и плохо. Многие из этих людей — мигранты, батраки, кочующие по всей территории Соединенных Штатов. Они собирают чернику в Мичигане, картофель в Айдахо, помидоры в Огайо, огурцы в Индиане, всякий раз надеясь хорошо заработать. Но их надежды сбываются редко, так как мигранты находятся на самой нижней ступеньке общественной лестницы, многие из них — фактически крепостные в стране, которая любит похвалиться наибольшей в мире свободой.

Как правило, их нанимает посредник, у которого они вскоре оказываются в долгу. Посредник арендует автобус и везет мигрантов в другой штат на уборку очередного урожая. Когда мигранты прибывают на место, они уже задолжали посреднику за проезд. Затем они обязаны платить за убогую еду, но у них нет денег, их еще нужно заработать. Кроме того, нужно платить за отопление, так как ночью в бараках холодно. Им хочется также курить, а иной раз и выпить бокал дешевого вина или пива, а посредник записывает все это в долговую книгу. Он рад, когда долги растут, так как в этом случае меньше опасность, что батраки уйдут от него.

На случай, если какой-либо батрак начнет возмущаться тем, что его обманывают, у посредника есть несколько здоровенных парней, которые быстро урезонируют «бунтовщика». Если же он попытается бежать, посредник прикажет жестоко избить его, чтобы другим неповадно было.

Посредник продает рабочую силу мигрантов фермеру, и оба они хорошо зарабатывают на этом. Мигранты редко узнают, сколько фермер в действительности платит за их труд, они получают лишь то, что обещал посредник, а зачастую он не выплачивает им и обещанного. Но они не могут уйти от посредника, они должны ехать дальше, к новому урожаю, и везде их ждет тяжелая работа.

Несколько тысяч из тех, кому удалось покончить с вечной жизнью на колесах, живут сейчас в Иммокали, и

коренному белому населению города это не нравится. Администрация округа Кольер, в который входит Иммокали, например, категорически запретила создать там организацию помощи беднякам среди батраков.

— Мы не хотим помогать лентяям, — заявил представитель окружных властей, — здесь беден лишь тот, кто не хочет работать.

Однако для 10 тысяч человек работы здесь явно не хватает. Дети голодают, есть семьи, насчитывающие по 8 детей и вынужденные жить на 20 долларов в неделю, хотя этой суммы недостаточно и для одного человека. Среди жителей Иммокали широко распространены различные желудочные заболевания и дистрофия. Отсутствие каких бы то ни было санитарных условий делает трущобы, в которых живут батраки, постоянным очагом опасности; к тому же в них нет отопления, а зимой и во Флориде бывает очень холодно.

Уильям Доу — белый, высшее образование получил в Джайле и Колумбии. Он приехал в Иммокали, чтобы помогать батракам. По профессии Доу адвокат, по натуре — идеалист. В Иммокали он встретился с таким голодом, какой ему доводилось видеть только в Южной Америке. Доу обратился за помощью к окружной администрации, но там ему отказали и дали понять, что в округе Кольер придерживаются старой поговорки: «Свиньи, которые хотят жрать, должны покопаться в дерьме».

Уильям Доу сообщил властям о заболеваниях среди батраков, однако власти штата Флорида прислали врача, который сделал заключение, что положение «не столь уж страшное», что «причин для беспокойства нет» и что молодой адвокат мистер Доу «склонен преувеличивать». Тогда Доу направил 23 батрацких ребенка в больницу в Майами, и там врачи обнаружили у них 38 тяжелых заболеваний. Главный врач больницы Джеральд Фроли был ошеломлен столь невероятно высокой заболеваемостью среди детей.

Благородная борьба Уильяма Доу за улучшение положения батраков не увенчалась успехом. Вместе с батраком-негром Альбертом Ли он попытался создать организацию батраков, но последние отказались вступить в нее: ведь после этого никто из них никогда не получит работы. Доу и Ли предприняли попытку возглавить городскую администрацию в Иммокали, поскольку батраки составляют большинство населения города, но фермеры и белые скупали голоса батраков, и сейчас меньшинство управляет значительным большинством и делает с батраками все, что хочет. Батраки знают, что у них нет никаких перспектив, а у кого нет никаких перспектив, тот не смеет и протестовать.

Не исключено, однако, что молодежь в Иммокали когда-нибудь все же взбунтуется; возможно, она не останется такой же покорной, как родители, молодежь всегда настроена радикальнее.

— Никаких реформ, — говорят молодые люди, — тут нужна революция. Мы также хотим пользоваться правами человека. Богатые достаточно долго издевались над нашими отцами.

Вокруг Белл-Глейда сельскохозяйственные рабочие с семьями живут в лагерях, построенных наподобие тюрем: бараки образуют квадрат, посередине которого стоят бани и уборные.

Сезонные рабочие ютятся в крохотных деревянных лачугах без окон и водопровода, площадка перед ними подобна страшно смердящей навозной яме. Многие обитатели этих лачуг страдают кишечными заболеваниями. То тут то там встречаются пьяные, которые за один доллар получили возможность забыться на несколько часов; происходят драки, слышны проклятия отчаявшихся женщин и тяжелые удары избивающих их мужчин; дети смотрят на все это так же безучастно, как другие в нормальных семьях наблюдают за приготовлением пищи матерью; у многих детей старческие лица.

В США имеется множество разных комиссий по проблемам бедности, равно как и программ по борьбе с ней, и политических деятелей, не устающих предвещать ликвидацию голода. Одна из этих комиссий, обследуя состояние здоровья сельскохозяйственных рабочих во Флориде, курортном районе США, столкнулась с малокровием, серьезными нарушениями роста, умственной отсталостью и другими последствиями систематического недоедания.

В округе Палм-Бич, по соседству с местом, где живут миллионеры и мультимиллионеры и где на один квадратный метр площади приходится больше миллионов долларов, чем где бы то ни было еще в США, комиссия обнаружила, что батраки, работающие на плантациях апельсинов и грейпфрутов, получают менее половины необходимого человеку количества витамина С. Они не едят ни апельсинов, ни грейпфрутов, у них не хватает на это времени, они должны трудиться, коль скоро им посчастливилось найти работу на плантации. Почти у 90 процентов батраков разрушенные, гниющие зубы, и никто их не лечит.

Многие из батраков, оставшись без работы, пытались добиться пособий от органов социального обеспечения. Они попросили чиновников составить заявления, так как сами писать не умеют, но чиновники ответили, что право на пособие имеет только тот, кто прожил в округе безвыездно не менее семи лет. Однако кто из батраков мог прожить семь лет подряд в одном округе? Они бороздили Америку из одного штата в другой, от одного урожая к другому, навстречу новой надежде. В тех же округах, где батраки-мигранты имеют право на пособие, чиновники местной администрации пояснили, что между подачей заявления и выдачей пособия пройдет приблизительно 210 дней. А что делать в течение этих 210 дней без заработка?

Лачуги многих бедняков в округе Палм-Бич расположены вдоль дороги, которая ведет через округ Лион,

представляющий собой одну из туристских достопримечательностей Флориды, в округ Белл-Глейд. Белые спекулянты начали скупать земельные участки в этом районе. Ежедневно реактивные самолеты доставляют с Севера людей, которые хотят приобрести участок земли в благословенной местности. Бедняков, разумеется, потихоньку выживут отсюда, они не должны «портить картину» Палм-Бича.

Беднякам придется перебираться в район Белл-Глейда, где туристы не появляются, а если и появляются, то очень редко. Там они будут жить в тени Флориды. Лишь немногим туристам известно, что и здесь, и именно здесь, есть другая Америка: 132 лагеря с 20 тысячами батраков и членов их семей. А те туристы, которые знают это, просто не хотят омрачать свой отпуск видением унылой картины нищеты.

В Форт-Майерсе (Флорида) на полях одного из фермеров работала большая группа детей из штата Миссисипи, дешевая черная рабочая сила. В конце концов надо же думать о подготовке молодых рабочих, не все полевые работы в будущем удастся механизировать, рассуждал этот фермер. Кто-то сообщил в управление уголовной полиции о незаконном использовании детского труда, его чиновники уведомили местную полицию, а та угодливо известила фермера, на которого работали эти дети, и фермер во избежание неприятностей постарался быстро избавиться от них.

Во Флориде работают два огромных сахарных завода (пока что штат получает наибольшие доходы не от туризма, а от сельского хозяйства). Оборот этих сахарных заводов исчисляется миллиардами долларов. Их хозяев вполне устраивает, что прекратились поставки кубинского сахара и что под рукой имеется большое число батраков, так как, пока есть свободные рабочие руки, хозяева не потерпят никаких профсоюзов и будут принимать выгодные для себя решения без участия представителей

рабочих, причем ни один батрак не посмеет возмутиться, потому что возмущающихся просто выбрасывают за ворота.

Бедность в трущобах больших городов — явление привычное. Здесь она лишь находится в поле зрения общественности, здесь имеются организации, выступающие в защиту бедняков, здесь бедность, пожалуй, более взрывоопасна.

Вне больших городов бедность тихая. В сельской местности ее легче контролировать, там еще удастся поддерживать порядок, там нет негритянских волнений, движений протеста, бедность там терпеливая и не строптивая. По воскресеньям она ходит в церковь, молит всевышнего о защите, поет псалмы и молится за руководство страной. Хотя церковь — это всего-навсего покосившийся от ветхости сарай, но бог в нем присутствует. «Аллилуйя! Да будет свет в ночи! Спаситель придет!» — поют посетители церкви. А затем бедность возвращается в свои лачуги, так же стоящие в стороне от богатых домов, как и ее церкви стоят в стороне от храмов божьих другой Америки.

К бедности можно привыкнуть. Можно привыкнуть и к крысам, ибо в домах бедняков крыс больше, чем людей. Нет ни одной трущобы, где бы крысы не покусали детей, особенно грудных. Крысиные укусы стали настолько привычным явлением, что покусанных даже не показывают врачу. Крыс воспринимают, как грипп, с которым приходится мириться. Крысы есть повсюду. Они набрасываются на еду, если ее на какой-то миг оставляют открытой, каждое утро приходится убирать следы их нашествия. В домах богатых американцев на борьбу с крысами в неделю тратится больше денег, чем в другой Америке целая семья может позволить себе израсходовать на пропитание.

Каждый год в январе президент Соединенных Штатов выступает с посланием о положении страны, в котором делает важные заявления по проблемам международной

политики. Государственные деятели во всех странах внимательно вчитываются в эти послания, пресса усердно цитирует их, в частности те разделы, в которых президент говорит о борьбе с бедностью. Разумеется, президент хочет покончить с бедностью; ведь страна достаточно богата, чтобы ликвидировать бедность и обеспечить равные шансы всем, говорит президент.

Однако в Саутсайте его не слышат. Саутсайд — это район трущоб в городе Рейли, в штате Северная Каролина. Его не слышат и в других трущобах страны: в деревянных лачугах в Иммокали, в Белл-Глейде, в бараках, кишаших крысами. В Саутсайте в большинстве домов нет печей; в постановлениях городских властей нигде не говорится о том, что владельцы домов обязаны ставить печи или другие обогревательные устройства. Поэтому, когда наступают холода, в Рейли люди мерзнут. В то время когда президент произносит свою важную речь в Вашингтоне, они затыкают одеждой дыры в окнах, некоторые сжигают кое-что из своей жалкой мебели, чтобы хоть как-то обогреть жилище.

Городские власти Рейли не могут помочь мерзнувшим, мэр города Джонс сожалеет, но у него есть соответствующие инструкции; с формальной точки зрения, бедственного положения в городе нет, он мог бы что-либо предпринять только при возникновении бедственного положения, а поэтому он сожалеет...

Местная благотворительная организация тоже не может ничем помочь. Ее руководительница г-жа Кирк имеет право израсходовать на облегчение положения бедняков всего 2,5 тысячи долларов в месяц, жалкие 2,5 тысячи, от которых к концу месяца не остается ни гроша, и напрасно обращаются к ней мерзнувшие жители Саутсайда.

Да и вообще возглавляемая г-жой Кирк организация существует не для того, чтобы оказывать материальную помощь. Ее задача — помочь Саутсайду наладить самопомощь. Г-жа Кирк надеется на «добросердечных» со-

стоятельных американцев в Рейли — это все, что она может сделать для обращающихся к ней дрожащих от холода жителей Саутсайда. Конечно, в Рейли есть добрые люди, они помогают, но эффект от этой помощи примерно такой же, как от попытки одной спичкой обогреть целую квартиру.

50 долларов в месяц берут домовладельцы за свои крысиные норы, где вода замерзает еще до наступления настоящих морозов; 50 долларов, за которые они ничего не делают — не чинят прохудившиеся крыши, не устанавливают печей, не заделывают дырявых стен, не выводят крыс.

В тот момент, когда президент произносит свою речь, привлекающую к себе внимание всего мира, тяжелобольные мерзнут в неотапливаемых жилищах, матери тщетно пытаются как-то согреть своих коченеющих от холода детей. Они умоляют торговцев продлить еще немного кредит, ведь на холоде надо хотя бы что-то есть, а денег уже нет, пособия по линии органов социального обеспечения опять урезаны — на бедных всегда экономят.

В тот январский день 1971 года, когда президент Никсон своей речью привлек внимание всего мира, необычная волна холода захватила не только Рейли, но и всю северную часть Америки, она проникла далеко на юг. Миллионы людей мерзли в этот день, они просили соседей приютить их, ведь несчастье всегда ищет общества. Между тем президент не говорил ни о «бедных», как было принято несколько лет тому назад, ни о «находящихся в невыгодном положении», как это делало одно из американских правительств, он говорил о «лицах с более низким доходом», и это звучало лучше; ведь «бедные» — некрасивое слово.

При подготовке очередного послания о положении страны президент использовал много документов, протоколов, донесений дипломатов, чтобы составить правильную картину. Но одной маленькой брошюры среди этих

документов не было. Она вышла в издательстве «Бикон» в Бостоне под названием «Голод в США». За 1,95 доллара президент мог бы купить ее и прочитать о том, что обнаружили 25 мужчин и женщин, по собственной инициативе посетивших другую Америку — Америку голода и нищеты. Это были врачи, профессора, служители церкви, социологи. Они испытывали угрызения совести в предвидении мрачной картины, но то, с чем они столкнулись, превзошло наихудшие ожидания: в такой богатой стране, как Америка, они обнаружили массовое малокровие, бесчисленных насекомых, дистрофию, маразм; они увидели людей, которые варят и едят древесную кору и для которых простая каша — праздничное блюдо.

Эти 25 человек констатировали, что президент управляет больной страной, что ни одно другое западное государство не обрекает столь большую часть своего населения на нищенское существование, как это делает Америка.

Все это мог узнать любой в Америке, когда вышеупомянутые 25 человек опубликовали свое исследование. Но для многих американцев, как, пожалуй, и для их президента, разговоры о бедности в США неприятны, они подрывают авторитет нации.

Миллионы американцев не стали читать то, что было написано в брошюре «Голод в США», они не хотели знать подробностей, как многие, например, не хотят знать, что они больны. Напротив, у них возникла даже ненависть к авторам брошюры, к этим «пронырам», которые, дескать, беспрестанно вызывают к совести нации, но сами отнюдь не против порядков, о которых говорится в брошюре. Книга «Голод в США» не стала бестселлером, потому что едва ли кто-либо с удовольствием читает историю своей болезни, особенно если в ней написано, что человек заживо гниет.

У 25 благонамеренных американцев не было реальных шансов изменить то, что их ужаснуло. Если бы они совершили еще одну поездку в другую Америку, они увидели

бы анемичных детей в округе Хазард, в штате Кентукки, а в общественном госпитале в Сан-Антонио, в штате Техас, — детей, которые в годичном возрасте весят меньше, чем при рождении. Д-р Натан Смит из Сиэтла рассказал бы им, что более половины детей страдают болезнями, причина которых — голод, и что это останется у них на всю жизнь. А д-р Дрейк из Хантсвилла в Алабаме поведал бы, что многие дети ослаблены обитающими в их организме паразитами.

Ювелирная фирма «Бейли, Бэнксэнд Биддл» так рекламировала «гвоздь сезона»: «Бриллиант в 16 каратов для Вашей избранницы будет незаметно заключен в кокосовый орех, который ей подадут на завтрак в отеле «Тайгер топс» у подножия горы Эверест в Непале после охоты с Вашим участием. Цена за все — 325 000 долларов, включая налоги».

Тот, кто не собирался тратить такую сумму, также не был забыт в рождественских проспектах ювелирных фирм Филадельфии, Вашингтона, Питтсбурга и Атланты: «Мы доставим вас самолетом в Париж, только вас двоих, прямо к обеду. Мы позаботимся о всех приятных мелочах, в частности о том, чтобы Ваш подарок в нужное время и в подходящем месте был доставлен даме Вашего сердца». Под подарком имелся в виду бриллиант стоимостью 69 950 долларов.

В Лос-Анджелесе есть несколько заводов, которые производят автомобили по индивидуальным заказам, — роскошные лимузины с позолоченными бамперами, со стеклами, через которые снаружи ничего не видно, с сиденьями, обшитыми персидскими коврами, с холодильниками и стереофоническими радиоприемниками. Цена одного такого автомобиля равна стоимости месячного запаса автомобилей «Фольксваген» у какого-нибудь солидного западногерманского автоторговца.

На приемах, устраиваемых в разгар курортного сезона в Палм-Биче, на гостях бывает столько драгоценностей и роскошных нарядов, что их стоимостью можно было бы покрыть дефицит бюджета какого-либо заокеанского государства. А в Техасе отдельные лица владеют столь богатыми нефтью участками, что за каждый из них они могли бы купить несколько западногерманских федеральных земель.

Соединенные Штаты — беспредельно богатая страна, несметно богаты и клиенты фирмы «Бейли, Бэнкс энд Биддл», покупатели роскошных лимузинов и участники приемов в Палм-Биче.

Имеется множество данных о богатстве в Соединенных Штатах, но дело в том, что к моменту их опубликования они оказываются уже устаревшими. Так, Америка еще продолжала восторгаться гением молодого техасского торговца Линга, который за короткое время воздвиг «на пустом месте» предприятие с миллиардными оборотами, а Линг уже стремительно катился вниз, нули в цифрах, обозначающих размеры его состояния, быстро исчезали. Линг подтвердил старую истину: в Америке гораздо легче добыть деньги, нежели сохранить их.

Америка сурова даже к богатым, по крайней мере к тем из них, кто еще не достиг действительно большого богатства, олицетворяемого в кланах, династиях и пристрастках к именам, как у королей: Генри Форд II богат, и цифра после его имени стоит дороже, чем миллиард долларов, посредством которого некий нувориш прокладывает себе путь к Олимпу богатства.

Поскольку точных данных о богатстве в Соединенных Штатах нет, а положение богачей там меняется столь же быстро, как и настроение американских женщин, можно лишь предположить, что в США насчитывается 150 человек, каждый из которых располагает 150 миллионами долларов или большей суммой и действительно богат. Если бы они объединились, то вся страна, включая конгресс и Белый дом, должна была бы плясать под их дудку. Ибо они настоящие хозяева страны, даже если она, например, ничего не слыхала о мистере Дэниэле Людвиге, который сколотил около миллиарда долларов на всяких сделках с морскими перевозками, причем не всегда честных, но зато удачных. А так как в Америке значение имеет только успех, то Людвиг, несмотря ни на что, считается порядочным человеком.

Очень богатым американцам, которые строят себе дворцы по образцу европейских, заводят фамильные гербы, держатся на почтительном расстоянии от народа и таким образом хотели бы приобрести репутацию высшей знати, должно быть, неприятно, что их всегда представляют три господина, поведение которых им не нравится. Ибо в лице Поля Гетти, Говарда Хьюза и Г. Л. Ханта на Олимпе действительно огромных богатств находятся люди, которые уже самым своим существованием и поведением так же демонстрируют сущность и характер американского народа, как и их антиподы — бедные.

Самый богатый из этой «большой тройки» — Поль Гетти, состояние которого оценивается трудно воображимой для обыкновенного человека суммой в полтора миллиарда долларов, предпочитает жить в Старой Англии, а не в Калифорнии, где принадлежащая ему нефтяная компания становится все богаче и в отсутствие шефа.

Второй из «большой тройки» — Говард Хьюз — чудак. В восемнадцать лет он унаследовал от отца завод станков и буровых машин, который, как говорят специалисты, процветал потому, что Говард Хьюз никогда не вмешивался в его дела.

Хьюза, однако, интересовали не машины, а Голливуд. Он купил гигантскую киностудию «РКО», но вскоре развалил ее. С киноактрисами он обращался как с рабынями, заставляя их месяцами сидеть в гостиницах, пока вдруг, притом большей частью по ночам, не вспоминал о них. Он сделал кинозвезду из Джин Харлоу, затем его имя было неразрывно связано с такими известными в кино именами, как Лана Тёрнер, Оливия де Хэвилленд и Кэтрин Хепбёрн. Лишь одна симпатичная девушка, надеявшаяся сделать карьеру в Голливуде, не захотела сидеть под арестом у чудака Хьюза в отеле «Таун хауз» в Лос-Анджелесе. Она просто сбежала от него и пробила себе дорогу сама; это была Джина Лоллобриджида.

В 1938 году фанатичный авиатор Говард Хьюз совер-

шил рекордный по времени полет вокруг земного шара, сделав посадку, в частности, в Москве. Позднее Хьюз стал главным акционером крупной авиационной компании, довел ее почти до краха, вынужден был продать свою долю и, несмотря ни на что, получил наличными огромную сумму в 546 549 771 доллар. Отнюдь не успокоившись, он вложил целое состояние в создание самолета, рассчитанного на 700 пассажиров. Это чудовище лишь однажды на какой-то миг оторвалось от взлетной полосы и тут же плюхнулось на землю и с тех пор стоит, строго скрываемое от посторонних, в ангаре в Лонг-Биче в Калифорнии; тайну этого самолета невозможно купить ни за какие миллионы.

Чужакам мультимиллионера Говарда Хьюза нет предела. Он, например, нанимал генеральных директоров для своих предприятий по телефону, и они никогда не видели своего шефа в лицо. Важные телефонные разговоры он всегда вел из будок телефонов-автоматов, так как боялся, что его личные телефоны прослушиваются нежелательными людьми. Однажды для того, чтобы дать Хьюзу ответ, пришлось на другом конце провода созвать целое заседание, и Хьюз все это время терпеливо сидел в будке. Когда заседание закончилось, недоверчивый голос переспросил Хьюза, действительно ли он сам до сих пор находится у аппарата.

Хьюз приглашал партнеров по деловым переговорам покататься на допотопных автомобилях, разъезжал с ними иной раз всю ночь напролет, не снимая ноги с педали, пока они не обалдевали и не давали согласия на сделку.

Сонмы вездесущих журналистов много раз пытались напасть на след Хьюза, но с тех пор как он принял в 1956 году решение не появляться больше на публике, никому из них ни разу не удалось увидеть его даже издалека. Одному особенно назойливому репортеру Хьюз послал чек на 5000 долларов, приложив к нему записку с требованием навсегда забыть о желании получить ин-

тервью. Кое-кого из репортеров он просто купил на всю жизнь.

Сейчас уже невозможно точно установить, когда это было, но однажды Говард Хьюз решил создать лучшую в мире электронную фирму. Ныне он владеет если не лучшей, то одной из лучших и перспективнейших фирм — «Хьюз эйркрафт» в Лос-Анджелесе, которая, несмотря на свое название, не имеет ничего общего с авиацией и занимается строительством искусственных спутников Земли.

Директора фирмы неоднократно просили Хьюза принять их для делового разговора, но он не только не принимал их, но даже не отвечал на письма.

Утром 1 декабря 1966 года Говард Хьюз занял большой номер стоимостью 250 долларов в сутки в отеле «Дизерт инн» в Лас-Вегасе, куда прибыл личным поездом из Бостона. Он задернул плотные шторы на окнах, запер дверь на ключ и не отвечал на телефонные звонки, даже когда звонили из дирекции отеля.

Пять месяцев спустя дирекция отеля вынуждена была активно добиваться связи с постояльцем, так как на это время номер, занимаемый Хьюзом, был заранее зарезервирован для другого лица. Поскольку Хьюз на телефонные звонки не реагировал, дирекция решила подсунуть под дверь его номера записку с просьбой освободить номер. Ответ вернулся немедленно, странный постоялец кратко спрашивал: «Сколько стоит отель?». Ошеломленная администрация ответила тем же способом, сообщив, что общая стоимость отеля равна 13,2 миллиона долларов. После этого Хьюз вытолкнул из-под двери бумажку с написанным на ней одним словом: «Купил».

А затем Хьюз начал скупать отели и игорные дома в Лас-Вегасе, как рядовой потребитель закупает на зиму картофель. Вскоре он стал там крупнейшим землевладельцем, а в конце 1970 года исчез из Лас-Вегаса столь же неожиданно, как и приехал в этот город. Несомненно,

что Хьюз самый богатый чудаков в мире, и его состояние, равное 1,3 миллиарда долларов, не намного меньше состояния Поля Гетти.

Мы потому так подробно рассказали историю Говарда Хьюза, что в жизни богачей находит отражение одна из существенных сторон американской действительности. Его авантюристическая история показывает, что в Америке финансовые аристократы могут терпеть неудачи в сфере предпринимательства, но при этом они не сломают себе шею, ибо она остается у них целой даже при падениях, которые для других оказываются смертельными.

Третий в иерархии американской финансовой аристократии 80-летний техасец Г. Л. Хант представляет собой смесь ловкача в бизнесе и профана в политике. Этот старик с лицом младенца, говорящий с акцентом южанина, словно у него во рту горячая картошка, считает себя самым богатым американцем, и то, что именно Поль Гетти все же богаче его, больно бьет по самолюбию техасца.

Хант — «патриот», причем правый. Ему чудится, что его стране со всех сторон угрожают левые, поэтому он ненавидит их. Перед его домом в Далласе в кругу семьи производится подъем и спуск национального флага. Флаг для него — святыня, Хант благоговеет перед ним и верит в него, как в бога, которого считает крестным отцом капитализма.

Хант усматривает непосредственную связь между левыми, либералами и атеистами, которые якобы хотят совершить переворот в Америке и создают угрозу имеющимся в ней богатствам. Чтобы противостоять такой опасности, Хант занимается политической деятельностью.

Он содержит большую группу комментаторов и журналистов, составляющих, очевидно, самую нелепую политическую радиопрограмму, которая когда-либо транслировалась в этой богатой нелепыми радиопрограммами стране. Называется она «Линия жизни», ее вещают мно-

гие радиостанции и отражает она хантовскую философию о «добром боге», который любит тех, кто умеет делать деньги.

Когда Верховный суд США принял решение считать необязательной молитву перед началом уроков в школах, нефтепромышленник Хант счел, что его стране нанесен удар в самое сердце. В период президентства Джона Ф. Кеннеди Ханта крайне беспокоили его социальные тенденции. Последним государственным деятелем, который, по мнению Ханта, действительно мог повести Соединенные Штаты «правильным курсом», был генерал Макартур. Во всяком случае Хант подумывал о том, чтобы выдвинуть кандидатуру генерала на пост президента. Он был также поклонником генерала Уокера, которому из-за своих профашистских взглядов пришлось уйти в отставку. Хант воспринял ее как новое доказательство того, что левые ведут подрывную работу даже в вооруженных силах.

Живет Хант в доме, скопированном с виллы Джорджа Вашингтона, и, кроме того, снимает квартиру на 29-м этаже небоскреба, принадлежащего «Фёрст нэшнл бэнк» в Далласе.

Его интересы далеко не ограничиваются нефтью, хотя нефтяные предприятия составляют основу богатств Ханта. На принадлежащих ему предприятиях производится также разного рода продовольствие. Сам же он питается в соответствии с принципами, которые столь же строги, как точны балансы его фирм. Однако любой, в ком есть хотя бы самый минимум вкуса к жизни, в ужасе бежал бы, например, от завтрака у Ханта.

Миллиардер Хант принципиально ездит в старых автомобилях, причем обходится без шофера. Он охотно рассказывает о том, как некогда был пастухом и мойщиком посуды. Во время второго завтрака он ест маленькие бутерброды, которые носит с собой в бумажном пакете.

Борьбу с бедностью, которую начал было проводить Джон Ф. Кеннеди, Хант воспринял как скандал, потому что такая борьба противоречит всему, во что он верит. А верит он в то, что любой пастух может стать миллиардером, как стал миллиардером он сам. Никто из слушателей хантовской радиопрограммы «Линия жизни» не удивится, если президентом США когда-либо станет Джордж Уоллес, которого поддерживает богатейший человек из Далласа.

Поль Гетти и Говард Хьюз богаты от рождения, они наследовали огромные состояния. Г. Л. Хант богат благодаря счастливой случайности, связанной с приобретением нефтяной скважины в Техасе, которое дало пищу для неистощимой легенды о том, что в Америке любой мойщик посуды может стать миллионером. При этом, однако, число американцев, которым действительно удастся вскарабкаться на самый верх, значительно меньше числа тех, кто, например, в Германии нажил себе солидное богатство, играя на скачках.

В неофициальном списке очень богатых людей в Америке нет, пожалуй, никого, кто бы действительно поднялся на вершину богатства в последние десятилетия. Зато статистика свидетельствует о том, что среди тех, кто борется за первый миллион, банкротство или капитуляция столь же распространены, как насморк зимой, так как американская фирма, которая основывается с надеждой посредством большого доллара добиться большого счастья, в среднем существует лишь немногим более шести лет. Только в 1969 году разорились и были поглощены более мощными конкурентами 4550 фирм; они стали жертвами тех, кто не завоевывает рынок товарами лучшего качества, а покупает его.

31 миллион американцев является держателем акций. Однако было бы наивно делать из этого вывод, что в Соединенных Штатах получил распространение «народный капитализм». В действительности подавляющее боль-

шинство из этого 31 миллиона владеет ценными бумагами на сумму менее 10 тысяч долларов, причем значительная часть этого большинства — просто миниакционеры.

По данным американского экономического журнала «Форчун», число американцев, живущих хорошо и имеющих годовой доход в размере 25 тысяч долларов или больше, составляет 1 373 000. Если учесть, что население США равно примерно 210 миллионам человек, то удивительно живучий тезис о якобы широко распространенном богатстве в Америке — не что иное, как сказка.

Средний американец не только не богат, но и обременен долгами, причем порой крупными и гнетущими. 33 миллиона американских семей живут в долг, их задолженность достигла феноменальной суммы в 400 миллиардов долларов.

Подавляющая часть американских туристов, на которых во всем мире смотрят с завистью как на состоятельных и постоянно путешествующих прожигателей жизни, совершает свои поездки по принципу: «поезжай сейчас — заплатишь потом».

Половина американских семей не в состоянии вносить плату за дома и квартиры, которые строятся, чтобы ликвидировать весьма распространенный в городах жилищный кризис.

Почти треть населения одной из богатейших стран в мире вынуждена довольствоваться жизненным уровнем зачастую намного ниже того, который правительство считает границей нищеты. 20 или 30 миллионов человек просто бедны, многие живут в такой бедности, которую, во всяком случае в европейских странах, уже не встретить.

Богатые управляют страной. Среди членов американского сената — «клуба для самых избранных в мире» — в процентном отношении больше миллионеров, чем в парламенте любой другой страны на земном шаре. Политические машины обеих крупных партий находятся в руках

людей, которые приобрели или унаследовали состояния и, разумеется, хотят сохранить и защитить их политически. И если бы даже во главе американской политики не стояли богатые люди, все равно существовал бы блок меньшинства, которое, хотя и составляет всего неполных три процента населения, контролирует примерно две трети народного достояния. В свою очередь среди этого меньшинства имеется горстка людей, не больше, чем можно разместить в маленьком клубном помещении, в руках которых сосредоточено больше экономической и политической власти, чем это может быть полезно.

Они всегда действовали в соответствии с принципом, получившим одобрение и укоренившимся во всей стране: надо брать все, что только можно, а если получится, то и еще немного.

Основа богатства многих из них была заложена еще в то время, когда правительства вызывали национальную гвардию для подавления рабочих, которые объявляли забастовки в поддержку требований о повышении заработной платы или осмеливались создавать профсоюзы. Некоторые сколотили себе состояния в период, когда было принято использовать заключенных в качестве штрейкбрехеров. Другие нажили богатства на войнах. Г. Л. Хант во время второй мировой войны был крупнейшим поставщиком нефти для американской армии. Огромные деньги на вооружении и войнах заработали Дюпоны. И Говард Хьюз может позволить себе фокусничать в Лас-Вегасе потому, что принадлежащая ему компания «Хьюз эйркрафт» временами снимала богатый урожай на ниве вооружения.

Значительная часть богатств была добыта в Америке способом, который не имеет ничего общего со свободной и честной конкуренцией, а скорее напоминает беззастенчивую драку или продолжающуюся всю жизнь вольную борьбу. Пожалуй, нет ни одной более или менее значительной фирмы, которая по крайней мере один раз, а

большей частью — десятки раз не нарушила бы существующие законы, чтобы увеличить свои прибыли за счет других. Американская экономика во многом напоминает зоопарк, в котором зрителями поставлены гиены. По мнению специалистов, в результате сговора крупнейших монополий относительно цен американцы несут ущерб в размере шести процентов национального дохода. 200 промышленных гигантов контролируют две трети всех производственных предприятий, лишь по четыре компании господствуют на рынках автомобилей и алюминия, ламп накаливания и продуктов питания. Это слишком мало для настоящей, ориентирующейся на рынок конкурентной борьбы. Гиганты могут устанавливать любые выгодные им цены, и никто не может помешать им, тем более правительство, которое и не хочет делать это, поскольку уже давно выступает как агент монополий и покровитель грубой силы в экономике.

Американские богачи, с большим успехом заgreбавшие себе все, что только могли, оставляли, тем не менее, у тех, у кого они брали, довольно приятное впечатление. Объясняется это просто: американские толстосумы очень хорошо овладели искусством делать гуманные жесты; беря много и потихоньку, они возвращают чуть-чуть, однако с большой помпой.

Действительно, состоятельные американцы пожертвовали своей стране значительные ценности. На их средства медицинские учреждения работают над разгадкой тайн страшных болезней. Большинство больниц, университетов и институтов создано при участии богатейших людей. В музеях Соединенных Штатов собрано множество картин, подаренных богатыми меценатами.

В городах, где совершались подобные дароприношения, газеты до небес превозносили мецената, а сам он во время традиционного коктейля после передачи дара скромно отклонял благодарность, которую выражали представители местных властей и музея.

Причина такой «скромности» была весьма веская: подаренную картину «меценат» купил за 100 000 долларов, а в дарственной указал цену в 400 000 долларов; таким образом он скрывал от обложения налогом разницу в сумме 300 000 долларов.

Разумеется, среди американских богачей встречаются и филантропы, но они так же редки, как альбиносы в природе.

Американский богач, который отдает немножко от того, что раньше жестоко, не считаясь ни с чем, нагребил, при пожертвовании, так же расчетлив, как и при приобретении. Когда он что-то дает, он, в сущности, делает то, что так или иначе должен был бы сделать в интересах саморекламы.

Средства, инвестируемые богатыми в саморекламу, примерно так же способствуют упрочению капиталистической системы, как и уверенность большинства конгресса в том, что все, что хорошо богачам, хорошо и для страны в целом. Несмотря на протесты меньшинства его членов, конгресс посредством ряда законов поощрял богатых обходить установленный порядок налогообложения, тогда как из остальных американцев он выжимал последние соки.

Согласно достоверным подсчетам, сверхбогачи, присвоившие себе две трети богатств страны и составляющие лишь один процент ее населения, уплачивают менее одной пятой собираемых в стране налогов. Но и эту скромную долю они посредством цен переваливают на плечи народа, который, несмотря ни на что, не перестает под барабанный бой рекламы в интересах богачей превозносить свою капиталистическую экономику как величайшее открытие после изобретения колеса. В Соединенных Штатах есть миллионеры, которые за много лет не уплатили ни одного цента налогов, потому что с помощью пройдохи-адвоката умело обходили соответствующие законы.

Когда накопившие огромные богатства американцы жертвуют малую толику на строительство больницы и тем самым вписывают себя в историю благотворительной деятельности в своем городе, это равносильно тому, как если бы высокопоставленный чиновник в Бонне при сборе пожертвований в пользу Красного Креста внес две марки вместо обычной одной.

Огромные состояния, по сравнению с которыми собственность крупных немецких концернов — лишь горстка земляных орехов, образовались в Соединенных Штатах еще в то время, когда федеральных налогов вообще не существовало. Они были нажиты за счет беспощадной даже по тому времени эксплуатации рабочих и служащих. Учрежденные владельцами этих состояний разного рода «фонды» — одно из явлений, столь же характерных для Америки, как и потрясающая бедность.

Всего в Соединенных Штатах насчитывается около 50 тысяч различных «фондов», и их число растет, потому что они оказались не только чрезвычайно эффективным средством рекламы, но и превосходной ширмой, за которой под видом общепользнего дела производятся выгодные операции.

Фонды сохраняют видимость общепользности. Действительно, фонд, названный именем стального короля Эндрю Карнеги — он заставлял рабочих своих металлургических заводов до седьмого пота трудиться по 72 часа в неделю за 10 долларов, — финансировал ставший классическим доклад комиссии Мюрдаля о положении негров в Америке. Фонду Рокфеллера, названному по имени Джона Д. Рокфеллера I — последний был крайне непопулярен при жизни, — мир обязан большими успехами в борьбе против малярии и желтой лихорадки. Гигант среди американских фондов — Фонд Форда, капитал которого составляет около 3,5 миллиарда долларов, финансирует несколько превосходных проектов.

Объективная ценность деятельности этих фондов нео-

спорима, как неоспоримо и то, что создание самих фондов стало возможным лишь потому, что их основатели постоянно и с успехом присваивали себе все, что только могли, а государство поощряло их к этому. Кроме того, с самого начала было ясно, что фонды — хороший бизнес.

Фонды обращают в капиталы все сэкономленное ими на уплате налогов, от которых они полностью освобождены. Фонды размещают заказы на исследовательские работы, результаты которых часто обеспечивают их альтруистическим учредителям новые возможности в их хозяйственной деятельности. Фонды дарят капиталы своим учредителям в любое время и в любом количестве. Фонды предоставляют прибыльные займы. Известно также, что фонды совместно с ЦРУ предпринимают усилия, направленные на то, чтобы убедить мир в «превосходстве американского экономического и общественного уклада», чтобы уберечь Америку от призрака реформизма, который бродит по Европе, и одолеть коммунизм.

Учреждение фондов богачами — это отнюдь не исправление совершенной несправедливости. В соответствии с принятой в этой стране моралью богатые вообще не могут творить несправедливость и никогда не творили ее, а поэтому у них нет и причин для ее исправления. Фонды — также не жертва, не пример капиталистической солидарности. Это просто крохи с барского стола, с благодарностью подбираемые людьми, которым весьма успешно вдалбливали, что мир был бы раем, если бы он мог в конце концов решиться жить на основе принципов, действующих в Соединенных Штатах и весьма внушительно представляемых теми тремя, которые возглавляют список самых богатых людей Америки.

Если нынешняя тенденция в развитии отношений между расами в Соединенных Штатах сохранится и впредь, негры могут надеяться, что в 1992 году станут равноправными с белыми претендентами, если у какой-нибудь фирмы окажется вакантным пост служащего. В 2005 году негры будут иметь равные права с белыми, если они, при условии равных способностей, будут добиваться места специалиста. К 2017 году следует ожидать равноправия негров при занятии вакантных мест врача или архитектора, маклера или инженера. А в 2370 году у негров будут равные с белыми права и в том случае, если речь будет идти о poste директора или даже об учреждении собственного предприятия. С таким прогнозом выступил профессор Томас Петтигрю.

Предсказания Петтигрю опубликовал институт прогнозирования корпорации «Рэнд» в Санта-Монике, в Калифорнии; они были помещены также в нескольких газетах, но большинство читателей, вероятно, вскоре снова забудет о них.

Большинство же негров даже не читало их. В гетто почти не читают газет, равно как и в жалких деревянных лачугах в Алабаме и Миссисипи, в Арканзасе и Джорджии, Техасе и Флориде, где живут негры; у них нет денег на газеты, у них едва хватает денег на самое необходимое.

Д-р Даниэл Томпсон прочитал прогнозы Петтигрю, и они не вызвали у него удивления. Он был преподавателем Диллардского университета в Новом Орлеане, университета для черных в предместье этого города. Это, конечно, не знаменитый институт, не Гарвард, но все же — заветная цель для многих честолюбивых негров.

Д-р Даниэл Томпсон был черным, как и его студенты. Он действительно был хорошо знаком с тем, что предска-

звал на будущее его белый коллега. Только Томпсону, видимо, было лучше известно, чем белому ученому, что значила дискриминация черных в современном американском обществе. Он знал, что черный американец чувствует себя бессильным, слабым даже с могучими бицепсами, что у него явно нет шансов обеспечить сколько-нибудь приличное существование и скромное благополучие семье.

Томпсон указывал на непосредственную взаимосвязь между широко распространенной среди негров хронической безработицей и растущим числом негритянских детей, вынужденных слишком рано покидать школы, чтобы где-нибудь немного подработать.

Трудный путь негра, говорил этот профессор, уже был слишком длинным, негр не будет ждать до 2005 года, чтобы его считали равноправным претендентом на вакантное место специалиста. Ему нужна работа сейчас, немедленно, и он требует, чтобы общество белых поняло, наконец, это.

Но общество белых этого не понимает. Оно вышвырнуло недавно знаменитого бейсболиста Мори Уилса (которому оно бурно аплодировало на игровом поле) из двух баров в Палм-Биче, ибо негры там нежелательны. Это общество изгнало недавно полковника военно-воздушных сил Даниэла Джеймса из бара в Пенсаколе, во Флориде, потому что Джеймс — тоже черный. И в Новом Орлеане, неподалеку от того места, где живет д-р Даниэл Томпсон, белые захлопывают двери баров и ресторанов перед неграми. Правда, некоторые из этих ресторанов формально не закрывают двери перед неграми, но вошедший туда негр неизбежно чувствовал бы себя, как батрак на пиру у помещика.

Общество белых закрывает неграм доступ в жилые кварталы и к рабочим местам. Негры составляют 12 процентов населения Америки, но на их долю приходится лишь 2,5 процента деловых людей, причем на долю этих

2,5 процента падает всего один процент оборота капитала в стране, и они контролируют лишь полпроцента всех частных состояний в Соединенных Штатах; президент Никсон с гордостью именует это «черным капитализмом», считая его доказательством того, что негры тоже могут преуспевать.

Но не только минимален процент негров в преуспевающих слоях населения, даже вершина негритянской пирамиды подвергается дискриминации, и состоятельный негр не свободен в выборе местожительства: тут всегда имеются барьеры, которые невозможно преодолеть. В конце концов даже на состоятельного негра распространяются принципы, которые действуют в стране с 1620 года, когда были завезены первые рабы:

*Если ты белый, ты повсюду желанный;
Если коричневый ты, что ж, оставайся;
Если ж ты черный, прочь убирайся!*

Белая Америка предоставила, правда, негру Карлу Роуэну пост посла, но когда он вернулся из-за границы в родной Вашингтон, клуб «Космос» отказался принять его в свои члены, ведь в этом клубе неграм не место; во многие клубы неграм нет доступа, их принимают туда разве что на работу в качестве официантов или служителей в туалетах.

90 процентов частных клубов в Америке остаются неприступными кастовыми крепостями в стране, которая неустанно превозносит себя как образец сосуществования людей, приехавших сюда со всех уголков мира. По данным социолога Кливленда Эймери, для 90 процентов клубов характерны антисемитские и, разумеется, антинегритянские настроения.

Состоятельные негры могут примириться с тем, что их не принимают в какой-нибудь клуб, не позволяют играть на теннисной площадке или плавать в бассейне. Но бед-

ные негры не могут примириться с тем, что им не дают возможности работать, например негры в Питтсбурге.

Квартал Хилл в Питтсбурге похож на Гарлем в Нью-Йорке, на Роксбери — в Бостоне, на Саутсайд — в Чикаго. В Хилле царят безработица, крысы и грязь. Но в Хилле живут люди, стремящиеся добиться успеха в жизни. Тут живут черные мужчины, которым неприятно слышать от жен упреки в том, что они неудачники, не способные прокормить семью.

И вот мужчины из округа Хилл собираются в длинную колонну и направляются в белый Питтсбург, они маршируют к строительным площадкам, где белая Америка воздвигает в качестве нового символа изобретательности и деловитости 65-этажное здание «Юнайтед Стейтс стил билдинг» и другие небоскребы, с которых потом можно будет бросить взгляд на квартал Хилл. На это строительство будет израсходовано полтора миллиарда долларов.

— Мы требуем работы,— скандируют негры из квартала Хилл. — Мы требуем работы!

Они идут на строительные площадки, они не перестают твердить, что хотят работать.

— Нам не нужны благотворительные пособия,— восклицают они. — Понимаете ли вы, что нам не нужны такие пособия? Нам нужна работа!

В Питтсбурге насчитывается 30 тысяч мест на строительных работах. Негры из квартала Хилл потребовали себе 2500 из них. 2500 из 30 000 рабочих мест примерно соответствовало бы проценту негров от численности населения города. Но с этим никто не хочет считаться, причем не только в Питтсбурге. Некоторые американские профсоюзы не принимают негров в свои ряды, а это значит, что негры не могут найти работу в тех отраслях, которые охватывают эти профсоюзы.

Им остается прозябать в квартале Хилл, в Гарлеме, или Роксбери, или выполнять самую грязную работу, какая только имеется в стране.

Трагическая судьба негра в Соединенных Штатах уходит своими корнями в далекое прошлое, его нужда — не новость, она сопутствует ему с тех пор, как он был завезен в Америку в начале XVII века. В обществе белых он всегда занимал последнее место, худшее, чем негр-тяжка даже в период рабства.

Он работал в поле, у него не было своего имени, его звали просто «бой», каким бы взрослым, мужественным и сильным он ни был. Белый хозяин мог запретить негру жениться, мог запретить ему учиться читать и писать; негру не разрешалось посещать церковь, бывать в доме хозяина. Если же ему разрешали жениться и появлялись на свет дети, хозяин мог продать детей. И если у детей были хорошие способности к работе, сбыть их было так же выгодно, как жеребят от хороших рабочих лошадей; это приносило иногда хозяину немалый доход.

Негр не принадлежал самому себе, и если он все же проявлял гордость, то хозяин быстро и жестоко расправлялся с ним, у рабов не должно быть гордости.

История американского негра — это история бесконечных унижений, лишений, издевательств и по сей день. Его линчевали, убивали, оскорбляли. Когда же он стал формально свободным, эта жестокая американская свобода принесла ему лишь новые унижения, лишения и издевательства.

Из 6338 радиостанций Америки только 11 принадлежат цветным, а из 690 коммерческих телевизионных станций страны нет ни одной, которая принадлежала бы негру.

В среде журналистов, оказывающих влияние на формирование общественного мнения, негры составляют только 5 процентов, причем большая часть из них занимает незначительные должности, не имеет никакого авторитета. Им разрешают занимать эти должности только для того, чтобы на них можно было сослаться, когда организации борьбы за гражданские права подни-

мают вопрос о занятости негров. Газета «Нью-Йорк таймс», которая любит выдавать себя за поборника свободы и равноправия цветного населения и считает себя совестью нации, в собственном доме распоряжается совсем иначе: в числе 374 редакторов и репортеров насчитывается только 13 негров. А журнал «Ридерс дайджест», который неустанно рисует миру лживую и приторную картину мирного сосуществования американского народа, выделил для негра лишь одну более или менее значительную должность.

Негры составляют только около 1 процента докторантов, менее 3 процентов студентов, изучающих медицину и право, менее 3 процентов студентов известных университетов с совместным обучением белых и черных. В Нью-Йорке в числе 893 директоров школ только 24 негра, на долю негров приходится только 35 из 968 стипендиатов в области искусства; из 300 000 адвокатов в стране только 3000 — негры.

Среди 459 федеральных судей насчитывается только 22 негра. Белые твердо держат в своих руках правосудие на более низкой ступени, ибо в числе 12 000 судей штатов и городских судей только 178 негров.

Там, где можно неплохо заработать, цветные представлены далеко не пропорционально, если не считать, пожалуй, спорта: ведь без негров не выиграть баскетбольные матчи, и на Олимпийских играх без участия черных атлетов трудно состязаться с Советским Союзом и другими странами, поэтому приходится приглашать черных. К тому же, если негр представляет страну на состязаниях, это оказывает благотворное и успокаивающее влияние на негритянские гетто: ведь потом можно послать в эти гетто черных спортсменов «для поднятия духа».

— Леди и джентльмены, сегодня выступает Джордж Уоллес. Приходите послушать человека, который спасет нашу страну! Не допустим, чтобы наша великая страна погибла! Наша страна в опасности! Нашей стране нужен Джордж Уоллес. Леди и джентльмены, сегодня выступает...

Эти слова разносятся из громкоговорителя, установленного на автомобиле, который разъезжает по улицам Акрона.

Акрон, в штате Огайо, похож на многие другие города такого же размера. Средний город, населенный средним сословием, белые дома, дома богатых и лачуги бедных.

В Акроне можно жить. Надо, конечно, работать, но жить можно, хотя цены постоянно растут. Жители Акрона хотят спокойствия и порядка, а их нет в Акроне: увеличивается число преступлений, все чаще устраивают демонстрации студенты, а также негры, добивающиеся гражданских прав, организуются митинги протеста против войны во Вьетнаме, полицейским дерзят и забрасывают их камнями.

У жителей Акрона такое чувство, что дела Соединенных Штатов плохи; надо что-то предпринять, причем поскорее, надо восстановить, наконец, порядок в стране. Они не большие политики, жители Акрона, порой они совсем не разбираются в политической тарабарщине, которую несут по телевидению политические деятели из Вашингтона. Но одно акронцам ясно: у политиков в руках власть, а эта власть допустила, что спокойствия и порядка в Соединенных Штатах не стало. Политики оказались несостоятельными, а вместе с ними и вся система правопорядка, особенно Верховный суд США. Если бы его судьи не выносили столь мягких приговоров, была бы

невозможной значительная часть нынешних беспорядков в стране. Своими действиями судьи поощряют выступления против государственной власти, они потребовали расовой интеграции в школах, разрешили порнографию, дело дошло до того, что сейчас порнографическую литературу можно купить даже в Акроне. И как только им не совестно выносить свои приговоры под американским флагом, возмущаются акронцы.

Многие граждане Акрона установили у своих домов флагштоки, на которых периодически поднимают американский звездный флаг. Они верят в этот флаг, как в бога. Флаг и бог, говорят они, неотделимы один от другого, это — неразрывные части одной системы, при которой их страна становилась все более могущественной.

Однако система эта слишком либеральна по отношению к своим внутренним врагам и к коммунистическим государствам. Америке нужна твердая рука. Ей нужен человек, который стукнет кулаком по столу и установит порядок. Сейчас самое время для него.

Человек, который готов обеспечить жителям Акрона спокойствие и порядок, уже находится на пути в этот средний город, где преобладает среднее сословие. Он летит на самолете устаревшего типа и вскоре будет в Акроне. Он не может позволить себе летать на современном реактивном самолете, подобно другим важным персонам американской политики, а поэтому вынужден дышать выхлопными газами, врывающимися в самолет из вентиляционных отверстий.

Человек этот сидит на переднем кресле и смотрит в окно на простирающийся внизу ландшафт. Он молчит, и заговаривать с ним нет смысла: он глуховат. Зовут его Джордж Корли Уоллес, он — губернатор штата Алабама. Джордж Уоллес разъезжает по Соединенным Штатам, потому что хочет стать президентом страны. Он не победит на очередных выборах, но готов все же повторить попытку. Он уверен, что в 1972 году ему будет сопутствовать

большой успех, чем на президентских выборах 1968 года, поскольку, как он считает, страна созревает для него, и когда-нибудь он одержит победу.

Самолет мягко опускается на поле акронского аэродрома и подруливает к зданию аэровокзала. Уоллес поднимается со своего места. Он мал ростом, даже чересчур мал. У него обычное лицо человека из простого народа, густые черные брови, нос напоминает о его боксерском прошлом.

Открывается дверь самолета, оркестр играет марш, раздаются первые возгласы приветствия, и Уоллес появляется на верхней ступеньке трапа. Он улыбается несколько смущенно, как бы недоумевая, почему люди так бурно приветствуют его, человека, который родился в простой семье в захолустном местечке в штате Алабама.

Окруженный агентами тайной полиции, один из которых так командует сопровождающими Уоллеса журналистами, словно его патрон уже заправляет в Белом доме, Уоллес пожимает несколько протянутых к нему рук.

— Как дела? Это очень мило с вашей стороны, что вы пришли! — говорит он. — Мы должны бороться! Вы должны помочь мне прогнать весь сброд из страны!

— Дай им, Джордж, — кричит мужчина в синем плаще, — задай перцу этим недотепам в Вашингтоне!

— Можешь быть уверен! — с улыбкой отвечает Уоллес.

— Уоллеса в президенты! — восклицает женщина. И хор голосов повторяет за ней: — Уоллеса в президенты!

Уоллес снова чуть-чуть застенчиво улыбается, а затем выбрасывает вверх руки, как боксер, которому присуждена победа.

Колонна автомобилей и полицейский эскорт уже наготове. Уоллес — друг полицейских по всей стране. Он им нравится. Наконец-то нашелся человек, который на стороне полицейских. Надо бы отдать США на три-четыре года во власть полиции, сказал он как-то, и полицейские не забывают его слова.

Полицейские подводят маленького человечка к автомобилю, он снова и снова пожимает им руки, приговаривая:

— Очень мило с вашей стороны, что вы все пришли и сопровождаете меня. Мы наведем порядок в стране, мы сделаем это вместе, вы и я!

Раздается вой полицейских сирен, колонна приходит в движение. Джордж Уоллес начинает завоевывать Акрон в штате Огайо.

Он завоевал уже большие районы в стране. Его поддерживает почти весь Юг Соединенных Штатов. В Калифорнии он добился того, что никто не считал возможным: в течение нескольких дней он собрал 107 263 подписи избирателей, необходимые для выдвижения его кандидатом на пост президента также и в этом штате. Опросы общественного мнения показали, что Уоллес может надеяться на значительную поддержку избирателей. Уоллес побывал во всех частях страны, и почти повсюду залы или рыночные площади, где он выступал, были заполнены народом, который требовал:

— Джордж, поддай как следует этим недотепам в Вашингтоне!

Он делал все, что в его силах; здесь, в Акроне, он тоже постарается. Он выступит с речью, которую акронцы не скоро забудут. Текст речи он выучил наизусть и произносит ее повсюду, поэтому журналисты, сопровождающие Уоллеса, удивленно переглядываются, если он вдруг меняет хотя бы одну фразу. Джордж Уоллес скажет все, как есть. Он скажет именно то, что люди хотят услышать. Завоевать Акрон совсем не трудно: он будет говорить так же примитивно, как примитивно мыслят жители этого города. К тому же его сочный жаргон простонародья южных штатов Америки, которым интеллигенция не пользуется, импонирует акронцам.

Когда Уоллес едет с аэродрома в город, отдельные прохожие узнают его, приветствуют кивком головы или

делают пальцами знак «V»*, желая ему победы. Некоторые же черные показывают большим пальцем вниз. Но ничего, у них отобьют охоту к этому, стоит только Уоллесу водвориться в Белом доме в Вашингтоне.

В зале отеля в центре Акрона в ожидании Уоллеса собралось около ста человек: простые люди, ремесленники, служащие, рабочие. Здесь нет ни одного профессора, ни одного студента и уж, конечно, ни одного черного. Сто ожидающих представляют народ, перед которым будет выступать Уоллес. Они уплатили по 25 долларов. И за это будут вместе с Уоллесом есть ростбиф с зеленым горошком и свеклой и слушать его речь. Сбор пойдет в фонд предвыборной кампании Уоллеса. Народ платит охотно, особенно когда к нему приходит «Спаситель».

После ростбифа с приветствием к гостю обращается местный организатор избирательной кампании.

— Перед нами, — говорит он, — стоит великая задача: восстановить порядок в стране, научить детей уважать бога и национальный флаг, помочь нации вновь обрести величие.

Затем выступает Уоллес. Он немногословен, но уже после первой фразы присутствующих охватывает возбуждение, какое обычно бывает на спортивных состязаниях. Оратор злопыхательствует, сыплет оскорблениями в адрес правящей верхушки. Уоллес хорошо ориентируется, он знает, что нравится публике. Он превозносит резиновую дубинку и тюремные застенки. И срывает аплодисменты.

Между тем публика уже собралась на митинг в Большом зале Акрона, где иногда проходят также спортивные соревнования. Появление Уоллеса зал встречает аплодисментами. Но едва они стихают, раздаются выкрики:

— Хайль Гитлер! Нацист!

* Начальная буква от английского слова Victory — победа (примечание переводчика).

Молодые люди разворачивают плакаты, на которых написано: «Боритесь за мир!» Затем отдельные голоса сливаются в хор, который скандирует:

— Нацист! Нацист! Нацист!

Уоллес стоит на пуленепробиваемой трибуне, чуть склонив голову. Надо дать им выкричаться, пусть себе орут, пока не закипит от ярости другая половина аудитории. Выкрики очень важны для создания нужной ему атмосферы, каждый выкрик — это несколько десятков голосов на выборах.

Гнев его сторонников против крикунов растет. Некоторые вскакивают с мест и начинают вопить:

— Вон! Вон! Вон!

Затем вскакивают все и, указывая на дверь, визжат:

— Вон! Вон! Вон!

Несколько здоровенных мужчин медленно продвигаются к рядам, где сидят оппозиционеры. Каждую минуту может вспыхнуть драка. Невольно напрашивается сравнение с атмосферой собраний в Берлине в 1932 году. Уоллес с каменным лицом по-прежнему стоит на трибуне. Сейчас самое время начать речь.

Как только возмутители спокойствия покидают зал, Уоллес говорит:

— Это все коммунисты и анархисты, от которых мы избавимся, когда я займу место в Белом доме.

Собравшиеся встречают его слова бурей аплодисментов.

— Вы, наверное, слышали, — продолжает оратор, — что несколько таких анархистов улеглись на дороге, когда президент проезжал по Калифорнии. Я заверяю вас, что, когда я стану президентом и анархисты окажутся перед моим автомобилем, это будет последний автомобиль, под колеса которого они лягут.

Снова раздаются бурные аплодисменты.

— Управлять страной должны сталевары, а не гнилая интеллигенция в Вашингтоне, — говорит Уоллес. — Ста-

левары и парикмахеры, электрики и продавщицы, лавочники и полицейские. Править в стране должен снова народ, а в Вашингтоне к простому народу прислушиваться не хотят, там на народ смотрят свысока. Народ не болен, больны политики, судьи и журналисты!

В зале всеобщее ликование, пожалуй, самое истеричное ликование со времен выступлений Геббельса в Германии.

В тюрьму всех, кто своими действиями в Соединенных Штатах саботирует войну во Вьетнаме, требует Уоллес! За решетку профессоров, которые учат своих студентов выступать против войны в Индокитае!

— Мы так всыпем всем либералам в стране, что им уж не подняться! — восклицает оратор.

И снова взрыв аплодисментов, люди от восторга топчут ногами.

О черных Уоллес не говорит. Но любой из присутствующих на митинге в Большом зале Акрона и без того знает, как относится Джордж Уоллес к расовой проблеме в Америке. Когда в 1963 году он впервые стал губернатором штата Алабама, он раз и навсегда сказал своим избирателям:

— От имени величайшего народа, когда-либо ступавшего на эту землю, заявляю: расовая сегрегация сегодня, расовая сегрегация завтра, расовая сегрегация навечно!

Граждане Акрона в восторге. Наконец-то появился «фюрер», «человек из народа», который сплевывает в носовой платок, а затем этим же платком вытирает пот со лба. Наконец-то появился деятель, который в своих речах не пользуется никакими риторическими красотами, который на вопрос о том, как бы он поступил, чтобы урезонить бунтующих негров, отвечает так же, как ответили бы они сами.

— Паф, паф! — восклицает Уоллес и при этом делает рукой движение, словно стреляет. — Прямо в затылок, насмерть, на месте!

Митинг удался на славу, люди в зале снова обрели надежду, теперь они будут голосовать за Уоллеса.

Джордж Уоллес покидает зал через сцену, его друзья полицейские снова окружают губернатора, со всех сторон слышатся поздравления.

— Великолепно, губернатор, — говорят они. — Мы добьемся того, что нужно, Вы и мы.

Уоллес сплевывает в носовой платок и вытирает им мокрый от пота лоб. Речь, которую он только что произнес, вконец измотала его, но он старается улыбаться, так как все прошло отлично. Завтра он выступит в Кантоне в штате Огайо, послезавтра в Питтсбурге в штате Пенсильвания. Старый самолет, в салоне которого трудно дышать от отработанных газов, будет нести на своих крыльях все дальше по стране вклад Америки в возрождение фашизма.

Подобно Гитлеру, Уоллес видит перед собой народ, глубоко разобщенный, неорганизованный, незрелый, потрясенный конфликтами с применением насилия, разочарованный теми, кто управляет страной. Подобно Гитлеру, опираясь на свой авторитет «выходца из народа» и человека, «страдающего» от отсутствия порядка в стране, он обещает восстановить «порядок и величие нации». И подобно Гитлеру, он расправится со своими противниками.

Он говорит об этом откровенно. Сидя в своем отделанном деревом кабинете в резиденции губернатора в Монтгомери, он заявляет, что Гитлер был не так уж неправ, в его расовой политике, дескать, имелись «правильные идеи». И он, Уоллес, подобно Гитлеру, не замедлит бросить за решетку врагов своего режима, щепетильность здесь ни к чему, «интересы народа» превыше всего. Но Гитлер, «к сожалению», был диктатором. Уоллес же не диктатор, он не хочет быть диктатором гитлеровского типа, он просто фашистский демагог.

В 1968 году коротышка Джордж Уоллес был близок к тому, чтобы стать президентом США. Он надеется, что

через некоторое время американский народ, разочаровавшийся в Ричарде Никсоне, который обещал стране спокойствие и порядок, но не дал ни того ни другого, «с признательностью» вспомнит о губернаторе Алабамы. У себя, в Монтгомери, на юге Соединенных Штатов, Уоллес уже слышит призывы из всех частей страны, хотя он и глуховат. Он ответит на эти призывы. Джордж Уоллес будет первым кандидатом в президенты Соединенных Штатов Америки, у которого в свидетельстве об освобождении от военной службы записано, что он страдает расстройством психики *.

* В ходе предвыборной кампании 1972 года в городе Лорел на Уоллеса было совершено покушение, и он был тяжело ранен. Позднее Уоллес заявил, что он снимает свою кандидатуру и не будет участвовать в борьбе за пост президента (*примечание переводчика*).

3	ОТ АВТОРА
5	МИРОВАЯ ДЕРЖАВА: СЛАДКИЕ РЕЧИ И БОЛЬШАЯ ДУБИНКА
14	ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ: ГОРОД С ГНИЛЫМ НУТРОМ
24	КОРРУПЦИЯ
39	НАСИЛИЕ
54	БИЗНЕС
73	ОБЩЕСТВО
81	ИНДЕЙЦЫ
97	РЕЛИГИЯ
115	ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ
132	ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС
152	МАФИЯ
177	ТЮРЬМЫ
187	СПОРТ
200	БЕДНОСТЬ
218	БОГАТСТВО
232	НЕГРЫ
238	«ФЮРЕР» УЖЕ ЕСТЬ: ДЖОРДЖ УОЛЛЕС

Рольф Винтер
Кошмары Америки

Редактор *Г. М. Крылова*. Оформление художника *Л. В. Гритчина*. Художественный редактор *Р. А. Казаков*. Технический редактор *А. А. Павловский*. Корректор *Л. А. Суркова*. Младший редактор *Е. Н. Киселева*. Сдано в набор 18/VIII-1972 г. Подписано в печать 20/X-1972 г. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 10,85. Уч.-изд. л. 11,06. Тираж 70 000 экз. Изд. № 013—И. Издательство «Международные отношения», 129090, Москва, И-90, Мещанская, 7. Зак. № 574. Ярославский полиграфкомбинат «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ярославль, ул. Свободы, 97. Цена 66 коп.

66 коп.

Р. ВИНТЕР • КОШМАРЫ АМЕРИКИ